

*Мальчишкам,
моим товарищам по оружию,
посвящаю.*

Автор.

ДОРОГА

Земля дымилась. К душному полуденному мареву, которое здесь, на Украине, стоит обычно в дни поспевания хлебов, прибавились еще тучи пыли. Серые космы их ползли по полям, толстым слоем припудривали тяжелые колосья пшеницы, в бесформенную массу превращали придорожные кустарники. Через эту тусклую завесу солнце проглядывало большим огнедышащим шаром.

По дороге в горячей мгле двигался живой поток. Он извивался, мычал, кричал и лязгал. И трудно было определить, есть ли начало и конец этим арбам, бричкам, гуртам коров и овец, изможденным и почерневшим от пыли людям.

Все двигалось в одном направлении — туда, где по утрам в легкой прохладе вставало солнце. Здесь были люди, которые с первого дня войны — вот уже седьмую неделю — кочевали по дорогам. Были и те, кого недавно подхватил этот бурлящий поток. Но все они не имели никакого представления о том, что с каждым из них может случиться через минуту...

Поток иногда разрывался на части. На него набрасывались самолеты, и в жарком воздухе со страшной силой лопались разрывы. Обрывки живой ленты бешено неслись в разные стороны, трещали арбы, телеги. И дорога скоро пустела. Вздыбленная взрывами пыль медленно оседала на землю, покрывая искалеченные трупы людей и животных.

Но стоило самолетам удалиться, как дорога снова оживала. Беженцы искали родных и знакомых, перевязывали раны, закапывали убитых в придорожных канавах. И на глазах у них не было слез: давно уже высохли...

В этой же колонне, на небольшой бричке, ехали трое ребят. Они ничем не отличались от других маленьких беженцев, разве только тем, что рядом с ними не было взрослых. Сидевший впереди с вожжами в руках, черноволосый, плотный, лет двенадцати мальчишка хриплым, но бодрым голосом бросил через плечо младшему брату:

—Витька, поесть не сообразим?

—Давно нет ничего,— и тот угрюмо пнул ногой в пустую сумку.

Витька выглядел гораздо старше своих десяти-лет. Его круглое, обожженное солнцем и ветром, лицо с растрескавшимися до крови губами походило на лицо старухи. Он, пожалуй, больше всех страдал от этой кошмарной дороги.

—Лучше водички,— облизывая пересохшие губы, вставил сидевший рядом с Витькой Толик.

—Водички?— Алешка посмотрел вперед...

С тех пор, как они отстали от своего детдома, на него взвалилась большая забота. Чтобы жил его маленький отряд — ел, пил и двигался вперед. Эту ответственность Алешка чувствовал не потому, что он старше Виктора и Толика. Толик с ним — одноклассник. Тут дело совсем другое. Толик попал в детдом год назад. Худощавый, угрюмый и неразговорчивый, он постоянно подвергался нападению со стороны ребят, раньше него попавших в детский дом. И только Алешка защищал его.

Толик обладал удивительной памятью и воображением. В детдоме он быстрее всех выучил наизусть большое стихотворение о Коле Тиховарове, который в гражданскую войну завел беляков в болото. Вечером, после отбоя, когда все ложились в кровати, Толик выходил на середину комнаты и начинал свой рассказ о юном герое. Маленький партизан, по его словам, не погиб, а получил новое задание и пробрался в расположение белых, чтобы добыть там ценные сведения. А на другой день Толик рассказывал, как Коля, оставшись один у пулемета, отбивал атаку белой конницы. Он умел так хорошо рассказывать, что ребята забывали о его вымысле. Ведь никто не хотел верить, что Коля Тиховаров погиб.

Все свободное время Алешка, Толик и Витька были неразлучны. И даже когда началась война, когда детдом не успели погрузить в вагоны и ребятам пришлось идти пешком, они по-прежнему ни на шаг не отходили друг от друга. Во время одного из воздушных налетов мальчишки потеряли детдомовскую колонну. Вначале они брели по обочине дороги, а потом нашли лошадь с бричкой. Гнедой измученный мерин стоял в кустах, запутавшись в поводьях...

Сколько пришлось им пережить и пережить за это, короткое время! Но из всего этого кошмара в памяти Алешки всегда выделялась женщина, сидевшая в

придорожной канаве над убитым ребенком...

И вот так они ехали в этой ревущей колонне вторые сутки. Сквозь пелену проглядывало большое недоношенное поле с разбросанными копнами соломы, а дальше чернели сады.

— Сейчас будет деревня. Наберем воды,—сказал Алешка, взглядываясь вперед.

И тут он увидел, как впереди колонна начала рваться на части. Сверху донесся гул самолетов.

— Прыгай!—крикнул он и, пробежав на четвереньках по кювету, ткнулся под ствол большой ветлы.

Рядом попадали ребята. Прямо над их головами, почти касаясь верхушек деревьев, со страшным ревом пронесся самолет.

Выждав несколько секунд, Алешка вскочил на ноги и стрелой помчался к небольшой копне. Он решил, перебегая от копны к копне, как можно быстрее увести ребят от этой дороги. Но, не добежав до первой, вдруг почувствовал, как дрогнула под ногами земля и что-то тугое бросило его на колючую стерню.

Он лежал лицом вниз с закрытыми глазами, широко раскинув руки. Ему показалось, что вокруг наступила мертвая тишина. Но вот оторвал подбородок от земли и открыл глаза. Прямо перед ним, на расстоянии протянутой руки, торчал василек. Повиснув на упругой пшеничной солоmine, он медленно клонил свой венчик к земле. А там, где разорванный конец стебля продолжал еще подниматься вверх, поблескивая голубым отливом, дымился стальной осколок.

Алешка не чувствовал страха. За последнее время пришлось перевидеть столько, что он уже привык ко всему. На уме у него было только одно: довести ребят до Кривого Рога, где назначен сборный пункт для детдомовцев.

Он уперся руками в землю и приподнялся. На дороге было тихо. Только справа от нее, где в широкой балке виднелись сады, стоял неумолкаемый шум. Туда, как видно, хлынула основная масса беженцев.

— Леш,— к нему подбежал Виктор,— посмотри на Толика.

— Что — Толика?—Алешка обернулся и в нескольких шагах увидел товарища.

— Тот был еще жив, хотя глаза его закрылись. Большое темное пятно расплзлось по рубашке. Алешка немало видел за последнее время крови, но эта подействовала на него особенно. Он даже пошатнулся, чувствуя, что теряет сознание. Синее небо, такое ясное и безоблачное, то падало вниз, то снова взлетало вверх. Тошнота сдавила ему грудь и горло, на лбу выступил холодный пот.

Когда Алешка пришел в себя, Толик лежал с широко открытыми глазами. В них не было ни ужаса, ни испуга, лишь полоскалось голубое небо. Легкий ветерок тихо перебирал его льняные волосы.

Алешка посмотрел вокруг. Дорога была по-прежнему пустынна, только кое-где между деревьями виднелись искалеченные повозки с разбросанным скарбом да убитые лошади. А слева он вдруг увидел в небе множество белых куполов, которые медленно оседали на землю. «Десант... немецкий,— мелькнула мысль.— Надо уходить отсюда».

Алешка повернулся к Витьке и срывающимся от злости голосом закричал:

— Да не реви ты!

И тут до него донесся шепот Толика:

— Пи-ить-.. Але...—ему трудно было говорить, он дышал часто и отрывисто.— Ты...— Толик хотел протянуть руку, но та вяло упала.— Мама, мамочка,— прошептал он. И вздрогнул всем телом, большие глаза его снова закрылись.

Витька бросился на землю и, катаясь по стерне, снова громко заревел. Алешка не слышал его рыданий. Уткнувшись головой в солому, он и сам плакал навзрыд. Сколько так пролежал, он не помнит. Очнулся, когда послышалась автоматная очередь.

— Бежим!—тронул он Витьку за плечо.

Тот поднял на него невидящие, полные слез, глаза и простонал:

— А Толик?

Алешка посмотрел туда, откуда доносились выстрелы, и решительно сказал:

— Надо бежать. И нас тут уложат.

Опустившись на корточки, он забросил безжизненные руки Толика себе на плечи и, тяжело поднявшись, пошел по скошенному пшеничному полю.

Скоро они спустились в глубокий овраг. Его склоны, покрытые жесткой, высохшей травой, были разлинованы узенькими тропинками. Как видно, пастухи здесь гоняли скот.

Овраг повернул вправо и неожиданно открыл перед ними широкую долину. В легкой сизой дымке виднелись густые шапки садов с выглядывающими среди них белыми домиками. У Алешки от усталости подкашивались ноги. Толик оказался тяжелым, и нести его было неудобно. Но, обливаясь потом, Алешка упрямо продолжал двигаться вперед. Может, он упал бы, обессиленный, если бы вдруг не услышал окрик.

К ним по склону оврага спускался высокий сухощавый красноармеец. Одной рукой он

держал винтовку, другой хватался за жесткую траву. Ребята остановились.

—Що с ним?—с мягким украинским акцентом спросил он.

—Убит,— прохрипел Алешка, опуская Толика на траву.

—Кто убил?—вырвалось невольно у красноармейца.

—Фашисты, кто же еще!—вытирая пот рукавом с лица, ответил Алешка.

Красноармеец несколько мгновений стоял молча, как бы отдавая дань погибшему, а потом сказал:

—Ну, пойдёмте, доведу вас до старшего лейтенанта. Перекинув винтовку через плечо, он легко поднял тело Толика и двинулся по дну оврага. Через несколько минут они оказались около большого фруктового сада, который вплотную подходил к оврагу.

—Вы що, из этого села?—спросил красноармеец.

Алешка отрицательно мотнул головой:

—Нет у нас дома.

—Мы детдомовцы,— выглядывая из-за Алешкиной спины, добавил Витька.

—Вон оно що-о!—протянул красноармеец.

Тропинка в саду резко повернула влево, и они очутились под большим развесистым деревом, где на ящиках сидели два командира. Что это были командиры, Алешка понял сразу: у каждого из них на боку висела кобура с наганом.

Красноармеец, держа на вытянутых руках тело Толика, отрапортовал:

—Товарищ старший лейтенант, в яру задержаны хлопцы. Они кажут, что из детдома. У них одного вот убили.

С ящика поднялся высокий стройный командир. Его смуглое лицо с узкими черными бровями и приплюснутым носом показалось Алешке знакомым. Именно такого командира он видел не раз в книжках.

—Постой, Савчук, может, он еще жив?—воскликнул старший лейтенант.

—Нет,— и Савчук замотал головой.

Алешка заметил, как крупная слеза упала на его коричневую от загара руку.

Старший лейтенант осмотрел рану, пощупал у Толика пульс и, тяжело вздохнув, сказал:

—Похорони его там, под старой грушей.— Затем, повернувшись к Алешке, спросил:—Его десантники убили?

—Бомбой с самолета. Но десантников мы видели. Они спускались на парашютах левее леса.

—А почему немцы высадили десант именно здесь?—спросил молчавший до этого второй командир.

—Спешат господа фашисты,—ответил старший лейтенант.— Ты же знаешь, они стремятся окружить нашу армию и шестую. Их механизированная группа обошла Первомайск с Севера и движется к Кировограду. А вот с юга, где мы, наступление у них застопорилось. Как видно, противник решил ускорить свои наступательные действия с помощью десанта.

—Значит, пахнет окружением?

—Трудно сказать,—старший лейтенант подошел к ящикам, где была разостлана карта, сложил ее и сунул в планшет.

Потом повернулся к мальчишкам и спросил:

—Детдом-то ваш где?

—А мы сами не знаем,— ответил Алешка.

—Ну, а где хоть находился, вы помните?

—Конечно. Под Котовском, в Дубках.

—Как же вы оттуда добрались сюда?—спросил старший лейтенант, усаживая ребят рядом с собой на ящики.

Рассказ Алецци командиры слушали молча, и только старший лейтенант нервно барабанил пальцами по ящику. Наконец он встал, прошелся по траве и каким-то сдавленным голосом спросил:

—А сколько же вам лет?

—Мне двенадцатый, а Витьке десять.

—А сколько было тому, который погуб?

—Тоже двенадцатый.

—Ведь только подумать! Трое не прожили тех тридцати пяти, что прожил я. А сколько они пережили!..

Из-за яблони вынырнул красноармеец. Это был Савчук, который привел ребят.

—Передали, що фашисты пошли,— быстро проговорил он.

—Ну что ж, этого и надо было ожидать.— Старший лейтенант посмотрел на часы и повернулся к ребятам.

—Есть вам придется прямо на ходу, а сейчас слушайте боевой приказ. Перейдете мост, а дальше — по дороге наверх. В четырех километрах отсюда будет большое село. Там

стоят наши. Найдете старшину Чукова и отдадите ему вот эту записку.

Он достал блокнот, быстрым движением оторвал лист и написал: «Старшина Чуков, этих двух ребят немедленно, любыми средствами надо перетравить в Кривой Рог. Старший лейтенант Бирюков».

Знойное, раскаленное солнце, как бы устав от дневной работы, медленно клонилось к высокому косоугору. Его лучи, еще яркие и горячие, золотом играли в синей прохладе реки, проникали сквозь густоту садов и ударяли в стекла домов. Алешка и Витька стояли на пыльной дороге, смотрели вниз. Там, где остались бойцы со старшим лейтенантом, было еще тихо. Но вот лопнула в небе ракета, и сразу затрещало, заухало внизу. Там начался бой...

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Безмолвные, словно заснувшие, тонули в духоте поля. Воздух, горячий и обжигающий, ударял по лицам, и казалось, что где-то рядом пышат жаром сотни мартенов. Но вот все вокруг медленно стало тускнеть. Сначала длинные полосы теней заскользили в оврагах и кустарниках, а затем, придвинувшись, затянули горизонт.

Где-то рядом деревня. Ясно доносятся лай собак, ржание лошадей. Но Алешке не хотелось подниматься из придорожной канавы. Вся дневная усталость, все пережитое вдруг навалилось на него свинцовой тяжестью.

Он лежал на траве, вытянув ноги. Ему даже не хотелось думать о том, что надо двигаться дальше.

Однако он поднялся и, держа за руку разморенного ото сна Витьку, направился к чернеющим в сумерках деревьям. Они подошли к неширокой, но глубокой канаве, за которой начинался большой сад. Тут Алешка увидел копну свежего сена и, быстро забравшись на нее, подал руку Витьке. Не успели они улечься, как из темноты сада выскочила собака и с хриплым лаем стала бросаться на копну. Следом за ней появился старик.

—А ну слазьте виттыля, бисынята!—закричал он.—Лазите в колхозный сад за яблоками, да ще сино топчите.

—А мы ни одного яблока не взяли,— крикнул сверху Алешка, поняв, что перед ними колхозный сторож.

—Знаю, як ни одного. Мабуть, вже повни пазухи понасбивали. Да постойте,— дед пристальной стал вглядываться в ребят.— Вы, я бачу, не наши. В нашем сели таких нема.

Алешка коротко рассказал про свои скитания. Дед долго вертел самокрутку, а когда прикурил, спросил:

—Так вы кажете, в Ивановци немцы?— и сокрушенно покачал головой.

—А красноармейцы здесь есть?—в свою очередь спросил Алешка.— Ими командує старшина Чуков.

—Не знаю, чи Чуков, чи не Чуков, а наши стоят в селе.— Мерцающий свет самокрутки выхватил на миг из темноты бороду старика.— Исты вы, мабуть, хочите?

Ось трохи подождите, я зараз до хаты,— сказал дед и растаял в темноте.

Он появился так неожиданно, как и исчез. За ним семенила приземистая полная женщина, несла в руках кринку и каравай хлеба. Увидев ребят, она запричитала:

—Родненьки вы мои! И за що на вас така невзгода? Плачуть ваши батьки!

—Ладно, Мария,— остановил ее дед, - не натружай сердца. Хлопцам и так тяжко.

Он взял кринку, хлеб и положил на разостланную тряпку. Затем, вытащив из кармана большой ломоть сала, стал резать его. Но до сала ребята не дотронулись. Они выпили по большой кружке молока с мягким, как вата, хлебом и снова полезли на копну. Несколько мгновений Алешка еще слышал густой бас деда.

Вдруг вместо деда и бабки перед его глазами встала женщина, сидевшая над убитым ребенком в придорожной канаве. Огненные волосы закрывали ее лицо и руки. Но вот она взмахнула ими и посмотрела на него большими синими глазами. Ее взгляд был настолько ужасен, что Алешка закричал не своим голосом... Когда он открыл глаза, кругом все гудело, непрерывные разрывы сотрясали землю. Ошалело пощупал сено вокруг себя. Наткнувшись я а спящего брата, стал лихорадочно вспоминать, где же они находятся. Замелькали повозки, самолеты, убитый Толик у копны соломы... И вдруг ослепительно вспыхнуло, что-то горячее и упругое швырнуло его с копны.

Алешка вскочил на ноги, и новая волна швырнула его на землю. Падая, он почувствовал тупой толчок в правое плечо и затем — резкую боль.

—Витька-а-а! —крикнул он, поднявшись с земли. Но голос его потонул в сплошном гуле взрывов. И тут на мгновение, при вспышке разрыва, он увидел копну и кинулся к ней. На востоке светлел горизонт. Окружающие предметы становились не такими уж громоздкими, какими были, раньше. Вот эта стена кукурузного поля

несколько минут назад казалась Алешке дремучим лесом. Он брел вдоль этой стены, еле волоча ноги. И старался представить себе, что же произошло, почему он не нашел копну, которую ясно видел? А где же Витька? Мысли путались и исчезали, оставалась одна пустота.

Он чувствовал сильную боль в плече, но не ту, рез-кую и острую, что была вначале, а ноющую. Болели рука и спина, боль отдавалась в голове, как будто по ней стучали чем-то острым. От этого гудело и жужжало вокруг. Пестрая, зелено-бурая земля с первыми бликами оранжевых лучей солнца стала колыхаться перед ним, потом закружилась в разноцветном калейдоскопе. Он пошатнулся и плашмя упал на траву...

Открыв глаза, Алешка увидел сквозь верхушки деревьев клочок неба — такой яркий и голубой, что трудно было смотреть. Он повернул голову и совсем близко заметил двух наших, которые о чем-то разговаривали. Один был грузный, с широким смуглым лицом. По треугольникам на петлицах Алешка догадался, что это старшина. Говорил он медленно, как бы подыскивая каждое слово. Собеседник старшины, в противоположность ему, был худощав, остронос и говорил быстро, почти захлебываясь:

—Еще далеко до Москвы. Под Смоленском протолкуются. А потом — с потерей Москвы не потеряна Россия. Это еще Кутузов говорил,— и тут встретился взглядом с Алешкой.— Очнулся, малыш?

—А рана как? — спросил старшина.

—Пустячное дело. Держи, парень, жало. Оно тебя укусило,— и красноармеец достал из сумки маленький кусочек металла. Осколок был меньше ногтя мизинца. Алешка удивленно рассматривал его. Такая кроха, а было так боль-но Сейчас, правда, почта совсем нет боли, осталась только какая-то тяжесть в плече. Он нащупал левой рукой на груди бинты.

— Ну, друг, давай знакомиться.— Старшина сел на край повозки и протянул Алешке широкую и грубую, как кусок дерева, ладонь.— Я старшина Чуков.

—А я знаю вас,—ответил Алешка, кладя свою руку на его ладонь.

Лохматые брови старшины резко взметнулись вверх, глаза стали большими, лучистыми.

—Это уж, право, интересно! — воскликнул он.

Алешка снял свою руку с его ладони, достал из кармана записку. Чуков быстро пробежал ее глазами и соскочил с повозки.

—Тут написано, что вас двое, а где же дру... — и он замолк на полуслове, как видно, поняв, что случилось с ребятами. И, задумчиво постояв, раскачиваясь на широко расставленных ногах, тихо добавил:—Сейчас там уже немцы, мы ничего не можем сделать.

—Он же мой брат! — вырвалось у Алешки.

—Ничего, в селе его приветят. А нам надо торопиться.

Повозки, спрятанные на опушке леса, одна за другой выезжали на дорогу. Старшина Чуков не выводил свою колонну на большак, избегая вражеских налетов И пробок создающихся потоками беженцев. Обоз двигался по проселочной дороге. А где передовая, трудно было определить. То сзади, то спереди, то слева и справа слышались раскаты пушек..

Так прошло пять дней. Алешка за это время совсем выздоровел. Как видно, слабость у него была не от раны, а от сильной усталости и душевного потрясения. Рана на плече заживала.

На шестой день его пребывания в обозе Чукова произошло радостное событие. К ним присоединился с бойцами старший лейтенант Бирюков. Алешка встретил его в лесу, где днем прятался обоз. Он смотрел на старшего лейтенанта, и хотя тот мало походил на прежнего стройного, подтянутого, гладко выбритого командира, которого встретил в саду, но был рад ему, как никогда. Бирюков, с почерневшими от пыли бинтами на голове, сидел на дышле повозки.

— Осиротели мы с тобой, друг,—старший лейтенант притянул к себе Алешку.— Потеряли много верных друзей.— Он тяжело вздохнул.— Да ладно об этом, нам еще драться надо. Ты лучше вот что мне скажи: хочешь быть настоящим бойцом?

Но, взглянув на расплывшееся в улыбке Алешкино лицо, добавил:

—Это не так уж просто.

—Знаю, что не просто,— отстраняясь от командира, сказал Алешка.— Давайте мне винтовку, и я их, гадов, всех перестреляю.

—А вот это уже лишнее,—Бирюков поморщился и, потрогав бинты на лбу, спросил:—Фамилия-то как гвоя?

—Паршин.

—Так вот, товарищ Паршин, учти. У нас в армии заполняется все точно, как приказывают старшие.

—Так точно, товарищ старший лейтенант, выполняют, как приказывают старшие!—

выпалил Алешка.

— Вот и хорошо. Сейчас ты пойдешь в разведку.

У Алешки от радости сердце чуть не выскочило из груди. Сколько раз он ставил себя на место Коли Тиховарова! И вот мечта сбывается.

— Я готов, — ответил он. — Давайте винтовку, и я делаю все, что вы прикажете. Вы думаете, что я боюсь? Да я куда хочешь пойду!

Алешка говорил быстро, стараясь выложить свои доказательства того, что он может выполнить любую задачу. Но Бирюков движением руки остановил его:

— На этот раз винтовка тебе не потребуется. И запомни — никаких лишних действий.

Будешь делать только то, что тебе прикажут. От того, как ты выполнишь это задание, зависит многое. Пойдешь с Савчуком. Ты помнишь его?

— А как же! Высокий, со шрамом на щеке.

— Правильно, Савчук! — позвал старший лейтенант.

Савчук вынырнул из-за повозки и вытянулся перед командиром.

— Как ты думаешь, выполнит он наше задание? — кивнув в сторону Алешки, спросил Бирюков.

Разведчик внимательно посмотрел на мальчишку. Невысокий, широкоскулый, с черными взлохмаченными волосами, он понравился ему сразу. Его карие глаза, широко расставленные под большим выпуклым лбом, глядят прямо и не по-детски серьезно. «Такого, пожалуй, сразу не испугаешь», — подумал Савчук. И ответил:

— Думаю, что выполнит.

— Та-ак... Теперь слушай внимательно. — Старший лейтенант повернулся к Алешке. — Савчук отведет тебя к деревне, а сам останется в кустах и будет ждать твоего возвращения. Ты же пройдешь по всей деревне и посчитаешь немецкие автомашины. И хорошенько запоминай, где и сколько их стоит. Не забудь, загляни и

в переулочек. Нас с тобой интересует один вопрос: много ли немцев в селе?

— Я все сделаю так, как вы сказали, — ответил Алешка.

— Верю, — Бирюков привычным движением руки одернул гимнастерку — Можете идти.

...От леса к селу тянулась глубокая балка, заросшая развесистой бузиной и колючим шиповником. Идти здесь было трудно, и Алешка с удивлением наблюдал, как бесшумно пробирается впереди длинный, на вид неуклюжий, Савчук.

На краю балки, упирившейся в широкий луг, за которым начиналось село, он остановился. Улегся под большой куст бузины и долго рассматривал село и дорогу.

— А немцы в селе есть, — шепотом сказал Савчук. — Вон дивись левее хаты, что с червовой крышей. В саду стоят машины. — У него была привычка смешивать русские и украинские слова.

Алешка недоуменно пожал плечами. Он ничего не видел, кроме сада.

— А ветки набросанные бачишь? Их легко отличить от растущих. — Савчук положил перед собой винтовку и, улегшись поудобнее, добавил: — Давай, хлопец, там виднее будет.

Погода менялась. Только сейчас над селом ярко светило солнце. И вот уже откуда-то выползла огромная черная туча. Резко рванул ветер, потом все затихло. По листьям, по траве начали шлепать капли дождя. Они были, как дробь, редкие и крупные. Затем длинные косые струи замелькали в воздухе.

Дождь шел недолго. Он прекратился также внезапно, как и начался. Алешка вылез из-под куста, где прятался от дождя, и, шлепая по лужам, босиком двинулся к домам. Немцев нигде не видно. Это немного обескуражило его: ведь он тогда может не выполнить задания. Но в то же время Алешка радовался, что их нет. Он боялся немцев, ему еще ни разу не приходилось сталкиваться с ними вплотную.

Но увидеть их ему надо обязательно. И бояться тут нечего. Видел же их старший лейтенант, да и многие другие бойцы! И остались живы. А немцы в селе обязательно должны быть, ведь Савчук не мог ошибиться, он настоящий разведчик. А что, если они сядят замаскированные где-нибудь поблизости и наблюдают за ним? От этой мысли у Алешки даже дыхание перехватило, мурашки побежали по спине.

Он остановился на выходе из переулочка и стал быстро осматривать широкую улицу, рассеченную дорогой. Надо было успокоиться. Может, здесь вовсе никого нет, он сам на себя нагоняет панику. Ему вдруг стало стыдно за свою трусость. И откуда она взялась? А если узнает об этом старший лейтенант?

И тут Алешка услышал за своей спиной чьи-то голоса. Он повернулся, увидел в нескольких метрах от себя троих фашистов. Они выходили из калитки большого дома. Что это были немцы, сомнений нет: такой формы с яркими нашивками он еще не видел ни у кого. А разговор? Непонятный какой-то.

Горячая кровь ударила Алешке в виски, но он тут же понял, что на него не обращают внимания. Стараясь придать себе независимый вид, Алешка двинулся по улице. На всей ее правой стороне стояли только три автомашины. Зато их много на левой стороне. Тут, под большой грушей, стоял даже танк.

Осмотрев деревню, Алешка бегом спустился в овраг. Савчук, выслушав его, весело присвистнул:

—Значит, они прячутся на левой стороне улицы. Я примерно так и предполагал. А где же стоит танк?

—Во дворе шестого дома.

Савчук шагал впереди, думая о чем-то своем. Алешке хотелось спросить, как он догадался, что немцы расположились именно на левой стороне улицы. Но здесь, в глубоком овраге, никак нельзя было поравняться с ним. Приходилось идти сзади, притом на некотором расстоянии, чтобы по глазам не ударяли ветки кустов. А потом, когда выходили из оврага, Алешка забыл о своем вопросе. Ему представилось, как сейчас их будут встречать бойцы, а старший лейтенант при всех похвалит его.

Но все получилось не так, как он предполагал. У леса их окликнул часовой. Затем Савчук вместе с Бирюковым забрались под плащ-палатку, закрывавшую нижнюю часть повозки, и долго там шептались. Алешке было обидно. Выходило так, что не он, а Савчук ходил в разведку и считал немецкие машины. Но скоро: из-под плащ-палатки высунулся Савчук, поманил его пальцем. Алешка пролез под повозку и сразу же очутился рядом с Бирюковым, который лежал на животе, прижимая грудью большую карту.

—Ты говоришь, танк там видел? — не поднимая головы от карты, спросил Бирюков.

—Конечно, танк. На нем белый крест, а по бокам черной полосой обрисован. Точь-в-точь, как у самолета. И пушка длинная с дырявым набалдашником.

—Убедил, убедил,— рассмеялся старший лейтенант. И, повернувшись к Савчуку, заметил:— Как видно, танк поврежден или отстал от основной колонны. Ну что ж,— Бирюков вылез из-под повозки,— будем прорываться.

К нему тут же подскочил санинструктор — молодой, шустрый, по виду подросток.

—Бинты, товарищ командир, надо менять.

— Пожалуй, давай,— Бирюков посмотрел на часы и уселся на колесо повозки.

Пока санинструктор снимал бинты, старший лейтенант говорил Савчуку:

— Все гранаты собери. Твоя группа должна быть вооружена до зубов.— Он помолчал немного, а потом тихо добавил:— На юг нам с тобой дороги нет. Немцы еще два дня назад взяли Вознесенск. Будем пробиваться строго на восток—на Кривой Рог.

Когда бинты были сняты, на правом виске Бирюкова обозначилась большая борозда прижатых волос, из-под которых виднелся розовый шрам.

— Пуля дура, штык молодец,— весело проговорил санинструктор, как заправский парикмахер, орудуя ножницами.

Бирюков поднял голову и встретился взглядом с Алешкой.

—Ну как ты, здорово испугался, когда увидел немцев вблизи?

—Да нет, не очень,— покраснел Алешка.

—Страх у всех есть,— философски проговорил капитан.— Главное тут, кто как умеет бороться с ним. Мы с тобой порошу понюхали, значит, научились воевать.

—За битого двух небитых дают,— прокомментировал санинструктор, накладывая свежие бинты.

—А мы с Алешкой не битые. Так, царапнуло малость.

—Конечно, пустяки. У меня на плече только царапина осталась,— и Алешка начал отворачивать ворот рубашки.

—Старшина-то где?—спросил Бирюков.

—Я здесь.

—Чуков, с сегодняшнего дня Алексей Паршин у тебя числится не как детдомовский мальчишка, а как боец нашей части. Записывай на все довольствие, он заслужил этого.

—Ну, чисто по-гайдаровски!—санинструктор повернулся к Алешке.— Эту дату нужно высечь на граните: «9 августа 1941 года в свои неполные двенадцать лет Алексей Паршин становится бойцом Красной Армии».

А может, и высекут,— положив свою тяжелую руку на плечо Алешке, сказал Чуков.— Вот только обмундирование надо заменить ему. Бойцу в такой форме ходить не след.

ПРОРЫВ

На лес быстро опускались сумерки. Деревья становились длинными, косматыми, а кустарники пухли вверх и вширь.

— Холодно зато нынче, братец,— укрывая Алешку большой попоной, говорил старшина.— А ты спи себе спокойно на повозке, тут тепло. А насчет обмундирования не волнуйся. Скоро выйдем из этой дыры и в момент сошьем все с иголки.

Зажмурив глаза, Алешка сразу же представил себя в «овой гимнастерке и брюках, в начищенных до блеска, как у старшины, сапогах. А рядом стояла винтовка. И вдруг опять увидел своих ребят — и Витьку и даже Толика. «Ты же убитый!» — кричит ему

Алешка. «Это; понарошку»,— отвечает Толкк. А потом снова самолет ты со страшными белыми крестами. Их так много, что не видно неба. Земля дрожит, как в лихорадке, и все кругом гудит...

Сбросив попону, Алешка сел. Повозка резко подпрыгивала на ухабах. Мимо проносились расплывчатые очертания деревьев. Выстрелы гремели со всех сторон. В частые автоматные очереди вмешивались глухие разрывы гранат. Увидев, что Алешка сидит, старшина локтем прижал его к повозке.

—Лежи, не поднимайся!—закричал он.

Эта бешеная скачка продолжалась долго. Алешка лежал на спине и глядел в темное, без единой звездочки, небо, стараясь ни о чем не думать. Ему просто хотелось, чтобы поскорее окончилась эта езда. Вообще, какая-то непонятная война. Даже толком не видишь, как идет бой. Вот только сейчас стреляли, и уже все смолкло. И почему все куда-то несется...

Алешка поднял голову. Кругом было темно. Вдруг впереди, как острые кинжалы, сверкнули три ярких луча. Узкие желтые полосы заметались по степи, а затем, сбившись в кучу, обрушились на их колонну. —Танки! — послышалось впереди.

Алешка поднялся на колени, держась за спину старшины, и тут же они оба свалились в повозку. С громким шелестом над их головами пронесся снаряд, разорвался где-то сзади. Повозка рванулась в сторону, резко наклонившись набок, Алешка перевернулся два раза через голову и упал на жесткую землю.

—Бежим быстрее! — кричал старшина. Схватил Алешку за руку, и они вместе, пригибаясь, побежали в темную степь. А сзади, лязгая гусеницами, стреляя на ходу из пушек и пулеметов, гремели немецкие танки...

После нескольких дней скитаний по лесам и оврагам они подошли к большому пруду, на противоположном берегу которого виднелось несколько домов с почерневшими соломенными крышами. Старая, как видно, давно уставшая от долгой жизни, ива повисла над водой. От нее хорошо проглядывалась вся деревня. Чуков и Алешка молча рассматривали ее. Продовольствие, которое каким-то чудом старшина успел захватить с повозки, уже кончилось.

Алешка никак не мог понять Чукова. Такой сильный, умный, а боится идти в деревню. Все это время они только и делали, что шарахались от каждого дома. —Давайте я схожу,—вызвался Алешка.— Разу знаю дорогу и заодно попрошу еды.

—Подожди малость,— не поворачивая головы, ответил старшина.— Иль не видишь, что к нам идет женщина?

—А может, не к нам.

Но старшина не ошибся. Женщина, обогнув пруд, направилась в их сторону. Когда она подошла совсем близко, Чуков поднялся навстречу.

—"Здравствуй, хозяйшкa»— сказал он, закидывая винтовку на плечо.— Немцы у вас есть

— Мы их еще не видели! Говорят, они в Покровке, — ответила женщина.

—А наши?

Та отрицательно покачала головой.

—Дней пять, как нет.

—Тогда проводи нас в село. Мы голодные, как волки, и дорогу надо разузнать хорошенько.

—Нельзя идти к нам, — вдруг быстро заговорила женщина.— Пришел Степка. Намедни настобался первака и кричал по всему селу, что советской власти уж нет, что немцы взяли Москву, Ленинград. Это правда? — она вопросительно посмотрела на старшину.

—Брешет, как пес, Ваш Степка,—сказал Чуков, немного помолчав, спросил:— Ему-то какая выгода от этого?

—Говорят на селе, что немцы его старостой поставят.

—Вон оно что! — воскликнул старшина.— Откуда же он взялся?

—В колхозе кладовщиком работал. А началась война, взяли в армию — и сразу сбежал.

—А оружие у него есть?

—Этого я не знаю.

—Тогда мы сходим к Степке,— сказал старшина.— Приготовь нам поесть что-нибудь на дорогу. Найдешь?

—Как же, как же,—обрадовалась женщина.— Вон мой дом, другой от края.

—А Степкин где?

—Тот слева, двумя окнами глядит сюда.

Двор был грязен, завален навозом и разной рухлядью. Посредине его стояло большое деревянное корыто, из которого селезень лил воду. Он набирал ее, а потом вытягивал шею кверху и долго стоял так, шевеля клювом. В дальнем конце двора показался огромный

пес и, злобно рыча, ринулся и а них. Но, повиснув на цепи, захрипел, яростно вращая глазами.

— Ты постой здесь и погляди за дорогой,— сказал старшина. И, держа винтовку наготове, шагнул в открытую дверь сеней.

Через несколько минут он снова появился во дворе, ведя впереди себя здоровенного мужика. Лицо у Степки крупное, опухшее, с длинной рыжей щетиной. Белая рубаха, расшитая яркими узорами, вся в жирных пятнах.

— Я в последний раз тебя спрашиваю,— говорил Чуков,— где твое обмундирование?

— Кой черт ты ко мне привязался? — рыжий удивленно развел руками.— Не был я никогда в армии. Если нужно — позовут.

— Ну вот что, комедию мне с тобой разыгрывать некогда.— Старшина вскинул винтовку.— Считаю до трех. Не скажешь, где твое обмундирование — стреляю.

— Ладно, ладно тебе,— взмолился Степка, отстраняясь от винтовки.— Что же я, специально, что ли, все снял с себя? Отстал от батальона, а тут немцы. Да они и сейчас тут рядом, вот-вот могут нагрянуть сюда.

— Ты меня не пугай, я уже пуганый,— взметнул лохматые брови Чуков.— Быстро одевай обмундирование и пойдешь с нами. Я тебя, сукина сына, все равно заставлю воевать за советскую власть.

— Я за нее повоевал,— бросил Степка.

— Виден вояка по всему,— скрипнул зубами старшина.

Задерживаться в селе Чуков не собирался. Он велел Алешке забрать все харчи, которые приготовила для них женщина, и они двинулись в путь. Рыжий шел впереди, молча выславшая наставления старшины.

— Если задумаешь бежать, учти — ухлопаю, — размеренно шагая по обочине, говорил старшина. — Да кто может убежать от кары народной?

Степка не отвечал, он думал о чем-то своем.

Свернув в небольшой овражек, двинулись к перелеску. Огромная разноцветная радуга подковой охватила восточный край неба. Косые лучи солнца пробивались сквозь лохматые облака, яркими полосами бежали по земле. Старшина посматривал с тревогой вправо где группировались большие темные тучи, и подумал что не миновать им сегодня ночевки под дождем.

Неожиданно послышался приближающийся гул моторов. Чуков подал команду ложиться. Но рыжий вдруг резко повернулся и одним ударом сшиб старшину с ног! Затем он прыгнул на него и прижал к земле.

Все это произошло так быстро, что Алешка на мгновение оцепенел. Придя в себя, он бросился на спин Степки и со всей силой вцепился ему зубами в плече Рыжий закричал от боли и, вскочив на ноги, сильны* движением плеч сбросил Алешку. Отлетев в сторону тот молниеносно вскочил и кинулся снова на Степку Но сильный удар в лицо опять свалил его на землю.

Выстрел донесся до Алешки, как глухой подземный удар. Он открыл глаза, но не мог ничего разглядеть, только красная пелена колыхалась перед ним. А когда протер глаза, заплывшие кровью, увидел Чукова.

— Быстрее, быстрее! — задыхаясь, крикнул старшина.

Но, заметив окровавленное Алешкино лицо, быстро схватил его и, бросив на плечо, побежал к кустарнику.

В густом терновнике Чуков положил Алешку на траву, велел запрокинуть голову, чтобы меньше шла кровь, а сам быстро скрылся. Вернулся он через несколько минут, уже спокойный.

— Немцы проскочили мимо, как бешеные, — сказал, присаживаясь на траву рядом с Алешкой. — Однако звезданул он тебя крепко.

— Сломал, — трогая переносицу, сказал Алешка.

— Ничего не сломал, — успокоил его старшина. — Это хрящ. Я помню, когда был мальчишкой, мне тоже так дали. Нос был, как мочалка, а потом все прошло.

— А рыжего ты убил? — спросил Алешка, поднимаясь на ноги.

— Собаке собачья смерть, — бросил старшина.

Глубокой ночью они вышли из леса и, пройдя вброд небольшую речку, наткнулись на широкий тракт. Дорога была безлюдна, только впереди чернел силуэт. Оказалось, это машина. Около нее возились трое. Прислушавшись к их голосам, старшина определил своих.

Невысокого роста лейтенант, старчески покашливая, долго и придирчиво изучал документы Чукова.

— Где ваш полк? Сейчас сам черт не поймет, где чья часть. Мы свой отряд догоняем уже третьи сутки и никак не можем догнать. А мальчишка что, твой сын?

— Нашего полка сын, — ответил Чуков. И, в свою очередь, спросил: — А как на фронте?

— На фронте... — тяжело вздохнул лейтенант. — Немцы в Кривом Роге. Он немного помолчал и затем добавил: — Ладно, поезжайте с нами. Но учтите, старшина, только до первого пересыльного, а то меня обвинят, что увожу людей с передовой. Мальчишку можешь оставить у нас, зачем его таскать за собой?

Машина, старая полуторка, с потухшими фарами, поползла по дороге. Сидя в кузове на мягких мешках, Алешка спорил с Чуковым. Ему было обидно за то, что старшина так легко согласился его отдать. Да еще куда — в банно-прачечный отряд, который сам старшина называл мыльным пузырем. Но Чуков, слушая Алешку ласково водил шершавой ладонью по его голове и твердил:

— Не твое это дело — воевать. Ты вот лучше спи а то умаялся совсем.

В СВОЙ ПОЛК

Первая военная зима на Донбассе была холодной. Рыхлый ноздреватый снег сверкал синевой на полях яркой белизной блестел на крышах домов, дымился на терриконах, как песок, уходил из-под ног на разбиты; дорогах. И всю эту зиму банно-прачечный отряд кочевал по донецкому фронту. В Ворошиловграде, Штеровке, Краснодоне он встречал выходящие из боя части и начинал, как говорил командир отряда, приводить их «божеский вид».

Процедура мытья была длинная и нудная. Многие красноармейцы, входя в первое отделение, где у них отбирали всю одежду, кроме ремней и обуви, выражал явное недовольство, отпускали колкие шутки в адрес работников банно-прачечного отряда. А пока красноармейцы проходили через руки парикмахеров и мылись, их верхнее ватное обмундирование отправляли в пропарочные камеры, или, как их просто называли, «душа

губки». Оттуда несло прелым запахом одежды и слышалось легкое потрескивание лопающихся вшей.

Разговоры у бойцов резко менялись, когда они остриженные, побритые и "вымытые", получали нож белье и пропаренное обмундирование. Крякая от удовольствия, весело смеялись, перебрасывались уже веселыми репликами.

Алешка крутился именно там, где одевались бойцы. Он тоже заразительно смеялся и с наслаждением слушал их рассказы. Один из командиров отделения вспоминал, как ходили за «языком», из-под самого носа фашистов выкрали офицера. Рассказ так запал в душу Алешки, что три дня подряд ему снилось, как он ходил в разведку с этим командиром отделения.

За последнее время Алешке стал надоедать его банно-прачечный отряд. Прошел тот первый порыв, когда он, одетый в новое военное обмундирование, шеголял по улицам и свысока смотрел на мальчишек. Теперь это его не радовало. Он крутился около частей, вышедших из боя, и применял всю хитрость, чтобы попасть к ним. Но странное дело: командиры и бойцы, отпускавшие насмешки в адрес его отряда, никак не хотели брать Алешку с собой. Раздосадованный постоянной неудачей, он собирал мальчишек той улицы, где стоял на квартире, и устраивал с ними военные игры. Иногда эти игры заканчивались драками, и тогда Алешке приходилось выслушивать нравоучения от командира отряда.

Все было однообразно, с утра и до вечера. В прачечной, в густом белом пару вертелись барабаны с бельем, стучали рубчатые доски, а над ними мелькали голые руки вольнонаемных прачек. Чтобы Алешка не бездельничал, его закрепили к «душегубке» — подбрасывать уголь в топку. Но это ему скоро надоело. Тогда командир отряда послал его в продовольственный склад. Но там работы для Алешки — всего один день в неделю, когда вольнонаемные получали сухой паек. Остальное время он был свободен, так как выдачу продуктов для общей кухни заведующий складом делал без его помощи.

Именно тогда, слоняясь от безделья, у него родилась мысль — достать пистолет и уйти в свой 401-полк. Алешка был уверен, что старший лейтенант Бирюков, как только увидит его с оружием, так сразу возьмет его к себе. Это Чуков просто напугался, сдал его в «мыльное» хозяйство. А теперь он, наверное, и сам не рад, что так сделал.

Алешка давно уже думал о возвращении в свой полк но найти его было трудно. И вот, в начале июня сорок второго года, он узнал от мывшихся бойцов, что пол находится в Новосветловке. Это где-то поблизости. Осталось достать пистолет и бежать к своим.

Однако дело это было не из легких. Пистолет, конечно, никто ему не даст. Значит, надо где-то украсть. Но это же гадко. Подумать только — взять пистолет у человека, который несет за него ответственность. Но как же тогда быть? Как прийти к своим с оружием? И тут он решил, что взять его надо у тех, кто вы шел с передовой и проходит санобработку в отряде. Ведь у них много трофейных пистолетов. Алешка сам видел, как разменивались ими между собой разведчики. Стало быть, за такое оружие они особенно не отвечают.

Как-то Алешка попросил пистолет у одного разведчика. Но тот шутя нажал ему пальцем на кончик носа и рассмеялся:

— Мал ты еще, да и зачем он тебе в этом «мыльном» отряде?

Но вот ему повезло. Наблюдая, как бойцы раздеваются в бане, Алешка заметил, что высокий худошавый командир отделения, прежде чем сдать свое обмундирование в «душегубку», засунул в сапог две кожаные кобуры — большую и маленькую. У Алешки часто забило сердце, какая-то непонятная робость овладела им. И откуда она взялась? Он сразу же сообразил, что в маленькой кобуре пистолет трофейный. Значит, его и надо брать. Оглядевшись вокруг, быстро сосчитал до трех и стремительно бросился к сапогам, стоявшим под лавкой...

За сараем, в котором размещался склад, Алешка достал из кармана кобуру, с большим наслаждением стал рассматривать пистолет. Тот был весь черный, с густым синеватым отливом. Маленькие патрончики с тупыми и крупными, как горох, пулями легко, будто кузнечики, выпрыгивали из обоймы и так же просто : входили в нее. Теперь Алешка чувствовал себя счастливым. Завтра, нет, лучше сегодня, он возьмет в складе сухарей, банку консервов и — айда в Новосветловку. Но радость предстоящего побега нет-нет прерывалась тревожными мыслями о совершенном поступке. В эти моменты даже пистолет казался ему не таким уж хорошим. Алешка старался отогнать от себя сомнения. Он начинал твердить, что этот пистолет командиру отделения совсем не нужен: у него ведь есть другой, большой, и к тому же еще автомат. Так Алешка спорил сам с собой до той поры, пока не пришел заведующий складом и не отвел его к командиру.

— Положи сейчас же пистолет на стол, — сказал командир, как только Алешка переступил порог.

Было ясно, что лейтенант знает все, и Алешка молча выполнил его приказание.

—Та-ак...— протянул командир отряда и с какой-то брезгливостью посмотрел на Алешку.— Выходит ты вор...

—У того разведчика их было два,— не поднимая глаз от пола, сказал Алешка.

—Два!— воскликнул лейтенант.— И один из них он подарил тебе? А потом поднял целый скандал из-за пропажи...

Никто мне его не дарил.

—Все ясно,— командир перевел взгляд с Алешки на заведующего складом.— Приказ командующего армии о передаче всех воспитанников в детские дома будет распространен и на наш отряд,— резко бросил он.— Немедленно берите предписание, машину и увозите его

На другой день Алешку отвезли в село Макаров Яр где находился детский дом.

Алешка никак не мог смириться с мыслью, что так быстро закончилась его служба в армии. И вот он снова в детском доме, у него отобрали красноармейскую форму и взамен дали короткие штаны да синенькую рубашку. И почему он раньше не сумел удрать из банно-прачечного отряда?..

Он стоял посредине двора и не замечал, как кругом его играли мальчишки. Все это было для него и каким то близким, и в то же время очень далеким. Крепко стиснув зубы, он старался удержать слезы, которые обильно текли по его щекам.

К нему подошел незнакомый мальчишка. Широкий в плечах, лицо круглое с сочными пухлыми губами, глядел исподлобья, как бы собираясь бодаться. Он отвел Алешку в угол двора и загадочно спросил:

—Какой части?

— Четыреста первого полка,— вытирая слезы, ответил Алешка.

— Так слушай. Точно известно, что немцы снова пошли в наступление. Нужны доказательства?—и он достал из-за пазухи сильно помятую газету.— Вот, слушай... «Войска Юго-Западного фронта вели ожесточенные оборонительные бои с противником, перешедшим в

наступление двумя ударными группировками. Одна из группировок в составе семи пехотных дивизий наступает из района западнее Волочанска; другая — в составе трех пехотных, трех танковых и одной механизированной дивизий — наступает из района восточнее Чугуева. Советские войска под ударами врага начали с боями отходить на восток».

— Когда это было? — спросил Алешка, заглядывая в газету.

— Газета вышла,— мальчишка разгладил на животе помятый лист,— десятого июня 1942 года. А сегодня семнадцатое. За эти семь дней немцы могли пропереть знаешь куда? Ты что, беженцев не видел? — вдруг рассердился он. —А директор что говорил? Забыл? Так вот, детдом готовится к срочной эвакуации.

—Надо бежать,— вырвалось у Алешки.

—Конечно,— подхватил тот.— Но нам сначала надо забрать свою военную форму. Не двинемся же мы на передовую вот в этих штанишках!— Он с презрением посмотрел на свои короткие штаны.— Пойти к директору? Нет, ничего не выйдет. Я уже два раза просил, и все напрасно.

— Надо свиснуть,— прошептал Алешка.

— Вот об этом-то я и говорю. Все наше барахло лежит в кладовке, рядом с которой чулан. Он не закрывается, я уже проверил. И ночью мы это дело обтяпаем...

Глубокой ночью они потихоньку выбрались из спальни и, забрав в кладовку свое обмундирование, двинулись на окраину села. Переодевшись, вышли на перекресток дорог, где стоял столб с фанерным указателем.

—Я пойду на Новосветловку, там мой полк стоит,— сказал Алешка.

—Ну, тогда давай. А мне — на Миллерово.

Молча они пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Алешка направился навстречу глухим орудийным ударам.

Дорога шла по бескрайним степным просторам. Свистели сурки и пели жаворонки. А навстречу тянулась нескончаемая колонна беженцев. Все было, как в сорок первом. Взрослые, с суровыми, серыми от пыли и усталости лицами, шли рядом с повозками. Молча, без крика, как птенцы из гнезд, выглядывали из повозок дети. Привязанные позади телег, брели коровы, низко опустив рогатые головы.

В Новосветловку Алешка добрался к вечеру. Здесь так же, как и на дороге, был хаос. В сплошной темнея кричали люди, ржали лошади, трещали доски повозок и заборов. В этой сумятице трудно было кого-либо раз! екать. А тут еще усталость брала свое. И поэтому, дол! не раздумывая, он стал пробираться к большому дом что глядел на дорогу черными глазницами окон. Здесь в одной из комнат, Алешка нашел кожаный диван и, забравшись на него, быстро заснул...

Через широкие окна, в которых торчали небольшие осколки стекол, вместе со свежей прохладой в комнату вползал рассвет. В комнате на полу, на столах и даже на стульях спали красноармейцы.

— Сколько здесь наших!—прошептал Алешка.

И когда они сюда зашли?

Стараясь не наступить на спящих красноармейцев он двинулся к выходу. Около самых дверей верхом на стуле, положив взлохмаченную голову на тяжелые руки спал сержант. Стоило Алешке протиснуться к двери, как он вздрогнул и поднял голову.

— Чего ты шляешься? — хрипловатым баском проговорил он, поднимаясь со стула.

— Ищу свой полк, — ответил Алешка. — Он стоит здесь, в Новосветловке.

— Какой полк? — сержант потянулся, хрустнув суставами, и опять сел верхом на стул, загородив собой дверь.

— Четыреста первый.

— Комиссар этого полка через два дома стоит, — сержант нехотя встал и направился к выходу.

Через несколько минут Алешка очутился лицом к лицу с высоким, еще совсем молодым человеком, на рукаве которого красным маком горела звездочка.

— Откуда? — застегивая гимнастерку, спросил комиссар.

— Отстал от части, — стоя по команде «смирно», ответил Алешка. ;

— Фамилия?

— Паршин, товарищ комиссар, — отчеканил Алешка.

— Паршин! — раздалось из другого угла комнаты. И тут появился Бирюков. — Вот так встреча! — закричал он, хватая Алешку в охапку.

— А я вас тоже сразу узнал, — задыхаясь от радости, проговорил Алешка.

— Мы с тобой приметные, — смеясь, бросил старший лейтенант. — Да, постой, как ты сюда попал? Ведь Чуков говорил... Чуков. Савчук!

Из другой комнаты, на ходу заправляя гимнастерку, показался старшина. За ним, немного сутулясь, шел Савчук.

— Ну, я как чувствовал тогда, что в сорок первом, — широко расставив руки, улыбаясь, закричал старшина. — Увижу я его, нашего огольца!

Полковой комиссар, молча наблюдавший за ними, наконец сказал:

— Ладно, старший лейтенант, пора. И помли, твое прямое направление — Ростов. А если что не так, — он многозначительно посмотрел на Бирюкова, — тогда не жди приказа, жми прямо на Ставрополь.

У ПЕРЕПРАВЫ

Их машину остановили в километре от переправы. По обе стороны дороги стояли автоматчики и, как сквозь сито, просеивали отступающую колонну.

— Кто старший? — подскочив к полуторке, крикнул один из них.

— Я, — вылезая из кабины, ответил Бирюков.

— Быстро к командиру полка!

В сопровождении Чукова, Савчука и Алешки старший лейтенант (как и шофер, он был в замасленном комбинезоне) быстро пошел к небольшому кустарнику! Здесь стояло несколько командиров. Один из них — маленький, тучный, с выпуклым подбородком, с четырьмя шпалами на петлицах, — не обращая внимания на приветствие Бирюкова, быстро спросил:

— Сколько в машине бойцов?

— Вот все, только шофер еще в кабине спит. Мы с ним попеременно ведем машину.

— Федечкин! — повернулся командир полка к стоящему сзади него лейтенанту. — У нас там сколько уж набралось?

— Человек сорок есть, — отрапортовал Федечкин.

— Постройте их. А вы, — он повернулся к Бирюкову, — возьмете этих людей и займете оборону вон на той возвышенности. — Показал рукой вправо и добавил: Там танки не пойдут, только пехота. Ее надо не пропустить. Давайте выполняйте.

— Можно доложить? — спросил Бирюков.

Командир полка быстро отбросил за спину планшетку и закричал:

— Какие могут быть доклады, когда немцы отдавили нам пятки!

— Но у меня в машине специальный груз! — воскликнул Бирюков.

— Переправим на тот берег. Давайте выполняйте то, что вам приказано, — громовым голосом закричал командир полка.

— Но это груз штаба дивизии!

Полковник на мгновение задумался и бросил:

— Оставьте в машине старшину и шофера, а сами быстро в оборону.

Низкие тучи стремительно неслись над землей. Дождик моросил мелкий, но такой едкий и холодный, что Алешка никак не мог согреться. Садя в свежевырытом окопе рядом с Бирюковым, он все время старался сдерживать дрожь.

— Сейчас и у нас будет жарко, — проговорил старший лейтенант. — Видишь, как шпарт на дороге?

Бой шел левее их. Отсюда, с возвышенности, хорошо было видно, как вся низина, где проходила дорога, покрывалась сплошной сеткой разрывов.

— Наверно, гады тяжелую артиллерию подтянули, — смахивая капли дождя с фуражки,

сказал Бирюков.

В окоп к ним прыгнул, размахивая широкими полами плащ-палатки, Савчук. Алешка приметил, что он всегда был при старшем лейтенанте. Рассказывали, что еще в финскую войну они воевали вместе, и Савчук спас своего командира от вражеской «кукушки». Может за это его и наградили медалью «За отвагу».

— Немцы скопились в яру,— устало проговорил Савчук.

— Много их?

— Мабуть, больше роты.

— Скорее всего, они пойдут левее нашей высоты, прямо на переправу,— в раздумье проговорил Бирюков.— Перебрось-ка станковый налево. Я буду там,— он выскочил из окопа и, низко пригибаясь, побежал к левому склону высоты. Алешка последовал за ним.

Здесь, у единственного чахлого кустика, чудом примостившегося на голой высоте, находился левый фланг. В окопе, вырытом в полный рост, два красноармейца устанавливали станковый пулемет.

— Сектор обстрела хоть куда,— разглядывая широкий дол у подножия высоты, сказал пулеметчик.

Его помощник с тонкими чертами мальчишеского лица, надломленным баском добавил:

— Пускай только сунутся, мы им наломаем бока.

Пулеметчик, повернув к нему широкое, изъеденное оспой лицо, спокойно спросил:

— А ты, Серега, видел когда-нибудь немцев?

— Нет еще,— опустив голову, ответил тот.— Меня же, товарищ младший сержант, только что взяли в армию.

— Де-ла! — прикуривая самокрутку от трофейной зажигалки, вздохнул младший сержант.— Прохладный сдали, Терек вот он, а мы, как зайцы, впереди фашиста скачем.

— Скоро остановимся,— проговорил Бирюков, внимательно рассматривая простирившееся впереди поле.

Справа оно было плоское, как горное плато, с чалой травой и небольшими кустами. Слева, где тянулась широкая отлогая впадина, растительность гуще и выше. Сомнений не было: фашисты пойдут только этой впадине.

— Я останусь здесь,— сказал старший лейтенант Алешке,— а ты беги в наш окоп.

— Да ну его,— отмахнулся Алешка,— я останусь с вами.

Бирюкова мучила мысль: правильно ли он поступил, что взял мальчишку сюда, на высоту? Надо было оставить его в машине. Но ведь главный удар немцы наносят на переправу, где, по всей вероятности, стоит еще их машина. Переправить ее на другой берег вряд ли успели. Пожалуй, он правильно поступил, что взял мальчишку с собой. Все же рядом будет...

Противника хотя и ждали, но появился он неожиданно. Серо-зеленые фигурки автоматчиков внезапно замелькали в дальнем конце впадины. Алешка увидел, как засуетились пулеметчики, и полез на бруствер.

— Куда тебя черт несет? — закричал старший лейтенант и сдернул его на дно окопа. Резко затрещал пулемет. По всей высоте зацелкали винтовочные выстрелы.

— Отсекай их от впадины! — командовал Бирюков.

— Ага, побежали! — в каком-то неопишемом восторге закричал Сергей.

И вдруг все замерло. Наступила тишина — необыкновенная, звенящая.

— Оказывается, немцев можно бить,— проговорил старший лейтенант, протягивая руку к кيسету пулеметчика.

Младший сержант отсыпал щепоть махорки на клочок газеты, подал Бирюкову. Но, увидев, как тот неумело вертит самокрутку, взял газету из его рук и стал футить сам.

— К махорочке, как видно, еще не привыкли?

— Впервые пробую.— Бирюков прикурил, потом откашлялся, вытирая слезы, и добавил:— А стреляешь ты неплохо.

— Пришлось повоевать,— ответил пулеметчик, делая глубокую затяжку.

— Теперь они носа к нам не сунут,— сказал Сергей.

— Не сунут! — хмыкнул пулеметчик.— А вон, послушай... — И быстро присел на дно окопа, потянув за собой Бирюкова.

Где-то наверху раздался сухой треск разрыва, потом глухой — подальше. И следом так близко, что на него посыпались комья земли.

— Теперь молотья началась,— усаживаясь поудобнее на дне окопа, не выпуская самокрутку из пальца проговорил пулеметчик.

В его голосе было столько спокойствия, что, казалось, он говорил не о вражеской артподготовке, просто о деревенской молотье. Это спокойствие передалось Бирюкову, Сергею и даже Алешке. К нему, вместе с разрывом первого снаряда, подкрался страх, который охватил его тогда на дороге. И вот этот уверенный голос пулеметчика действовал успокаивающе. Алешка достал из кармана сухарь, разломил его пол лам, отдал одну часть Бирюкову, а другую стал грызть сам.

После артподготовки немцы снова ринулись на высоту. Теперь они шли не только по

впадине, но и правее ее, намереваясь зажать в клещи засевших на высоте бойцов. Старший лейтенант уполз на права фланг, и теперь Алешка мог беспрепятственно наблюдать за ходом боя. Здесь, наверху у бруствера, было даже спокойней, чем на дне окопа. Отсюда хорошо видя как, низко пригибаясь к земле, подвигаются зеленые фигурки. Они падают на землю, затем снова поднимаются и бегут. Но вот с высоты им навстречу хлестнул ливень свинца, и отдельные фигурки остались лежать без движения.

«Вот это здорово! — подумал Алешка и спрыгнул на дно окопа.— Эх, мне бы автомат или винтовку».

— И тут он увидел — за спиной у пулеметчика стоит винтовка. Алешка положил ее на бруствер, но стрелять так неловко. Тогда он подхватил валявшиеся на дне окопа две пустые банки из-под пулеметных лент, уложил их одну на другую и так поднялся к брустверу. Теперь было гораздо удобнее.

Фашисты подошли совсем близко, Алешка стал различать их лица. Вот один из них, в каске с автоматом, быстро перебежал несколько метров и распластался на земле. Алешка старательно прицелился и, когда немец вскочил на ноги, нажал на курок. Он даже не почувствовал отдачи. Зато ясно видел, как тучная зеленая фигура, неуклюже взмахнув руками, опрокинулась навзничь.

В магазине винтовки было всего три патрона. Алешка снова спрыгнул на дно окопа в надежде найти патроны, но Сергей зло закричал:

— Сиди, тебе говорят! — и, увидев винтовку на бруствере, схватил ее.

Сидя на дне окопа, Алешка прислушивался к нарастающему грохоту боя. Немцы, как видно, подошли совсем близко. Вот младший сержант, оторвавшись от пулемета, схватил с бруствера гранату и с силой швырнул ее вниз. Потом слева прогремело «ура!», и пулеметчики выскочили из окопа.

Когда Алешка поднялся на свои банки, то издали увидел быстро удалявшихся немцев и наших, бежавших следом за ними. Ему вдруг стало страшно от мысли, что немцы сейчас повернутся—и тогда... Ведь их же в несколько раз больше.

Но немцы убегали. Они спустились в низину и скрылись за поворотом. А скоро вернулись пулеметчики.

— Ну, дали мы им!—размахивая руками, кричал Сергей.

Младший сержант улыбался, глядя на своего напарника.

Бойцы усадились на противоположном краю окопа, их лица сияли от возбуждения. А что произошло потом, Алешка никак не мог понять. Сверкнуло ослепительное пламя, и что-то тяжелое навалилось на него..

Когда пришло сознание, он попытался подняться на ноги, но что-то большое и тяжелое по-прежнему лежало на нем. В голове мелькнула страшная мысль, что ему никогда уже отсюда не выбраться. Он с невероятным остервенением стал рваться из этих тисков. И вдруг почувствовал, что правая рука его провалилась в пустоту. Быстро разгреб свободной рукой землю и, упершись ногами, рванулся вперед.

Теперь он лежал на боку. Все тело его находило еще под землей, и только голова да правая рука были свободны. Алешка выплюнул землю и, как выброшенная на берег рыба, открытым ртом стал хватать воздух, ушах невыносимо гудело. Полежав так с минуту, напру все силы и выбрался, наконец, из-под земли. Почти весь окоп был завален землей, только здесь, где находился Алешка, виднелся кусок стены. Кругом рвались снаряды. Комья земли и осколки с шелестом, с визгом пронеслись над ними.

Алешка не представлял, сколько прошло времени той поры, как ударил первый снаряд в их бруствер. О не видел и того, что на изрытую снарядами высоту ст ли медленно опускаться сумерки. Страшная усталое сковала его, будто тисками.

Но вот совсем рядом он услышал знакомый голос. Поднял голову и увидел близко лицо Бирюкова. Оно бы черным и неузнаваемым, только глаза говорили о то что это действительно старший лейтенант.

Бирюков хотел поднять его, но Алешка встал сам. Они пошли вдоль обвалившихся окопов, над которыми черным крылом опускалась ночь.

— Где-то здесь я оставил Савчука,— Бирюков остановился, прислушиваясь к необычной тишине.— Савчук,—позвал он тихо.

Рядом, справа, донесся глухой отклик...

Дальше они пошли втроем. Перед самым рассветом, измученные и совершенно обессиленные, набрели в поле на широкую ригу. Там лежала толстым слоем мякина. Алешка сразу же, как только упал на эту мягкую постель, забылся глубоким сном... Проснулся он от сильного удара в бок. Черное дуло автомата глядело прямо в его зрачки. И понял тут, что враг захватил их сонными.

Потом их куда-то повели, втолкнули в большую полутемную конюшню. Несколько мгновений они стояли без движения, привыкая к темноте. Потом Бирюков, держа Алешку за руку, пошел в глубь конюшни. Тут повсюду лежали и сидели красноармейцы. Алешка уже различал их силуэты.

В широких деревянных яслях Бирюков нашел место и, потеснив бойцов, уложил на солому Алешку, который весь трясся, как в лихорадке. К вечеру он стал слетаться в бреду.

Кричал, звал кого-то, не узнавал старшего лейтенанта и Савчука.

— Кто-нибудь из медработников здесь есть? — спросил Бирюков.

Никто не отозвался. Но скоро, переступая через бежавших бойцов, к ним пробрался человек в разорванной гимнастерке. Левая рука его была забинтованной, висела на повязке.

— Что случилось? — поинтересовался он.

Старший лейтенант кивнул головой в сторону Алешки. Подошедший взял руку мальчишки и нащупал пульс. Затем припал ухом к груди.

— Воспаление легких, — определил он, — В этом сарае, пожалуй, долго не протянет. Его надо немедленно в тепло.

— Надо сказать им, пусть выпускают мальчишку. Что они — совсем не люди, что ли? — выкрикнул рядом лежавший красноармеец.

Несколько человек бросились к дверям, но властный голос Бирюкова остановил их.

— Назад! Никакой помощи у этих гадов мы просить не будем! — Он на минуту замолк, прислушиваясь, как восприняли его слова, а затем скомандовал: — Всем оставаться на местах. Без шума каждому ощупать стену около себя.

— Верное решение, — подтвердил тот, который слушал Алешку. — Бежать надо немедленно, пока фриц нас колючей проволокой не обмотали.

Дыру в стене проделали только под утро. При этом помог счастливый случай: нашелся старый дверной проем, на скорую руку заложённый кирпичами.

Протиснувшись в образовавшуюся щель, Бирюка долго лежал без движения, прислушиваясь к ночной тишине. Из темноты до него донеслись далекие голоса пьяных немцев, а рядом глухо стучали сапоги часового.

— Вот что, товарищи, — поднимаясь с земли, сказал старший лейтенант. — Потихоньку, по одному — и налево. Выходить к речке, там переправимся к своим. Ну, начнем, — и он подтолкнул первого бойца.

— Пойдите, — перед Бирюковым опять вырос человек с перевязанной рукой. — Мальчишку надо выпустить первым, а то может случиться... — Он не договорил, потому что и так для всех было ясно, что иные отсюда могут не выйти.

— Но я — старший лейтенант, — возразил Бирюков

— Звание здесь ни при чем, — перебил его раненый, — ведь вы не знаете моего. Берите быстрее мальчишку — и марш. А мы тут без вас управимся.

Бирюков и Савчук с Алешкой на руках пошли огородами. А когда позади вспыхнула ракета и затрещал автомат, они опустились на рыхлую землю и долго, не отрываясь, смотрели в сторону конюшни. Они думали о том, сколько за это время, пока они шли от конюшни, вырвалось на свободу бойцов, и смогут ли те дойти до своих...

Через несколько минут они поднялись и, спотыкаясь о грядки, побежали дальше. Алешка казался теперь Савчуку тяжелым, его горячее тело беспомощно висело на руках. Наконец они подошли к небольшому домику и прислонились к стене. Кругом стояла тревожная тишина, только со стороны конюшни доносился грохот выстрелов.

Бирюков тихо, одним указательным пальцем постучал в окно. Затаив дыхание, он с напряжением смотрел в темноту окна. Но вот к левому углу прильнуло белое пятно. Кто оттуда выглядывал, рассмотреть было трудно. Бирюков еще ближе придвинулся к окну, и тут справа от него щелкнул засов. Он отскочил и заметил как сквозь щель полуоткрытой двери кто-то смотрит.

— Немцы в доме есть? — прошептал он.

Дверь открылась шире, и на пороге, крадучись, показался мальчишка.

— У нас их нет, — также шепотом ответил он. И махнул рукой куда-то в сторону: — Они там.

Пропустив вперед себя Бирюкова и Савчука, мальчишка закрыл дверь на засов и бросился открывать другую, ведущую в дом. Оттуда дохнуло теплом жилья, острый пахучий запах свежее испеченного хлеба зашекетал в носу.

Справа в комнату вплыла зажженная лампа. Несла ее высокая женщина. Желтый язычок пламени, трепетавший внутри отбитого стекла, слабо освещал строгий профиль ее головы с седеющими прядями волос.

— Наша мамка больна, — сказал мальчик, обходя стоявшего на пороге Савчука. И, заметив на его руках человека, бросился к большой деревянной кровати: — Сюда кладите.

Женщина, поставив лампу на стол, подоткнув углы темных шалей, повешенных на окнах, подошла к кровати. Увидев пышущее жаром детское лицо, она судорожно сжала на груди руки.

— Боже мой, — прошептала она, — за что такое наказание нашим детям? Он ведь не больше моего Ванюшки!

Бирюков молчал, раздумывая, что ему делать. Оставлять ли Алешку в этом доме или, может, пойти в другой. Здесь свое горе, свои трудности. Трое детишек да и сама хозяйка больная.

А женщина тем временем, быстро раздев Алешку взяла пузырек с широким горлом и стала растирать ему грудь.

— Простудился, маленький,— ласково приговаривала она.— Но это полбеды, пройдет.

Огромные горящие круги, с которыми Алешка все время поднимался и опускался в жаркую темноту которые только иногда, пока нес его Савчук, отходил вдаль, теперь запрыгали, замелькали, как сплошной огненный хоровод. Он оторвал голову от подушки, открыл глаза и увидел перед собой старшего лейтенанта и незнакомую женщину. Но это было только мгновение: широкие огненные круги снова подхватили его и бросили в пылающую бездну...

— Нам надо уходить,— Бирюков дотронулся до плеча женщины.— Я бы хотел оставить его у вас, пока мы вернемся.

—А вернетесь? — она взглянула на него и, видно испугавшись, что ее слова будут неправильно поняты, заговорила быстро и горячо:—За мальчика не беспокойтесь. Выходим. Я о другом. Неужели это все, не вернутся наши?

—Придем, обязательно придем,—убежденно ответил старший лейтенант.

Он шагнул к двери, но, остановившись, попросил:

—Скажите ваш адрес?

Хозяйка метнулась на кухню, вынесла оттуда большой каравай хлеба и синий конверт.

— Здесь все написано правильно. А хлеб тоже возьмите, пригодится в дороге.

— Большое вам спасибо,— Бирюков низко поклонился ей. — Не за себя, а за мальчишку.— И, немного помолчав, добавил: — Форму его спрячьте подальше.

— Идите, идите,— она подтолкнула его к двери. — Все будет хорошо.

Темная беззвездная ночь распласталась на земле. Кругом стояла тишина. Но Бирюков и Савчук знали, что эта тишина могла в любое мгновение огласиться выкриком немецкого патруля или треском автоматной очереди.

Выбравшись за огороды, они в последний раз оглянулись на дом, где оставили Алешку, и, низко пригибаясь, побежали в степь...

ГДЕ ЖЕ НАШИ?

Алешка тихонько кладет ладони на подоконник и сразу чувствует, как по нему передается непрерывная дрожь. Это оттого, что где-то близко по большаку идут немецкие танки. За окном мягкий, пушистый снег. Он покрыл уже всю землю. Но это только на время: здесь, на юге, снег долго не держится.

В доме шумит ручная мельница, сделанная из двух камней.

—Дай я теперь покручу,— отрываясь от окна, растирая затекшие руки, говорит Алешка. —Сиди,— отмахивается Ванюшка,— у тебя совсем еще нет сил. Ты вот лучше скажи, в детдоме жить страшно?

—Почему страшно? — недоуменно пожимает плечами Алешка.— Обыкновенно, как и везде.

—А зачем же убежал ты из детдома?

—Ну, убежал.— Алешка снова отворачивается к окну. — Я просто так, из интереса.

Хотелось покататься на поезде. В Одессу съездить. Туда все наши ребята убежали.

—Красиво в Одессе? — Ванюшка отбрасывает назад потемневший от пота льняной чуб, и карие глаза его округляются.

—Еще бы!—оживляется Алешка.— Дома там большие, красивые.

Он отходит от окна, садится рядом с Ванюшкой и берется за ручку мельницы.

— Ты всюду был,— вздохнул Ванюшка.— А я вот только раз с отцом в Ставрополь ездил.

Легко вертится под Алешкиной рукой верхний камень, весело шуршат под ним зерна пшеницы, и мука тоненькой стрункой сбегает в чугун. Через несколько минут тяжелая усталость заливаает все его тело. А ручка, так легко поддававшаяся сначала, становится неудобной...

Уже более трех месяцев прошло с того дня, как старший лейтенант с Савчуком принесли его, больного в этот дом, а вот выздоравливает Алешка слишком медленно. Правда, с постели он встал уже давно, но сил почему-то нет. Дарья Ивановна где-то умудряется доставать для него яйца и мед. Своих кур у нее давно нет: фашисты с первых же дней, как пришли, пожрали всех. Так она где-то на деревне у соседей выпрашивает. Притом всем говорит, что для хворого племянника. А Алешке больно и стыдно за это. Он не может есть принесенные яйца, когда вон на печке сидят голодные Митя и Лида.

Особенно не может он спокойно смотреть на четырехлетнюю Лидочку. Она такая маленькая, хрупкая. Ручки у нее крошечные и, кажется, что светятся насквозь. Голосок ее похож на писк цыпленка, а глаза такие светлые и жалостные, что, когда смотришь в них, слезы сами выступают.

Каждый вечер Алешка забирается к ним на печку и рассказывает сказки. Он выдумывает их сам. Получается, может, не совсем складно, но Лида и Митя очень довольны.

Даже Ванюшка с удовольствием слушает его.

Начинаются все сказки с одного запева: «Идут это Лида и Митя...» Потом встречается им, к примеру, ежик: Митя спрашивает, чего он плачет. И тут они узнают, что к теремку, где живут петушок, мышка, лягушка и ежик, пробрались медведь, волк и лиса. Митя берет свой автомат и идет выручать обитателей теремка. И, конечно, всегда кончается хорошо. Враги разбиты и с позором бегут.

Кроме сказок, Алешке приходится отвечать на множество вопросов.

— Почему зимой не растут цветы? — тоненьким голоском спрашивает Лидочка.

— Кто сильнее — лев или медведь? — интересуется Митя.

А сегодня утром, когда ели картошку в мундире, Митя спросил:

— Кто сильнее — немцы или русские?

— Конечно, русские, — сказал Алешка.

— А что еще ответить этому несмышленому мальчугану, которому недавно исполнилось всего шесть лет? Даже и самому себе Алешка не осмеливается ответить на такой вопрос. Ему надо было уходить — не вечно же сидеть в этой деревне! А куда идти? Где наши? И есть ли они где-нибудь? Эта неизвестность его терзала.

И все же уходить он решился, не хотел быть обузой в чужом доме. Вот придет сейчас Дарья Ивановна, он скажет ей и пойдет. Алешка смахивает пот со лба, затем берет горсть пшеницы и засыпает в отверстие мельницы.

Кажется, кто-то идет. Конечно, вон Ванюшка бросился открывать дверь. На пороге появляется Дарья Ивановна с узелком. Опять ходила добывать что-нибудь для своего больного «племянника». Хватит! И Алешка решительно поднимается.

— Я должен идти, — удерживая дрожь, говорит он хозяйке.

— Куда? — Та положила на стол узелок и, скрестив тяжелые руки на груди, пристально посмотрела на него. — Нет, сынок мой, нет. Я не пущу тебя. Ведь посуду сам, что я скажу вашему командиру, когда он придет?

— А наши наступают, — встал Ванюшка. — Я это точно знаю.

— Откуда тебе знать? — отмахнулся Алешка.

— Знаю, знаю, — радостно зашептал Ванюшка, стараясь, чтобы не услышала мать: она гремела чугунами на кухне. — Под Моздоком и Орджоникидзе. Совсем от нас близко.

Алешка удивленно посмотрел на него.

— Где ты слыхал?

Ванюшка на мгновение смутился, потом отрицательно замотал головой:

— Не могу я тебе сказать.

— А друг еще! — скривил губы Алешка.

Он догадывался, что мальчишка не врет. Иначе тот не смотрел бы так честно в глаза.

— Я поклялся никому не говорить, — смущенно ответил Ванюшка.

— Уж не приемник ли у тебя? — шепотом спросил Алешка.

— Только не у меня. У другого. Маленький такой, на батарейках. Я только раз вчера слушал. Говорили, что немцев в Сталинграде окружили.

— Беги быстрее к своему другу, — горячо заговорил Алешка, — пусть и мне разрешит послушать.

— Батарейка села.

— Надо достать.

— Можно, — утвердительно закивал головой Ванюшка. — Недалеко во дворе стоит крытая машина, которую немцы ночью не охраняют.

— Я видел, но там большой пес сидит на цепи, — прошептал Алешка.

— Вот пес-то нам и на руку. Барс меня знает. Мы с ним осенью даже зайцев гоняли в балке.

— А что там в машине? — не утерпел Алешка.

— Что-нибудь да есть. Не пустая же она! Может и батарейку там найдем.

— Тогда двигаем.

— Подожди, — Ванюшка взял его за руку, — пойдем завтра.

В назначенное время они пробрались задворками к дому, где стояла крытая машина. Несколько минут ждали, прислонившись к забору и прислушиваясь. Алешка чувствовал, как холодный ветер штопором буравил старенькое его пальто, забирался под рубашку. Но особенно холодно ногам. Дарья Ивановна неизвестно где спрятала его обмундирование и сапоги, и он ходил в Ванюшкиных ботинках, которые были малы.

Слушай! — вдруг горячо зашептал Ванюшка.

Затаив дыхание, они еще плотнее прижались к забору. С юга до них доносились глухие раскаты.

— Это не гром. Зимой его не бывает.

— Бьют пушки, — уверенно сказал Алешка. — Я уже наслушался их.

— Ладно, будем действовать, — решительно заговорил Ванюшка. — Ты останешься на улице, да смотри тут. Если кто появится, свистни. Только слегка, одними губами. Можешь так?

— Конечно, — кивнул головой Алешка.

Где-то в конце села с надрывной хрипотой лаяла собака, а здесь, где стоял Алешка, было тихо. Даже со двора, куда две минуты назад нырнул Ванюшка, не доносилось ни единого шороха.

Присев на корточки под забором, Алешка зорко вглядывался в улицу.

Скоро во дворе звякнула дверная щеколда. Алешка приподнялся и увидел, что кто-то появился на крыльце. И потому, как яростно залаял Барс, он понял, что это вышел фашист. Сейчас увидит Ванюшку — все пропало. Но немец постоял на порогах и сразу же вернулся в дом.

«А немец-то трус, — подумал Алешка. — Даже с крыльца боится спуститься...»

...На сеновале, куда они забрались, было так темно, что совершенно не видели друг друга. Ощущали только по дыханию да по случайным прикосновениям.

—В машине сам черт голову сломает. Вот, пощупай, автомат нашел. И ящик какой-то, — и Ванюшка стал орудовать отверткой.

—Тряпье здесь, поддержи, — он сунул в нос Алешке чем-то мягким. — Эх, чепуха какая-то. Лучше бы я еще один автомат взял!

—Это же теплые носки! — воскликнул Алешка.

—А вот еще что-то. — Ванюшка зашелестел пергаментной бумагой. — Тут бутылка, а вот галеты. И кажется. — он откусил и, причмокивая, добавил: — шоколад!

Отломил кусок шоколада и подал Алешке, который сразу же начал жевать твердую приторно-сладкую пластину. Но тут он понял, что Ванюшка не ест.

—А ты чего? — нащупав его руку, спросил Алешка.

—Да так, что-то не хочется, — бросил тот неопределенно.

Но Алешка догадался, что тот бережет шоколад для Лидочки и Мити. Ему вдруг стало стыдно за свою минутную слабость. Ясно же, что этот кусочек шоколада принесет много радости детишкам, которые давно уже не пробовали сладкого. И Алешка сунул в карман остаток шоколада.

Потом они зарыли поглубже в сено автомат и ящик, осторожно вышли из сарая и пустились домой.

А утром, когда они еще спали, в дом пришел полицей.

—Дарья! — с порога загремел он. — Где твой сын и племянник? Живо их к старшему!

—За что, голубчик? — Дарья Ивановна заметалась по комнате.

—А я откуда знаю, — ответил он, крестясь на икону. — Приказал Корень привести, я и выполняю.

—Ах, боже мой! Да этому извергу кто в лапы попадет — живым не выйдет.

—Ну, ну, Дарья, языком-то потише. Чай, не Советы у власти стоят.

Алешка много слышал о Сеньке Корне. По селу о нем ходили нехорошие рассказы. Говорили, что отца его раскулачили и сослали в Сибирь. Там он и умер. А Сенька, как пришли немцы, явился откуда-то и начал свирепствовать. Построил посреди села виселицу и сразу же повесил первого председателя колхоза деда Шубина, хотя тот уже давно не был председателем.

Корень жил в большом доме, который был построен на два хозяина. В одной половине находились бабка с внучкой, а другую занял он.

Когда полицей ввел мальчишек, Сенька сидел на лавке. Он был здоровенного телосложения. Его пудовые кулаки громоздились на столе. На крупном, раскрасневшемся от жары лице блуждала ухмылка. Белая рубаха, расшитая яркими узорами, от лучей заглядывающего в окно солнца, казалась ослепительной.

Корень молча поманил ребят пальцем, и те боязливо приблизились к столу.

—Где спрятали автомат и посылки?

—Мы ничего не брали, — вытирая рукавом нос, сказал Ванюшка.

—Валять дурака со мной? — приподнимаясь со скамейки, закричал Корень. — Кто вчера ночью шлялся по селу? Молчите? Я спрашиваю вас, где спрятали автомат и три посылки?

—Какие — три? — вырвалось у Ванюшки.

—Ну, а сколько, сколько? — прищурил глаза Корень.

Алешка понял, что Сенька ловит их на слове и тихонько дернул сзади Ванюшку. Но это движение уловил Корень. Он резко повернулся и, схватив полотенце, ударил Алешку по голове. Это было так неожиданно, что Алешка присел, а Ванюшка отпрянул назад. Сенька упал грудью на стол и захохотал во все горло.

Злые слезы обиды выступили на глазах у Алешки. Еще никогда в жизни его никто не бил. Он сжал кулаки и шагнул к столу.

— О-о! — воскликнул Корень. — А ты, я вижу, с характером!

Он поймал Алешку левой рукой за ворот пальто и, держа от себя на расстоянии, чтобы мальчишка не достал руками, изо всей силы стал хлестать полотенцем.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось. Но в тот момент, когда Сенька вошел в дикую ярость, на пороге появился полицей.

— Господин обер-лейтенант вызывает! — гаркнул он, выкатив глаза.

Корень швырнул Алешку так, что тот сбил Ванюшку, быстро надел китель, шапку, снял на ходу с гвоздя кожаное пальто и метнулся на улицу. Полицей последовал за ним.

Несколько минут после ухода Корня Алешка лежал без движения. Сенька не возвращался. Тогда он поднялся, и держась за ушибленный бок, обратился к сидевшему на полу Ванюшке.

—Влипли мы с тобой.

—А зачем ты лез к нему драться? — всхлипывая, проговорил Ванюшка. — Теперь он нас

повесит, как деда Шубина.

—А мы сбежим,— Алешка подошел к окну.— Сеньки не видать, только полицай, который вел нас, стоит у крыльца.

—Отсюда не сбежишь,— выглядывая из окна, сказал Ванюшка. Но вдруг на его лице появилась улыбка:— Стой, есть одна лазейка!

— Где?

—Сейчас увидишь, иди за мной.

На цыпочках они подошли к двери и, тихонько отворив ее, прошмыгнули в сени. Ванюшка первым бесшумно полез по лестнице на чердак.

— Видишь, я так и знал,— подавая Алешке руку, прошептал он.—Вон гляди — доски. А за ними бабкин чердак. Мы пролезем туда, спустимся к ней в сени и — на улицу.

Они благополучно выбрались в соседние сени, перелезли через забор и со всех ног помчались по огородам к окраине села.

—Давай теперь в овраг, а потом на хутор к моей тетке,— крикнул Ванюшка, когда скрылся из виду последний дом их села.— Тут километров пять, не больше.

—Переночуем и двинем к своим,— добавил на бегу Алешка.

На рассвете до хутора, где они ночевали, донеслась стрельба. Ребята быстро оделись и направились к большаку, напрямик по полю. Порывистый ветер гнал колючую поземку, хлестал в лицо. Но они упрямо двигались вперед.

Скоро на фоне белой степи зачернела широкая полоса.

—Что это? — остановившись, изумленно воскликнул Ванюшка.

—Машины,— пристально глядя в черную полосу, догадался Алешка.

—Но они же не двигаются,— растерянно проговорил Ванюшка.

—Наверно, пробка случилась, Ложись, а то мы, как мишени, на этом поле.

Но лежа наблюдать за колонной было трудно. Тогда они поползли вперед. Слева на небе, разорвав пелену сероватых туч, появилась кровавая заря. И все, что несколько минут назад казалось сплошной черной массой, приобрело очертания. Алешка начал считать машины, но, дойдя до тридцати, бросил: на дороге им не было ни конца, ни края. И самое странное, что около них нет ни одного человека. Ведь ребята не знали, что наши части перерезали большак и заставили врага побросать всю технику, бежать по направлению к Ставрополю...

Алешка подошел к первому большому грузовику, залез в кабину и стал сосредоточенно изучать устройство его управления. Он дергал за рычаги, крутил руль, то и дело нажимал на стартер. Ванюшка не разделял его затеи. Он с остервенением выбрасывал через борт одеяла, набитые каким-то барахлом мешки, искал в кузове машины оружие. И вдруг остановился.

— Видишь? — прошептал он, перевалившись через борт.

Алешка выглянул из кабины и растерялся на первое мгновение. Прямо на них колонной по три шли люди в серых шинелях и ушанках, на которых ярко горели красные звезды. А на груди у них висели автоматы с большими пузатыми дисками.

—Наши! — вне себя от радости закричал Алешка.

Он вывалился из кабины в снег, но тут же поднялся и, широко размахивая руками, побежал им навстречу. Сзади него еле поспевал Ванюшка...

Это была первая за долгие месяцы настоящая радость. За ней пришла вторая — большая и долгожданная.

Когда ребята, сияющие и раскрасневшиеся, подбежали к своему дому, то увидели у сарая четырехконную тачанку. А на крыльце дома стоял Савчук. Алешка с размаху уткнулся головой в его шинель и заревел. Он плакал так громко, что из дома выбежала Дарья Ивановна.

— Дытына еще,— глядя Алешку по голове, говорил Савчук. А у самого по щекам катились крупные слезы.

Ванюшка принес в дом спрятанное Дарьей Ивановной обмундирование. Положил его на лавку, рядом поставил сапоги и молча полез на печку. Его почему-то нестерпимо душили слезы.

—А ты чего там хнычешь? — спросила Дарья Ивановна, накрывая на стол.

—Да нет... Я не плачу,— отворачиваясь к стенке, сказал Ванюшка.

—И не надо,— ободрил его Савчук.— Теперь все страшное позади.

Алешка только сейчас увидел у Савчука на брюках широкие красные ленты. Он знал, что такие лампасы носят только большие командиры.

—Значит, ты теперь командующий дивизией? — воскликнул Алешка, соскакивая со скамейки.

—Я?—Савчук оглядел себя и весело рассмеялся.—У нас все лампасы носят, ведь мы теперь казаки пятого Донского кавалерийского корпуса,

—И старший лейтенант?

—Конечно.

—И Чуков?

—И он.

Савчук прошелся по комнате, остановился около Дарьи Ивановны.

— 51 должен, от имени старшего лейтенанта и всего нашего эскадрона, сердечно поблагодарить вас за спасение мальчишки.— И крепко пожал ей руку.

Через несколько минут они выехали на улицу и, помахав на прощанье Дарье Ивановне и

Ванюшке, которые стояли у калитки, двинулись к большаку. Туда, где нескончаемым потоком шли наши войска.

МЕЖДУ БОЯМИ

Командир отделения разведки старшина Чуков письма раздавал сам. Он обычно усаживался на крыло тачанки и, подав знак Кардашову, чтобы тот вынимал из чехла баян, начинал медленно доставать из полевой сумки конверты. В этот раз она была почти полная.

После долгих боев с преследованием противника их кавалерийский полк внезапно остановили на отдых в лесу за городом Волноваха. Прошло всего три дня, а будто давно уже тишина. Трудно привыкнуть к таким резким переменам. Когда были на передовой, бойцам казалось, что если бы вывели их на отдых, то спали бы неделю без просыпу. А вот день отдохнули — и скука стала грызть.

— Олышанский! — старшина поднимает над головой конверт.

Кардашов — могучего телосложения, с широким добрым лицом — набрасывает ремень на плечо. — Какую ему?

У разведчиков был выработан свой негласный закон. Если приходило письмо от матери или от отца, то танцевать можно любое по выбору. Ну, а уж если письмо от невесты или жены, то тут без всяких — русского.

— От нее, — под общий смех объявляет Чуков.

Вздыхнули басы, и следом раздался тонкий перелив аккордов. И рассыпалось, заискрилось вокруг, обдавая веселой удалью. Замелькали красные лампасы и околыши фуражек. Призывная шпорами, застучали по земле сапоги. Один за другим разведчики лихо вылетали в круг. Даже Кардашов, не выпуская из рук баяна, сделал свое знаменитое «па» вприсядку.

— Баста! — Чуков положил руку на баян. — Осталось всего одно письмо и притом для нас особенное.

Разведчики настороженно притихли. Может, это письмо Савчуку? Все знали, как он тоскует по своим родным. Но Украина пока еще в руках врагов. А может, сам Чуков, наконец, нашел свою жену и сына, потерянных еще в первые дни войны? Да вряд ли, не таков старшина: он первым пустился бы в пляс.

Чуков повертел письмо перед глазами и зычно объявил:

— Алексею Паршину — от Дарьи Ивановны!

Это было самым неожиданным для всех и, конечно, для самого Алешки. Он давно привык к роли наблюдателя. Сядет в сторонке и смотрит, как лихо «отрабатывают» за письма разведчики, как радостно блестят их глаза, когда они вскрывают конверты. А тут... ему письмо..!

Помнится, еще под Таганрогом он сочинял свое первое в жизни письмо. И получилось это как-то неожиданно. Лежал на охапке сена и наблюдал, как Кардашов писал своей невесте. Ее фотокарточку Алешка видел не раз. Вообще-то обыкновенная, а Кардашов считал, что она красивее всех.

— Жаль, что я стихи не умею писать, — Кардашов задумчиво посмотрел на Алешку.

— Как Пушкин стал бы писать — целыми книжками?

— Пушкин не Пушкин, а письма писал бы стихами. Моя Надюшка любит их. Да, — Кардашов отложил в сторону исписанный лист, — а тебе что, так и некому написать?

— А кому? — вздохнул Алешка. — Я же детдомовец.

Кардашов задумался на минуту и вдруг сокрушенно покачал головой:

— Ты, друг мой, не уважаешь людей. Разве та женщина, которая спасла тебя, не была тебе родной? Знаю, знаю, — Кардашов протестующе поднял руку, — скажешь, она чужая и попал ты к ней по случаю? Но она же для тебя сделала в десять раз больше, чем, может, родня!

— Дарью Ивановну я никогда не забуду, — ответил Алешка. — Да что я могу ей написать?

Это дело поправимое, — улыбнулся Кардашов, — бери бумагу, сейчас будем сочинять. И вот тогда-то впервые, вместе с тысячами солдатских писем, полетел на Кавказ и Алешкин треугольник. Он написал и был этим доволен. На ответ не надеялся, потому что никогда в жизни не получал писем.

И вот сейчас им овладело неведомое ранее чувство. Как непослушны стали пальцы, вскрывающие конверт! А тут еще все смотрят на него с таким вниманием. Он прочитал первые слова и задохнулся.

«Дорогой сыночек...»

Нет, читать дальше невозможно. Алешка не знал этого слова. Правда, в доме Дарьи Ивановны он уже слышал это теплое слово. Но тогда оно звучало обыкновенно. А сейчас...

Буквы прыгают перед глазами, расплываются в чернильные пятна. И тут выручает Кардашов. Он протягивает руку, берет у Алешки письмо и читает:

— «Мы очень рады, что ты не забыл нас»...

Оторвавшись от письма, ласково надвинул фуражку на Алешкины глаза и воскликнул:

—Ну вот, видишь! Говорил же, что она будет рада...

—Ладно, читай дальше,— подогнал его Чуков, поудобней усаживаясь на крыле тачанки.

—«Жизнь у нас стала лучше,— продолжал Кардашов.— Ванюшка пошел в школу. Я работаю в колхозе, а Митя и Лидочка сидят дома под присмотром бабки Аграфены. За нас не беспокойся. Вот как ты там? Небось страшно день-деньской под пулями ходить? Скорей бы разбить фашистов. От моего Андрея пока нет никаких вестей. Будь счастлив, сынок. Мы все тебя обнимаем».

—А ниже...— Кардашов поднял палец вверх.—«Лешка, бей проклятых фашистов! Я бы тоже пошел на фронт, да мать не пускает».

Это уже Ванюшкина приписка. Деревенский мальчишка, а ведь совсем особенный. В детдоме с презрением смотрели на таких «домашников», считали их трусами, слюнтяями и неумейками. Ванюшка, несомненно, был исключением. И если бы он попал в детдом, Алешка первый заступился бы за него. Потому что этот пацан настоящий. Ведь не побоялся же он тогда забраться в немецкую машину!

Когда были розданы и прочитаны все письма, Чуков подал команду — почистить коней. Разведчики, раздевшись, прыгали на неоседланных лошадях и, размахивая брезентовыми ведрами, помчались к близкой речке.

Вода заколыхалась, вспенилась, шипя, поползла по отлогому травянистому берегу. Лошади, рассекая прозрачную воду, фыркали от удовольствия. Алешка вывел своего Бельчика на песчаную отмель и, черпая ведром, окатывал коня. Бельчик крутил головой, встряхивал ушами и непрерывно бил передней ногой по воде...

Первые дни после прихода в эскадрон Алешка ездил на тачанке. Потом полковой ветврач подарил ему вот этого Бельчика. На нем он учился ездить в седле. Однако на больших маршах мальчишку по-прежнему возили на тачанке. И только в последние три месяца, когда Алешка научился хорошо держаться в седле, ему разрешили ездить в строю разведчиков. Он сильно привязался к своему коню, сам кормил его, поил и чистил.

— Ты его поглубже, поглубже!— кричал Ольшанский, направляя своего буланого к середине речки.

Алешка, бросив ведро на берег и держа в руке повод повел Бельчика дальше. Мягкий упругий песок кончился. Ногами он ощутил скользкую грязь, усеянную острыми камешками и ракушками. И вдруг, потеряв дно, провалился с головой в воду.

— Не плыви впереди Бельчика,— закричал с берега Кардашов,— ведь он тебя утопит!

Алешка, неумело гребя руками, резко повернул в сторону. Мимо, вытянув шею, проплыл Бельчик. Он сделал большой круг, вышел на песчаный плес и так встряхнулся, что тысячи брызг заиграли на солнце. Затем весело заржал и, согнув шею дугой, помчался по берегу.

Пока Алешка ловил Бельчика, разведчики затеяли борьбу. И, как обычно, все против Кардашова. Говорили, что сила у него непомерная, что где-то под Астраханью он рыбачил, сети таскал. Алешке нравился этот богатырски сложенный человек. И не только своей огромной силой, но и большой добротой. Поэтому, когда начиналась борьба, он смело лез в свалку, чтобы помочь Кардашову. Но Алешина помощь была не нужна. Расставив широко ноги и лукаво улыбаясь, тот ловил нападающих разведчиков и клал их в штабель.

Но сейчас его положение осложнилось. Пятеро прижимали богатыря к самому обрыву, стремились столкнуть в воду. Он стоял на небольшой площадке, откуда обычно ныряли, и спокойно ждал нападения.

Первым, низко наклонив стриженую голову, с криком «В атаку!» бросился Ольшанский. Кардашов, поймав его поперек туловища, быстро поднял над собой и мощным толчком швырнул в воду. Сильный всплеск заглушил хохот.

Савчук стал действовать похитрее, не пошел в лобовую атаку. Медленно приближаясь к Кардашову по самому краю берега, он был намерен прыжком под ноги сбить великана в воду. Но Кардашов вовремя разгадал этот коварный замысел. Когда Савчук, как тигр, пригнувшись, изготовился прыгнуть, Кардашов сделал быстрый выпад вперед и одним взмахом правой руки сбил нападающего в воду.

Алешка в неописуемом восторге прыгал по берегу, наблюдая, как один за другим летели с берега разведчики.

— Алеха, держи!— закричал Ольшанский.

Он сидел по самое горло в речке и что-то делал под водой. Затем поднялся и с силой швырнул. На траву упала черная коряга. Но вдруг она зашевелилась и, растопырив клешни, поползла к воде.

—Рак!—закричал Алешка.

—Хороша закуска! А ну, братцы, навались, тут их тьма,— кричал Ольшанский.

Все бросились к нему на помощь. Только Кардашов остался на берегу.

—Ты что же, раков боишься? — насмешливо спросил Ольшанский.

—Боюсь,— Кардашов смущенно развел руками.— Не так раков, как водяных крыс.

—Разведчик тоже!— Ольшанский поднял над водой руку, и все увидели на его указательном пальце большого рака.

—Ишь, как вцепился, шельма, не отдерешь.

Алешка бегал по берегу, подбирая в брезентовое ведро раков. Когда оно наполнилось,

Ольшанский полез в кусты ловить рыбу. Эту затею никто с ним не решался разделить: не верили, что голыми руками можно поймать рыбу. Но скоро тот выбросил плотвичку, а затем широколобого, с красными плавниками, голавля. Алешка радостно подхватывал рыбу и показывал ее разведчикам.

Кардашов, запустив руку в ведро, пристыдил ловца:

—Зачем же всю подряд-то хватаешь?— и стал бросать в речку мелкую рыбешку.

—Эй, эй!—закричал Ольшанский.— Всю мою рыбу побросаешь!

—Не всю, а только вот такую...

Кардашов снова запустил руку в ведро и вытащил еще одну плотвичку. Подержал ее несколько мгновений на ладони, как видно для того, чтобы все видели, какая она маленькая, и швырнул затем в воду.

—А ты чего ему ведро подставил?— набросился Ольшанский на Алешку, вылезая на берег.

—Ладно, ладно, не кричи! — вмешался в разговор Савчук.— Ты лучше расскажи, как немецкий Манштейн кланчил у фюрера подкрепление.

Ольшанский был из тех солдат, которые неведомо каким путем могли добывать такие сведения, что даже эскадронные и взводные командиры пожимали плечами. Недаром разведчики подшучивали над ним: «Если знает командующий фронтом, то обязательно знает и Ольшанский».

Понимая, что его слушают с большим интересом, Ольшанский любил, прежде чем сообщить какую-то новость, немного помолчать. И на этот раз он принялся рассказывать только после того, как разведчики, накормив лошадей, уселись у костра, нетерпеливо поглядывая на закопченное ведро, где варились раки.

— Для защиты Миусских укреплений Гитлер клялся не пожалеть сил,— прикуривая самокрутку от дымящейся головешки, начал Ольшанский.— Он обещал командующему южной группой Манштейну, если потребуется, подбросить из своего резерва пяток дивизий. А Манштейн хорохорился, божился и клялся, что русские не прорвут его оборону, что он может легко обойтись без резервов.

Ольшанский достал из-за голенища ложку, помешал в ведре и бросил сидевшему напротив него Кардашову:

—Пойдешь за обедом — захвати нашему повару пяток раков. Черт возьми, во всех эскадронах повара как повара, есть на кого посмотреть, а у нас — что собака на сене.

Сам кашей, худой, как доска, и нас хочет сделать скелетами.

—Ладно, рассказывай дальше,— подбрасывая сучья в костер, оборвал его Кардашов.

Ольшанский не спеша докурил и продолжал:

— Когда наш корпус ввели в прорыв и мы отрезали основные пути отхода противника от Таганрога...

— Встать, смирно! — раздался голос Чукова.

Бойцы вскочили. К ним подошел командир эскадрона. Присел на траву и взмахом руки посадил всех. Затем он вытащил из кармана трубку и, улыбаясь, спросил:

— Ну, кто смелый, даст закурить?

Все весело рассмеялись: это была любимая шутка капитана (новое звание Бирюков получил несколько дней назад). В трубку его, которая изображала чертову голову, махорки входила как раз половина недельной порции казака. Дав ему закурить, любой рисковал остаться в качестве подшибалы «бычков».

—Что ж,— комэска достал из кармана пачку легкого табаку,— смелого не нашлось, придется набивать своим.— Прикурив и захлопнув блестящую крышку трубки, он добавил:

—Только в войну курю, а кончится — сразу брошу.

—Привыкли мы к этому,— вздохнул Чуков.

—Так о чем же шел разговор?—спросил капитан, отрывая взгляд от трубки.

—Рассказываю, как Манштейн просил подкрепление у Гитлера,— снимая с костра ведро, откликнулся Ольшанский.

—Ну, и как же он просил?

—Да-а... Как закрыли мы под Таганрогом в ловушку всю шестую армию, так он и бросился к нему «Адольфик, родименький, подбрось свои дивизии, дырочки бы надо заштопать...»

—И дал ему Гитлер?

—Нет, только кукиш показал,— вылавливая раков из дымящегося ведра, ответил Ольшанский.

—Что ж, вполне может быть,— капитан посмотрел на притихших разведчиков.— Теперь мы наступаем на всех фронтах, и Гитлеру приходится, действительно, туго. Вот только сейчас я слышал в штабе полка, что Брянск уже освободили.

—А что на нашем фронте?—поинтересовался Кардашов.

—Мы вышли на линию Преображенское — Лозовая — Чаплино — Гуляй-Поле — Урзуф. Теперь до Днепра рукой подать.

—А там и мой Каменск!— радостно воскликнул Савчук.

—До твоего Каменска два перегона по пятьсот километров,— бросил реплику Ольшанский.

—А вы знаете, почему нас вывели из боя?— Комэска выбил о каблук сапога трубку и после небольшой паузы пояснил: — Чтобы отдохнули и привели себя в порядок. Завтра в тыл к немцам пойдём.— И, встретившись взглядом с Алешкой, добавил:—Сегодня в штабе тебя хвалили за разведку.

—Разведка...— хмыкнул Алешка.— Ходить по деревням и просить у теток милостыню... Комэска расхохотался:

—Невеселую выбрали мы работку. Но учти, командир полка велел представить тебя к награде. И это мы сделаем обязательно.

—Представляйте, только ходить по деревням и просить милостыню я больше не хочу.

—Вот тебе и на!—капитан недоуменно развел руками.— Да знаешь ли ты, что в этом рейде тебе отводится ведущее место? И не волнуйся, теперь будешь ходить не один. Беги сейчас во второй эскадрон: там мальчишку подобрали.

Второй эскадрон стоял в другом конце леса. Алешка быстро разыскал палатку комэска. Из нее вышел мальчишка. Ростом он был, пожалуй, с него, но худой. Светлые волосы с рыжеватым отливом взлохмачены. Старенькая рубашка и такие же штаны придавали ему неприглядный вид. Назвался Борькой. Они пошли по берегу, где рос густой ивняк. Здесь Алешка вытащил свой клинок и стал показывать Борьке, как надо правильно рубить лозу.

—Клинок — подарок наших кузнецов,— сказал Алешка, взмахнув им над тонкой лозой.— Тебе тоже могут сделать. Тут просто: с обыкновенного большого клинка снимают эфес, отрубают часть лезвия и снова насаживают эфес. Так же и с ножнами,—Алешка резко опустил клинок, и срубленная лоза торчком опустилась на землю.

—Теперь я,— Борька взял из рук Алешки клинок и ударил по второй лозе. Она резко качнулась и повисла на коже.

—Ты ломаешь, а не рубишь,—беря назад клинок, сказал Алешка.— Надо, как твой комэска. Тот с двух рук. И так, что лоза долго стоит потом, как не срубленная.

—А ты немцев много порубил?—спросил Борька.

—Ни одного,— вздохнул Алешка.— Я же разведчик.

—А разведчики что — не рубят?

—Да никто не рубит. Мы только считаемся кавалерией. Кони у нас для передвижения, а воюем, как все войска. Теперь ведь не гражданская война, когда были одни пулеметы. Сейчас даже в нашем корпусе не перечесть танков и «катюш».— Алешка присел на траву и заметил:—А ты, я вижу, совсем в военном деле не бельмес.

—А ты — бельмес? — обиделся Борька.

—Злишься, а сам не знаешь, за что. Война ведь — не просто «ура» да «ура». Ты вот ходил когда-нибудь по деревням, где кругом немцы?

—Ходил, сколько раз. Например, когда возвращался из Мариуполя.

—А ты что — оттуда? — удивленно спросил Алешка. Борька кивнул лохматой головой и присел на траву напротив Алешки.

—Когда мать убило, я пошел к деду в деревню Пешкино. До войны мы с отцом часто ездили туда на поезде. А пешком пришлось топать долго-долго.

—И нашел ты своего деда?

—Нет,— Борька опустил голову и сразу примолк.—Пешкино-то сгорело. И пришлось бродить по деревням. Думаешь, сладко?

—Знаю. Сам с котомкой хожу по хатам.

—А ты-то почему? — Борька даже подскочил, с недоумением посмотрел на Алешку.

—Все приходится,— тот ковырнул землю острым колесиком шпоры.— Ты думаешь, в разведку пойдешь с автоматом? Оденемся в тряпье — и айда по деревням считать немецкие танки да машины.

—И меня пошлют в разведку? — синие глаза Борьки заискрились радостным блеском.

—Со мной вместе пойдешь,— поднимаясь, сказал Алешка.— А сейчас айда к нам в эскадрон. Я тебе гимнастерку дам — у меня запасная.

МИНА

Справа в густом кустарнике резко затрещала сорока. Разрывая громким криком лесную тишину, она пронеслась над поляной и уселась на высокой верхушке сухого дерева. Кардашов движением руки остановил ребят. Он был уверен, что сорока всполошилась, увидев их. Но на всякий случай надо было проверить, нет ли кого другого поблизости.

Присев на корточки, Кардашов стал всматриваться в зеленую чащу. Впереди сквозь стволы деревьев виднелся просвет. Это опушка леса. Вчера, прежде чем вести мальчишек, он выходил сюда. Тихо вокруг. Один только дятел стучит по сухому дереву.

Кардашов, держа автомат наизготове, быстро двинулся к опушке. Белогрудая сорока взмахнула крыльями и камнем юркнула в зеленую чащу, наполнив воздух звонким треском. Дятел тоже перестал долбить дерево. Он повернул голову налево, направо и сорвался с места.

Алешка шел в нескольких шагах позади Кардашова, оглядываясь на идущего за ним Борьку.

Он удивлялся его выдержке. Правда, за десять дней пребывания в тылу врага они уже третий

раз идут в разведку. Так что можно привыкнуть. Но Борька все еще боится, осматривается по сторонам. И явно опасается ходить около немцев, его так и тянет подальше от них.

—А ты какой-то смешной в этой одежке,— глядя на Алешкины, в заплатках, штаны, заметил Борька.

—Смешного тут мало,— отмахнулся Алешка.

—Эх, и тяжела, чертовка, нынче! — резко сменил разговор Борька. И сбросил на землю торбу.

—Тише ты! — испуганно шепнул Алешка и взял из его рук торбу.

Он боялся, как бы Борька не начал в ней рыться. Ведь там, под кусками хлеба и разным барахлом, лежала мина. Вчера вечером Алешка взял ее из ящика. План свой он обдумывал один и не хотел, чтобы об этом кто-нибудь знал. Конечно, действовать придется вместе с Борькой, но он откроет ему секрет, когда останутся вдвоем. А сейчас впереди идет Кардашов и, если тот узнает про мину, пиши — пропало.

Правда, Алешка и не думал нарушать ту установку, которую дал им капитан. Они с Борькой обойдут Костомарово, Яры, проверят дорогу, идущую на мост. Все это будет выполнено. Но ему хотелось еще своими руками взорвать фашистский танк или машину. Разведчики ходят и взрывают ночью. И все это они делают без него. А потом Ольшанский хвастается, как взлетают в воздух фашисты. Теперь пусть узнают, что и он не лыком шит.

—Итак, повторим исходные данные — и в путь,— Кардашов оторвал взгляд от дороги, повернулся к ребятам.

—В тысячный раз!—фыркнул Алешка.

—Я скажу капитану, чтобы он тебя больше не посылал в разведку, — рассердился Кардашев. — Ты все время выбрасываешь номера. Вот Борька — совсем другой человек.

—Ладно, ладно, повторю,— Алешка опустил торбу на землю и, закатив глаза, выпалил скороговоркой: — Мы из Мариуполя. Родных потеряли, ищем своего деда. Зовут меня Алешка, а это мой двоюродный брат Борька.

Кардашов, выслушав такие же слова от Борьки, предупредил:

—И никаких лишних действий. Я жду вас здесь.

Алешка перебросил торбу через плечо и двинулся с Борькой к дороге.

Белые хаты деревни Костомарове прилепились на отлогом склоне оврага, по дну которого бежал ручей. Все дома были на той стороне, а на этой, на зеленом кочкообразном поле, паслось стадо коров, овец и коз.

Свернув с дороги, мальчишки двинулись к стаду. Пастушонок, в заплатанной телогрейке, которая доходила ему почти до пят, встретил их настороженно. Но Алешку такой прием не смутил. Ему уже не раз приходилось встречаться с деревенскими мальчишками, которые вначале всегда недоверчиво относились к нему. Но стоило рассказать им свою горькую историю, как они становились разговорчивыми.

Вот и сейчас общий язык с пастушонком был найден быстро. Шмыгая носом, пританцовывая босыми ногами на кочке, тот, захлебываясь, рассказал, где и сколько в их деревне немцев.

—А через мост на Куклово пройдем? — спросил Алешка.

—Туда и не суйтесь. Там их наехало — невидимо. Никого не пускают. Наши деревенские через брод ездят, вон там,— и пастушонок махнул рукой в сторону.

В деревне немцев, действительно, было немного. Алешка насчитал четыре зенитных пушки, спрятанных в садах, на окраине села. Но проверить дорогу к мосту оказалось гораздо труднее. План, предложенный Алешкой—пойти прямо по ней — начисто провалился. У поворота дороги навстречу им выскочил немецкий солдат и, что-то крича и размахивая автоматом, погнал их обратно.

Тогда мальчишки, спустившись в глубокий овраг и петляя по его извилистому дну, стали пробираться к реке, Алешка давно приметил, что к краю оврага, недалеко от крутого берега реки, острым клином выходил небольшой лесок. Обзор отсюда был превосходный. Усевшись на суку высокой березы, он смотрел вниз, как с колокольни.

Борька тоже стоял на суку соседней березы, крепко обхватив руками ее гладкий ствол. Он был немного сконфужен. Хотелось не отстать от Алешки, да вот не угнался, хотя и старался изо всех силенок залезть быстрее и повыше.

Широкий луг, разрезанный искрящейся на солнце рекой, был весь испещрен песочными наносами, большими ямами с водой, как видно, не высыхающими от половодья к половодью. А там, справа у горбатого моста, копошились фрицы. Одни копали ямы, другие подвозили бревна, а третьи вырубали кустарник.

—Пулемет бы сюда, та-та-та по ним! — мечтательно воскликнул Алешка.

—В самый раз бы, а то они скоро, как кроты, в землю залезут,— отозвался Борька.— Боятся, что наши мост взорвут. Вот увидишь, пойдут разведчики ночью — и от него ничего не останется. Не зря же нас послали сюда!

—Они ночью будут пилюли подносить немцам, а мы сейчас,— Алешка спрыгнул на землю и весело похлопал ладонью по торбе.— Видал в ящике, что стоит за нашим шалашом, мины? Так вот, одна уже здесь.

—Здорово! — Борька схватил его за руку.— Айда назад к мосту, шарахнем его. Вот будет паники!

—К нему сейчас не подберешься.

—Да, немцев много,— вздохнул Борька.

Там, где проселочная дорога выходила на большак, ведущий в Яры, мальчишки залегли в кустах. Момент был самый удобный: на обеих дорогах не видно ни души.

— Смотри в оба,—шепнул Алешка и, быстро перебежав кювет, присел в глубокой колее.

Он вытащил из торбы мину, положил ее на гладкую колею дороги, утрамбованную шинами, он начал руками сгребать на нее землю. Хорошо, что недавно прошел дождь и земля еще рыхлая.

Засыпав мину, Алешка махнул рукой Борьке, и они стремглав помчались по обочине большака в Яры.

—Могут сегодня и не наехать,— заметил Борька.

—Возвращаться будем — увидим. Если не клюнет — переставим.

Яры начались сразу. Большак, перескочив косогор, врезался в густую зелень садов. Алешка даже остановился от неожиданности. Он сначала не узнал село. Но когда увидел церковь с разбитым куполом, то понял: неделю назад они заходили в Яры с другой стороны, потому и обознался.

Наступал тихий теплый вечер. Но вряд ли это радовало село так, как прежде, когда легкие сумерки несли задушевную песню, когда, грузно переступая, шли по улицам сытые коровы и навстречу им брнчали подойники.

Сейчас село притихло. Только иногда глухо звенели тяжелые засовы да неслись выкрики чужой речи. Мальчишки спешили. Они знали, что ходить здесь ночью опасно. Немецкие часовые не разбирали, кто идет — старый или малый.

Быстро осмотрев село, ребята повернули назад, и тут со стороны большака донесся глухой взрыв.

—Наша!—воскликнул Алешка, прибавляя шаг.

Скоро мимо них промчался грузовик, в кузове которого сидели гитлеровские солдаты и полицаи.

—Заерзали, собаки,— бросил им вдогонку Борька.

В легкой дымке сумерек они еще издали увидели большую, перевернутую машину.

— Дальше не пойдем,—остановившись, проговорил Алешка.— Нам правее, прямо на опушку леса. Там Кардашов нас ждет.

Заурчала машина на перекрестке, и черное пятно ее стало быстро приближаться. Вдруг яркий луч фары выхватил мальчишек из темноты.

—Бежим! — крикнул Борька и рванулся в сторону.

Алешка на какое-то мгновение замешкался. А что если немцы увидят их убегающими? Сразу поймут, кто подложил мину. Он вскинул руку, прикрывая глаза, и стал ждать, когда машина пройдет мимо.

Но свет фар застыл на месте. «Остановились!» — мелькнула мысль у Алешки. Пятясь, он стал медленно отходить в неосвещенную полосу.

—Эй, малец, поди сюда!—донеслось от машины.

Это было сигналом. Не раздумывая, Алешка метнулся в сторону и врезался в низкий кустарник. Колючие ветви рванули его за ноги, и он кубарем перелетел через куст. Вскочив на ноги, помчался в поле, забирая правее, к опушке леса. Но тут он услышал, как навстречу ему приближается чье-то сопение, гулкий топот сапог.

Резко повернув, Алешка побежал по вспаханному полю. Свет фар полоснул по нему длинной струей и ушел влево, отсекая дорогу. Он плашмя бросился в глубокую борозду, над которой стоял небольшой белый столбик. Сердце в груди стучало так громко, что, кажется, удары его отдавались в земле. Не поднимая головы, Алешка стал прислушиваться. Где-то совсем рядом звучали голоса. Затем он уловил то же сопение и тот же глухой топот сапог, что заставили его повернуть в другую сторону. Еще плотнее прижался к земле.

— За белым столбиком не прячутся...

Алешка вскинул голову и увидел высокую тень, которая быстро разрасталась. Он подобрал под себя ноги и прыгнул вперед. Но тень резко качнулась, и тут Алешка почувствовал, как чья-то рука схватила его за штаны...

Полицай крепко держал мальчишку и всю дорогу, пока они ехали на машине, без умолку твердил, что именно этого щенка он видел в Ярах несколько дней назад, в канун взрыва склада с боеприпасами. Алешка не видел в лицо ни того, кто его держал, ни немцев, стоявших рядом в кузове. Его широко открытые глаза упирались в потускневшую бляху, на которой, хищно распластав крылья, орел держал в когтях свастику. Иногда, когда машина подпрыгивала на ухабах, он толкался лбом в это мерзкое распятие, и от такого прикосновения ему становилось не по себе.

Он был рад, что Борька успел убежать. За себя Алешка почему-то был спокоен. Наверняка он выпутается из этого положения. Будет говорить, что ищет своего деда. А почему был раньше в Ярах, как твердил полицай,— и на это найдет ответ. Скажет, что тот просто спутал...

Комната, куда втокнули Алешку, была залита ярким светом. Две электрические лампочки на длинном шнуре, переброшенные через крюк потолка, фарами отражались в очках офицера, который полулежал в кресле. А над ним с большого портрета колючими глазами смотрел Гитлер.

— Вас послали на дорога партизан? — офицер взмахнул покрытой густыми рыжеватыми волосами рукой и, поднявшись с кресла, подошел к нему.

Алешка отрицательно покачал головой.

— Я так и зналь, что ви не есть партизан,— офицер подтолкнул его к столу и достал из ящика большую плитку шоколада.— Кушай. Тебя просто обманул зольдат с красной бантой на штанах. Даль такой игрушка и сказаль, положи на дорога.

—Я не знаю никаких солдат,— ответил Алешка.

Офицер резко выпрямился.

—Не скажешь правда, будем вешать.

—Вешать? — Алешка криво усмехнулся.

Ему почему-то пришли на память стихи Леси Украинки, которые он учил еще в детдомовской школе. «Поймаешь нас сегодня десять, завтра двадцать вновь настанет»... Но сказать их вслух не решался. У него еще теплилась надежда, что офицер не знает, кто такой он и почему оказался на дороге.

—Я ничего не сделал,— стараясь быть спокойным, сказал Алешка.

—А ты видаль партизан и русский зольдат? — офицер дохнул на него резким перегаром чеснока и водки.

— Мы к деду идем. И никого по дороге из партизан...

Алешка не договорил. Страшной силы удар швырнул его на пол...

В то время, когда его схватил на пашне полицаи, Борька мчался по направлению к опушке леса. Но, не добежав до нее, лег на гребень оврага и, прикусив губы, стал смотреть, как мечутся по полю яркие лучи фар. И вдруг у него остановилось сердце. Он увидел, как в полосу света шагнула длинная фигура полицаи, как тот держал за воротник Алешку.

Был бы пистолет или автомат, Борька сейчас бы резанул по этому долговязому черту. Что же теперь делать? Позвать Кардашова? Он вскочил, кинулся было к опушке леса. Нет, не успеет добежать. Борька даже завыл от досады, сел на землю и обхватил голову руками. Мелко, как в лихорадке, застучали зубы.

В этот момент он увидел, как машина, полоснув последний раз светом фар, стала медленно удаляться. Тогда Борька, вскочив на ноги и не разбирая дороги, бросился вдогонку за ней. Может, ему самому удастся освободить Алешку? Хорошо бы эти гады оставили его где-нибудь связанным. Борька подполз бы и зубами разгрыз веревки.

Эти мысли придавали ему силы. Он совсем забыл о страхе. Вот только сильно жгло ноги — расцарапал их о колючий кустарник и бурьян. Правая штанина была разорвана на две половины, моталась из стороны в сторону, мешая бежать. На ходу Борька закатал ее, ощутил на пальцах липкую влагу...

На окраине села он потерял из виду автомашину. Но слышал рокот ее мотора и, прижимаясь к садам, бежал и бежал. А вот и церковь. Справа послышались голоса. Машина без света вползла во двор большого дома и заглохла.

Прижавшись к плетню, на котором чернели, как срубленные головы, кувшинки, Борька старался разглядеть двор. Рыжая луна только что вылезла, как из-под земли, запуталась в густых ветках деревьев. Впереди около машины колыхнулась тень. «Часовой»,— догадался Борька. Он сделал несколько шагов вправо, затем, потихоньку раздвинув жерди забора, проскочил в сад. Петля между деревьями и кустарниками смородины, подошел к дому с другой стороны.

Резко защекотал в носу запах ночных цветов. Борька помнил этот запах: подобные цветы росли у деда под окном. Днем они были скрученные, жалкие, а ночью распускались, и палисадник будто обливался духами. Дед особенно любил эти цветы. Вечером, когда село затихало и крупные звезды высыпали на небе, он садился с дедом на крыльцо и всей грудью вдыхал ароматный воздух...

Борька на цыпочках подошел к окну, прижался головой к каменному подоконнику. Как из большой пустой бочки, до его слуха доносились голоса. О чем там говорили, было трудно разобрать. Так же на цыпочках он прошел в глубь сада и спрятался за ствол развесистой яблони. Луна, наконец, выпуталась из густых ветвей, ярким светом залила весь двор. И тут Борька снова увидел высокого полицаи, который шел через двор к подвалу. Справа у него на боку свисали голые Алешкины ноги.

«Убили»,— мелькнула у него страшная мысль. Он почувствовал, что в этот миг не способен даже пошевелить языком. Но оцепенение прошло так же мгновенно, как и появилось. Не помня себя, он с громким всхлипыванием помчался в глухую ночь...

* * *

Длинные тени застыли на стенках штабной палатки. И только одна тень капитана Бирюкова судорожно металась по сторонам.

—Черт знает что творится! — Капитан прошелся вдоль строя вытянувшихся по команде «смирно» разведчиков и остановился около старшины Чукова.— Вам-то уж не простительно. Опытный разведчик, а мальчишки обвели вокруг пальца. Мину выкрали! Надо же додуматься! Да они у вас завтра пушку на дорогу выкатят.

Бирюков сел на широкий пень, служивший ему стулом, и устало запустил пятерню в густую шевелюру волос.

—Получено очень важное задание, а тут такая каша заварилась.— Он обвел взглядом разведчиков.—Ведь знали же, что мальчишка зазнался! И всегда, вместо того, чтобы

одергивать, восхищались его храбростью: «Наш Алешка герой». Это не герой, а настоящий хулиган. Не признает ни своих, ни чужих. Берет мину, заведомо зная, что это преступление, а потом еще перед немцами паясничает, мол, я не боюсь. Разве он не мог убежать, как Борька?

— Мальчишку выкрадем без шума, товарищ капитан, — старшина Чуков шагнул вперед.

— Если он еще жив. Фашисты за такие вещи по головке не глядят. — Бирюков поднялся. — Сейчас двадцать два сорок, до рассвета еще далеко. Возьмете «языка» и постарайтесь покрупнее. И мальчишку приведете. Выйдем из боя — немедленно отправим его в детдом. Нет, не в детдом, а в трудовую колонию. Пускай его там воспитывают. — Капитан посмотрел на Борьку и строго спросил: — Вы у моста были?

— Конечно, нам же велели.

— Велели, — раздраженно перебил он мальчишку. — Но вы делали и то, что не велели. Что видели у моста?

— Немцы роют ямы и возят из леса бревна. — Борька старался говорить спокойно, но внутренняя дрожь никак не проходила.

— А на том берегу не видно?

— Там они тоже копаются в земле.

— Теперь фашисты будут настороже, — проговорил капитан. Затем резко повернулся к старшине и бросил: — Действуй как можно решительней.

...Ночь звенела в ушах назойливо и однотонно. Она кричала отрывисто птицами, ласково шелестела теплым ветерком. Казалось, что кругом нет никакой войны, просто понарошку, низко пригибаясь к земле, пробираются к селу разведчики.

— Вот здесь, прямо через сад, — прошептал Борька, трогая за рукав старшину.

Чуков выпрямился и тихо распорядился:

— Ольшанский, Савчук и Бабкин пойдут со мной в дом. Кардашов снимет часового и найдет Алешку. Остальные останутся во дворе.

Растянувшись цепочкой, разведчики бесшумно вошли в сад. Впереди двигался Кардашов. В правой руке он держал кинжал. Борька пристально следил за его широкой тенью. Много рассказов слышал он о невероятной силе этого разведчика. Говорили, что тот уже снял больше десятка часовых, и не один из них не успевал пикнуть. Вот сейчас можно увидеть, как он это сделает.

Старшина предупредительно поднял руку. Уже видна стоящая во дворе машина, а часового почему-то нет. Сердце отстукивает секунды. Они такие тягучие, что кажутся вечностью. Борька сильно устал — трудный был для него этот день. Вот сейчас он старается разглядеть, что же происходит у машины, а на глаза набегают слезы, мельтешат какие-то расплывчатые тени, Борька трет глаза кулаком и опять смотрит на машину. Ну, а теперь еще хуже: перед ним мечутся тысячи маленьких светлячков.

Впереди колыхнулась тень Ольшанского. Борька двинулся за ней. Идущий сзади разведчик положил руку на плечо и дал знак остановиться около машины. Борька присел на корточки и заметил у заднего баллона мертвого немца. Вот здорово! Он даже не видел и не слышал, как снял его Кардашов.

Четверо разведчиков бесшумно бросились к дому. Впереди — Чуков. Осторожно переставляя ноги, он стал медленно подниматься по ступенькам крыльца. Остальные трое двинулись за ним. Переложив пистолет в левую руку, старшина плавно потянул на себя ручку двери. Она поддалась, и разведчики проскользнули в темный коридор. Чуков еще снаружи как следует рассмотрел дом и представил себе примерное расположение комнат.

Вторая дверь открылась так же легко, как и первая. Старшина, нащупав в кармане фонарь, переступил порог. Тонкий луч метнулся по комнате и замер на рыжей голове, утопавшей в подушках. Чуков быстро двинулся на цыпочках, и в этот момент голова немца взметнулась вверх, а рука судорожно заметалась под подушкой. Сильным движением старшина отбросил фашиста на другой конец кровати и успел схватить из-под подушки парабеллум.

— Хальт! — скомандовал он.

Белесые глаза немца, освещенные лучом фонаря, были наполнены ужасом. Он никак не мог прийти в себя от такой неожиданности.

Старшина сделал два шага назад и, осветив на столе офицерский мундир, стал подбирать слова:

— Кляйн махен шнель.

В это мгновение хлопнул выстрел, и что-то тяжелое, как плеть, с большой силой стегануло по руке Чукова. Фонарь звякнул и покатился по полу, выхватывая деревянные половицы. Белой тенью метнулась в сторону фигура офицера. Но Савчук успел схватить его за рубашку и коротким ударом сбил с ног. Ольшанский ближе всех стоял к стеклянной двери, ведущей, как видно, на кухню. При вспышке выстрела он дал по ней длинную очередь из автомата.

Село молниеносно ожило. Когда разведчики выскочили наружу, улицу уже прошивали трассирующие пули. Немцы палили наугад, не зная, где противник.

— К лесу тащите его, — крикнул старшина Савчуку и Ольшанскому. — Мы будем прикрывать.

Выстрелы в доме застали Кардашова в тот момент, когда он вынес Алешку из подвала и, присев с ним на крыло машины, стирал с лица мальчишки запекшуюся кровь. Кардашов быстро

поднялся, прижимая правой рукой Алешку. Лево́й же схватил стоявшего рядом Борьку и поспешил в глубь сада.

Алешка соскользнул с рук Кардашова и побежал рядом. Они выскочили за село, пересекли дорогу и скоро оказались на опушке леса, откуда утром начался их путь.

— Подождем своих.— Кардашов облокотился на дерево, опросил Алешку:— Здорово болит?

— Нет, вот только глаз.

Борька вплотную придвинулся к Алешке и присвистнул:

— Глаз-то совсем черный.

— Тише,— Кардашов, заслонив мальчишек, поднял автомат.

Прямо на них шли трое. Присев на корточки, он стал приглядываться. Средний, без сомнения, немецкий офицер. Это видно по фуражке. А вот правый — Савчук. Его-то уж легко узнать. Сухопарый, высокий, и ходит все время боком, будто идет на таран.

— Как рыбка попалась? — Кардашов выходит навстречу.

— Не рыба, а тигр настоящий,— ответил Ольшанский.— Вон Ивана Степановича без пальца оставила,— Ладно зубоскалить,— обиделся Савчук,— лучше бы перевязал...

На другой день за завтраком Ольшанский снова вспомнил о том, как вели фашиста.

— Идем это мы,— подмигнул он разведчикам,— как барышню, держим его под руки.— И ткнул пальцем в сторону офицера, который сидел на пне посреди поляны.— Савчук и говорит: «Что он будет в кальсонах шастать, пускай оденется, ему, небось, надоело тащить мундир». Остановились. Стал фриц надевать штаны, а я ему бац все пуговицы, чтобы не вздумал бежать. Савчук китель на него натянул и кляп изо рта вытащил. Пожалел. А он как рванется, что-то по-своему как заорет! Иван Степанович за ним. Фашист в штанах запутался — брык с размаху на землю. Савчук — на него, и тут-то немец цапнул его за палец. Слышу: «Ай-я-яй!» Ну, думаю, пропал Савчук, и что-то я буду докладывать капитану?

— Не ври,— стараясь заглушить общий смех, крикнул Савчук.— Я кляп ему в рот стал забивать, а он прихватил мой палец.

— Ну и я о том же,— под смех продолжал Ольшанский.— Нагнулся над ними, смотрю, какая там у них грызня происходит. Фриц бульдожьей хваткой держит

Ивана Степановича за палец, а Савчук свободной рукой этак ласково поглаживает его по лбу.

— Ну и погладил! — воскликнул Кардашов.

— Алешка! — крикнул Ольшанский, вытирая выступившие от смеха слезы,— Иди посмотри на своего красавца.

Алешка выскочил из шалаша и, прикрывая рукой заплывший глаз, подошел к офицеру.

— Это он тебя бил? — спросил Кардашов.

— Рыжая тварь! — Алешка размахнулся и ударил фашиста по носу.

— Нельзя! — закричал часовой, вставая между офицером и Алешкой.

— Вот, Иван Степанович,— серьезным тоном сказал Ольшанский,— так надо бить. А ты.

Нет, нет, что вы ни говорите,— повернулся он к разведчикам,— а я требую: перворазрядника, чемпиона Винницкой области по боксу Ивана Савчука дисквалифицировать.

Все расхохотались.

— Встать, смирно! — крикнул Чуков, увидев подходившего к ним Бирюкова.

— Сидите, сидите,— капитан махнул рукой и, повернувшись к часовому, приказал:— Отведите пленного в штабную палатку.

Когда офицера увели, Бирюков, опустившись на траву, заговорил:

— Готовьтесь, ночью пойдете к мосту.— Посмотрев на перевязанную руку Чукова, спросил:— Кто пойдет за тебя старшим?

— Прошу это задание поручить мне,— поднялся Чуков.

— Героизм побереги на другой раз,— и капитан поморщился, как от зубной боли.

— Старшим пойдет Кардашов,— ответил Чуков, поняв, что с комэска дальнейший разговор бесполезен.

— Вот и добро.— Бирюков достал свою трубку.— Сегодня ночью просмотрите все подходы к мосту, а завтра будем брать.

— Чтобы взорвать? — полюбопытствовал Ольшанский.

— Нет, братцы, дело будет более сложное и ответственное. Возьмем мост и будем держать его до подхода наших основных частей.

Бирюков окинул взглядом притихших разведчиков. Он знал, что эти люди, прошедшие через множество боев, без лишних объяснений понимают, что такое держать оборону в тылу у врага. Пока подойдут основные части, им придется выдержать на себе десятки вражеских атак. Капитан знал, что без жертв тут не обойдешься, что нашим придется драться насмерть. Но мост очень нужен и удержать его до подхода основных частей — значит открыть путь к Днепру.

— Игра стоит свеч,— подтвердил Чуков,

— Все ясно,— спокойно за всех ответил Кардашов.— Сейчас главное — проверить все подступы к мосту. Кстати, наши мальчишки там были.

—Мальчишки...— комэска поднялся с травы.— Где этот у вас партизан?

—Алешка? — переспросил Чуков.

—Я здесь, товарищ капитан,— Алешка вылез из-за широкой спины Кардашова, за которой прятался от глаз комэска.

Увидев у него на лбу огромный синяк, Бирюков спросил:

— Санинструктор, как он себя чувствует?

Санинструктор Петька Савкин — маленький, с широким лицом и приплюснутым носом — ответил:

—Кроме этого синяка, на бедре две царапины.

—На бедрах ему надо сделать побольше царапин,—строго сказал капитан.—Одним словом, годен на гауптвахту. А разведчиков к мосту поведет Борька.

Борька был страшно рад, что его посылают с разведчиками. Но, взглянув на Алешку, сразу изменился в лице. Жаль было, что тому придется сидеть под охраной. А ведь в истории с миной виноват и он.

—Дорогу по тому оврагу лучше знает Алешка,—проговорил он. Но тут же, испугавшись своих слов, добавил:— И я, конечно, знаю, но вместе бы нам было лучше.

—Вишь, как спаялись!— скрывая улыбку, сказал комэска.— И водой не разольешь. Но вы забыли, что я своих приказов не отменяю. Чуков,— повернулся он к старшине,— посадите его под охрану и дайте ему устав. Пускай зубрит. А выйдем из боя — решим, что с ним делать.

КАРДАШОВ

Эти поля, покрытые мягкими головками кашки, мохнатыми одуванчиками и нежно-синими колокольчиками, и мягкая шелковистая трава, которая от дуновения ветерка переливается легкой зыбью, и высокий угрожающий крик кобчика, и божья коровка, лениво поднимающаяся по тонкому стеблю,— все это напоминало родные волжские просторы. Даже воздух, напоенный ароматами цветов, был так же прян и сладок. Только нет поблизости густых дебрей камыша, как у них под Астраханью, где гогочут дикие гуси и крикают утки, где с важной осанкой, неся перед собой широкие, как лопаты, клювы, ходят красавцы пеликаны...

Кардашов переворачивается на спину и смотрит на тускнеющее небо.

—Ура! Взяли в плен!— неизвестно откуда взявшись, с криком навалились на него Алешка и Борька,

—Сдаваться без боя я не намерен,— Кардашов схватил в охапку ребят.

—А мы и подавно не сдадимся,— выкрикнул Алешка, с силой двумя руками отжать обхватившую его руку Кардашова.

—Откуда это вы взялись? — спросил тот, уложив мальчишек на траву.— Как мне известно, вас оставили в лесу у коноводов.

—А мы сбежали,— прошептал Борька.

—Это уже совсем весело,— приподнялся Кардашов.

— А что, думаешь, нам попадет? — Алешка перекатился с боку на бок, заправляя рубаху та штаны.— Ведь был приказ всем: кто остался в лесу, прийти сюда на подкрепление.

—Приказ был, конечно, да не такой.— Кардашов посмотрел на противоположный берег, где в сгустившихся сумерках ярким светом вспыхнула зеленая ракета.— Твоему, Борька, эскадрону сегодня пришлось поработать крепенько. Фашисты весь день на него лезли. На нас только один раз сунулись.

—Мост-то как, взяли? — подвигаясь к нему, спросил Алешка.

—Была драка,— неопределенно ответил тот и достал из кармана большую плитку шоколада. Разломив ее на две части, подал ребятам и в свою очередь спросил:—Как там, у коноводов?

—Нормально,— запихивая большой кусок шоколада в рот, ответил Алешка.— Коней перевели поглубже в лес, к Гнилому болоту.

—Ну, а кто же вам позволил прийти сюда?

—Как — кто? Пришел Ольшанский и сказал, что в каждом взводе остаются только по одному коноводу. Остальные все — к мосту.

—Ох вы и жулики! — Кардашов покачал головой.—Приказ, конечно, был, но не для вас.

—А мы ведь тоже солдаты,— Алешка схватил за рукав Кардашова.

—Нет, нет, вам здесь не место. Вот посмотришь, как комэска быстренько выдворит вас к коноводам.

—Почему? — воскликнул Борька.

—Война, друзья мои, не для вашего носа. На месте командования я бы давно отправил вас в самый глубокий тыл.

—Андрей Иванович! — взмолился Алешка.— Все нас гонят и вы тоже.

— А тебя я в первую очередь выгнал бы с фронта,—сказал Кардашов, глядя на Алешку.— Ты ведь никого не признаешь. Лезешь всегда туда, куда тебя не просят.

— Но мы же воюем, а не в куклы играем! — возразил Алешка..

— Вот именно, война— не игра в бирюльки. Ты приглядишься хотя бы к Борьке. Парнишка не трусливей тебя, а на рога не лезет, как ты. У него, правда, опыта еще нет, но это дело наживное,— и Кардашов ласково похлопал Борьку по плечу.

Справа застучал пулемет, взвилась ракета, и все там слилось в сплошной треск выстрелов. Кардашов спрыгнул в траншею, увлекая за собой мальчишек.

— Теперь и ночь не дадут поспать,— заметил он, вглядываясь в темноту.

Эскадрон капитана Бирюкова занимал оборону на западном берегу реки. Штаб его размещался у самого моста, в огромной немецкой землянке. А между штабом и окопами находился тот луг, который видели Алешка и Борька, когда еще ходили в разведку. Бирюков знал, что фашисты не пойдут на него в лобовую атаку. Центральная часть обороны проходила по крутому берегу, и прорваться в этом направлении фрицам будет трудно. Конечно, они попробуют ударить с флангов, ведь там оборона закругляется к реке и проходит по низкому отлогому берегу...

Все эти предположения капитана оправдались.

Первый свой удар враг нанес по левому флангу. Но занимающий там оборону четвертый взвод лейтенанта Горячих отбил его натиск.

Всю ночь на участке третьего эскадрона шел жестокий бой. Кардашов, уложив спать мальчишек на широкие нары в штабной землянке и прикрыв их своей плащ-палаткой, вместе с другими разведчиками метался с фланга на фланг, «заштопывая» бреши в нашей обороне бойцами из резервного взвода.

К утру, когда бой на мгновение затих, разведчики собрались в землянке.

— Хорошо, ребята, пока все идет хорошо,—капитан устало присел к столу.— Чем яростней противник атакует, тем ближе наши,— и с этими словами он уронил голову на руки.

Немецкий фитильник — сальная плешка — тихо потрескивал на столе. Маленький язычок пламени еле выхватывал середину землянки. Разведчики примостились кто где и тут же заснули. Но отдохнуть им не пришлось. В землянку влетел боец четвертого взвода.

—Товарищ капитан,— с порога крикнул он,— немцы прорвались!

Комэска вскочил. От резкого его движения маленький язычок пламени метнулся в сторону и погас.

—Черт бы его побрал,—загремел Бирюков.—Где прорвались? Говори толком!

—У нас, в четвертом взводе. Лейтенанта ранило. Только сейчас захватили сарай.

—Сарай! — воскликнул комэска.

—Да, я сам их видел там.

Все мог ожидать Бирюков, но такого, пожалуй, не предвидел. За какое-то мгновение вся его оборона может рухнуть, словно карточный домик. Ведь сарай, куда удалось прорваться фашистам, был всего в пятидесяти метрах от моста. Не раздумывая, капитан выхватил из кобуры пистолет и метнулся к двери.

—Все за мной! — на мгновение он приостановился и бросил связисту:— Сообщи командиру полка обстановку.

Алешка быстро спрыгнул с нар и, вытащив из кармана пистолет, бесшумно выскользнул из землянки.

Тусклый сырой рассвет окутал землю. С речки, клубясь, как пар, поднимался густой туман, рваные его клочья плыли по песчаному берегу. Кардашов бежал рядом с комэска, стараясь хоть плечом заслонить его. Бирюков был горяч. Когда он вел людей в атаку, то становился безрассудно смел, он мог броситься с пистолетом в руке один на целую роту противника. В таких случаях рядом с ним был всегда Кардашов. Капитан не любил опеки над собой, но ругался только сгоряча, а после боя всегда виновато говорил Кардашову:

— Ты, Андрей, не сердись, что я ругаюсь. Ведь в тебя-то легче всего попасть: вон какая мишень!

А Кардашов и не сердился, потому что такая обязанность— беречь капитана — негласно возложена на него всем эскадронам. И выполнял он ее так, как делал бы это любой, на кого пришелся бы выбор.

Около сарая капитан приказал Чукову, чтобы тот атаковал фашистов, которые находились в окопах четвертого взвода. А сам повел пятерых бойцов к широким воротам сарая. Внезапно появившись перед ними, они все одновременно швырнули в черную пасть ворот по гранате. Затем ворвались внутрь.

Тут Алешка будто прилип к Кардашову, который вначале метнулся влево к стене, но, увидев, что капитан ринулся по прямой, бросился за ним. Впереди колыхнулась тень. Кардашов вскинул автомат, но капитан, опередив его, выстрелил из пистолета.

Пули противно визжали над ухом. Кардашов понял, что они находятся в невыгодном положении. Немцы уже привыкли к темноте и сейчас, придя в себя от взрывов гранат, могут легко с ними справиться. Он схватил комэска за руку и с силой потянул к стене. Теперь троим они лежали на земле, стреляя по вспышкам.

— Смотрите, сколько их! — закричал Алешка.

И только сейчас капитан и Кардашов увидели, что в те же ворота, куда они ворвались, целыми группами вбегают фашисты. Кардашов повернулся и дал длинную очередь. Какое-то

азартное ощущение охватило его, когда он увидел, как, взмахивая руками, вбегающие снопами валятся друг на друга. Он вскочил и бросился к воротам. В нескольких сантиметрах от его головы, шурша, пролетела граната. Кардашов только на мгновение почувствовал резкую боль в бедре. Он прижался к стене и стал поливать из автомата просвет, в котором появлялись черепахообразные каски немцев.

Кардашов знал, что патроны в его последнем диске вот-вот кончатся, но все же, когда это случилось, он на секунду растерялся. А тут еще прямо на него, держа на отлете парабеллум, двигался офицер. Кардашов перевернул автомат и, сделав прыжок вперед, со всей силой опустил его офицеру на голову. И тут же перед ним вырос другой фашист. Кардашов ударил его остатком автомата и, поскользнувшись, упал на землю. Фашист ринулся на него, но Кардашов ударом ноги отшвырнул его в сторону.

Дикое отчаяние охватило его. Он лежит на земле без оружия, а мимо бегут фашисты, перед самыми глазами мелькают их кованые сапоги. Кардашов инстинктивно шарит рукой вокруг себя. Ага, нащупал что-то твердое и круглое. Березовый кол! Вскочил на ноги и с остервенением закрутил вокруг себя, не чувствуя боли. Он слышал только удары кола по набегавшим фашистам...

Пуля впиалась ему в шею. Кардашов упал на левое колено, но тут же, собрав все силы, снова рванулся вперед. Кол взвился в воздухе, и еще два немца рухнули на землю. И в это мгновение он почувствовал тупой удар в спину. А когда повернулся, чтобы ответить на удар ударом, почти у самых глаз его сверкнула вспышка выстрела. Кол гулко ударился о землю, и в полумраке завертелись фигуры в огненных кругах. Он чувствовал, что сейчас упадет и у него не хватит больше сил подняться. Из этих вертящихся и мелькающих теней пытался не потерять ту, которая стреляла. Но вот она снова дохнула огнем, и пули впились в его тело, как раскаленные гвозди...

Почему-то совсем близко зашуршало волнами Каспийское море, переливается мягкая трава, а на песчаном берегу стоит Надя с распущенными толстыми косами. Стоит вместе с ним и смотрит, как медленно опускается в морскую пучину огромное солнце...

МОСТ

Борька проснулся внезапно. Он смотрел на маленький язычок пламени в плошке и никак не мог понять, где же находится. Что-то напоминает бомбоубежище. Такой сырой полумрак, а наверху беспрерывно трещат выстрелы и ухают разрывы.

Во время налета авиации он с матерью всегда отсиживался в большом подвале. Сидела там и их соседка, старушка Ефросинья Семеновна, сын которой был знаменитым летчиком. Когда тот приезжал, мальчишки забывали обо всех играх, поджидая его во дворе. Борька и сам страшно хотел стать летчиком. В мечтах он уже не раз носился в небе, как вихрь. И спрашивал, что надо для того, чтобы стать летчиком. Получив ответ «Нужно хорошо учиться», недоуменно пожимал плечами. Люди взрослые все на одну колодку.

Мать всегда советовала Борьке обязательно стать врачом. А для этого, мол, нужно хорошо учиться. Отец говорил, что у Борьки есть все данные, чтобы стать инженером. И опять же для этого надо учиться. А зачем ему говорить об этом, когда он и так круглый отличник. Лучше бы уж напоминали почаще Сашке Бурову или Леньке Карякину. Кто-то сказал, что они потому плохо учатся, что много играют в футбол. А Борька и сам не меньше их любит футбол. У него во дворе даже были специальные ворота с перекладинами. Ух как играли! Особенно, когда сам летчик наблюдал за ними. Он всегда защищал их от дворничихи Квочкиной, старой и толстой, как купчиха, которая постоянно вела войну с ребятами.

—Вы только посмотрите,— говорил ей летчик,—как хорошо играют наши мальчишки.

После этого не хочется даже на «Динамо» идти. Сойдутся там мастера, за девяносто минут увидишь, как забьют один или пару голов. А здесь вот полчаса поиграли, а счет—13:12. Вот это темп!

—Этот темп наемни окно высадил,— ворчала недовольная Квочкина.

...Все это было там, в Мариуполе. А здесь землянка, полумрак и, кажется, никого нет. Вон только на ящике у телефонного аппарата клюет носом связист. А где же Алешка, ведь он рядом лежал.

—Алеш, а Алеш!..— Борька вскакивает с постели,—Куда ты делся?

Наверху стрельба усилилась. Казалось, бой идет прямо на землянке. И вдруг дверь резко распахивается, впуская белые клубы тумана. Около землянки творится что-то невероятное. Борька слышит только крики, беспорядочную стрельбу, видит мелькающие тени у открытой двери. Наконец, как призрак, перед ним появляется Алешка.

—Жив? — кричит он.

— Конечно, жив,—недовольный тем, что его не разбудили вовремя, буркнул Борька.

На пороге землянки в сопровождении старшины Чукова появляется командир эскадрона. Увидев мальчишек, он резко бросил:

—Сейчас же марш к коноводам!—И, повернувшись к связисту, добавил:— Соедини с командиром полка.

—А что нам делать у коноводов? — пробурчал Алешка.

—Коней стеречь, там осталось всего восемь человек.

—Они и без нас обойдутся,— бросил Алешка.

—Прекратить разговоры!—закричал капитан.—Мне некогда с тобой здесь болтать языком. Сейчас же марш!

—Хлопцы, мабуть, дороги не знают,— вмешался в разговор Савчук.

—Пришли же сюда!—сказал капитан, направляясь к телефонному аппарату.

—Они добрались с коноводами, которых мы сняли для подкрепления,— вставил молчавший до этого старшина Чуков.— Их надо бы отправить с Ольшанским.

—Ольшанский, пожалуй, уже там,— беря из рук связиста телефонную трубку, проговорил капитан.— Дорогу они сами найдут. А не найдут — все равно лучше, чем останутся здесь...

Всю дорогу до Гнилого болота, где стояли эскадронные коноводы с лошадьми, Алешка шел, как во сне. Ему просто не верилось, что нет уже Кардашова, этого могучего и ласкового человека. И вдруг припомнился вчерашний разговор с ним, когда они с Борькой пришли из леса. Алешка тогда сказал Кардашову, что если бы у него была такая сила, он так бы пошел крошить немцев — только держись! А что сделал он сам в этом бою? Да ничего. Вот Кардашов — тот настоящий герой. Один сражался против стаи врагов и то не струсил.

Алешке даже стыдно стало за себя, за свою глупую храбрость. Значит, история с миной не геройство, а правда, как говорил капитан — преступление. И Бирюков был прав, отругав Алешку. Комэска теперь не простит ему. Ведь даже сейчас, когда дорог каждый человек, он гонит его подальше от передовой.

—А капитан твой сегодня злоющий,— как бы угадывая его мысли, заметил Борька.

—Сам вижу,— Алешка сунул парабеллум в карман. Он всю дорогу держал его наготове. А теперь коноводы уже близко. Пройти вот этот горелый участок леса, а там метров двести, не больше.

—Этот капитан нашел тебя на дороге раненым?— поинтересовался идущий сзади Борька.

—Да, но тогда он был старшим лейтенантом.

Алешка сделал короткий разбег и прыгнул через лежавшее на земле обгорелое дерево. И тут до его слуха донесся отчаянный шепот Борьки:

—Ложись!

Алешка упал под дерево, которое только что перепрыгнул.

— Слышишь? — прошептал Борька, подползая к нему.

Теперь и Алеша отчетливо услышал немецкую речь. Метрах в десяти от них из-за кустов вышли два человека. На одном были солдатские брюки и черный гражданский пиджак, а на другом — такие же брюки и ярко-зеленый румынский френч. У обоих на груди висели немецкие автоматы, а на фуражках сверкали красные ленты. Перебрасываясь между собой отрывистыми немецкими фразами, они медленно прошли мимо ребят и направились туда, где стояли эскадронные кони.

—Кто они? — шепотом спросил Борька.

—Похоже, что партизаны. Капитан говорил, что они здесь встречаются.

—А по-немецки почему говорят? — недоумевал Борька.

Алешка пожал плечами. Он сам никак не мог понять, почему же партизаны говорят на немецком языке. «А что, если это не партизаны? — От этой мысли по спине пробежал холодок.— Тогда они перебьют всех наших коноводов».

— Вот что,— повернулся он к Борьке.— Держи пистолет наготове и ползи за мной. Но запомни — без команды не стрелять. Мы все сейчас узнаем.

Лошади, привязанные к сделанным на скорую руку из жердей коновязям, стояли в один ряд около деревьев. Алешка быстро отыскал глазами своего Бельчика и пополз к нему. Конь, увидев его, перестал жевать траву и радостно заржал.

— Тише ты, дурачок,—ласково глядя его ногу, прошептал Алешка.

Бельчик сунул оттопыренную губу в раскрытую ладонь хозяина, ожидая по привычке кусок сахара. Но ладонь была пустой, и конь снова потянулся к траве.

Примостившись у передних ног Бельчика, ребята выглянули из-за коновязи. Прямо впереди, где находился сооруженный из зеленых ветвей шалаш коноводов, стояло человек двадцать таких же странно одетых людей, увиденных мальчишками несколько минут назад. Тесным полукругом они обступили сидящих на земле коноводов. Неизвестные люди были вооружены автоматами, тогда как у наших оружия не было.

— Так это же настоящие немцы! — догадливо прошептал Борька.

В дверях шалаша, широко расставив ноги, стоял Сенька Корень. Он был одет так же, как и все эти мнимые партизаны. Но Алешка сразу узнал его по широкому мясистому лицу, на котором сияла самодовольная улыбка.

—Вот это да! — от удивления он чуть не вскрикнул.

Сенька, хлопая прутиком по блестящему хромовому сапогу, громко заговорил, обращаясь к коноводам:

—Шлепнуть вас мне пара пустяков. Лошадок только жалко. С голоду могут помереть, а они ведь денег стоят. Будете смотреть за ними. И предупреждаю: не баловаться, а то мои орелики могут сразу отправить вас в преисподнюю.— Корень медленно вошел в круг сидящих на земле коноводов и с минуту внимательно рассматривал их. Затем он ткнул пальцем в пожилого казака из первого взвода.— Ты поведешь нас к своим.

—А я не знаю дороги,— ответил тот.

—Мы ее знаем,— все так же ехидно улыбаясь, сказал Сенька.— Ты только скажешь своим, что привел партизан для подкрепления.

Коновод первого взвода покачал головой.

—Ну, ты! — Корень выхватил из деревянной кобуры маузер и ткнул стволом в низко опущенную голову коновода.— Говори, поведешь?

—Ни за что! — воскликнул тот, вскакивая на ноги.

В то же мгновение раздался выстрел, и коновод замертво упал на траву. Остальные повскакали с земли, но Сенькины подручные, как по команде, вскинули автоматы...

—Надо стрелять,— стуча зубами, простонал Борька.

У Алешки самого все закипело внутри. Трудно было сдерживать себя, чтобы не выстрелить в наглое Сенькино рыло. Он прикусил губу так, что из нее брызнула кровь, и все-таки сдержался.

—Нельзя! — опускаясь на землю, сказал.— Всех не перебьем, а они одной очередью коноводов уложат. Слышал, что они затеяли?

—Слышал, конечно.

—Ну вот.

Алешка вытер рукавом кровь с подбородка и снова стал наблюдать из-за коновязи.

Корень, размахивая маузером, бегал вокруг коноводов и все кричал:

— Кто добровольно пойдет, получит свободу и большой куш денег.

«Ищет дурачка»,—подумал Алешка Но, к его удивлению, из круга коноводов шагнул невысокий коренастый казак и, прямо глядя Сеньке в глаза, сказал:

—Я поведу.

— Вот так бы и давно,— расхохотался Корень, пряча маузер в кобуру.

—Предатель,— прошептал Борька.

—Подожди, подожди,—Алешка лихорадочно думал, что же предпринять.

Если сейчас бежать к мосту и предупредить своих, тогда Корень может расстрелять всех коноводов. И ждать тоже нельзя. Задача была не из легких, нужно найти быстрое и верное решение. И тут до Алешки снова донесся голос Корня:

—Двое остаются здесь, остальные — за мной.

—Двое, слышишь?—Алешка потянул Борьку назад.— Сейчас, как только они уйдут, нападём на тех, которые останутся охранять коноводов. Освободим их и ударим с тыла по Сеньке.

—А догоним мы его? — спросил Борька.

—Догоним,— уверенно прошептал Алешка, наблюдая, как Корень выводит своих «партизан» в горелую часть леса.

Цепочка автоматчиков несколько минут мелькала между кустами, а затем пропала из виду.

— Берешь на себя того, который сидит под деревом,— прошептал Алешка.— Но смотри, не стреляй.

Мы их так попробуем разоружить.

Перемахнув через коновязь, они на цыпочках двинулись к шалашам. Теперь охранники были к ним спиной. Один из них сидел под деревом, другой же стоял рядом, облокотившись на сук. Алешка выглянул из-за шалаша и увидел среди коноводов Ольшанского. «И он попал».

Большие серые, всегда озорные глаза Ольшанского сейчас растерянно и грустно смотрели куда-то на верхушки деревьев. Но вот он опустил голову и встретился взглядом с Алешкой. И снова задорная и лукавая искра промелькнула в его глазах. Алешка парабеллумом показал на спину часового. Ольшанский кивнул головой и, поднявшись с земли, сказал:

—Начальник, а закурить можно?

Сидевший под деревом охранник на русском языке бросил:

—Куриль запрещено.

—Так могут и уши попухнуть.

— А ты их потри,— расхохотался второй охранник.

Алешка махнул Борьке и, низко пригибаясь, бросился к дереву.

—Стой, не шевелиться!— выкрикнул он.

Находившийся под деревом охранник обернулся и увидел направленный на него пистолет. От неожиданности он даже рот раскрыл. Ольшанский одним прыжком очутился рядом и вырвал из его рук автомат. Второй охранник, как только услышал Алешкин крик, вскочил было с земли, но Борька навел на него «вальтер». И тут же к нему на помощь бросились коноводы, обезоружили «партизана».

—Огольцы вы мои святые!— вытирая радостные слезы, твердил Ольшанский. — И как вы только очутились рядом в такое нужное время?

—А мы давно уже здесь,— ответил Борька—

—Надо быстрее гнаться за Корнем!— воскликнул Алешка.

—Каким Корнем?— спросил Ольшанский. И, повернувшись к коноводам,скомандовал:— Этих привязать к дереву и быстро найти оружие, которое отобрали у нас.

—Тот с маузером и есть Сенька Корень,— торопливо объяснил Алешка.— Он в сорок втором на Кавказе командовал полицией. В том селе, где меня капитан с Савчуком оставляли больного.

—Вот оно что! — протянул Ольшанский.— Эту птицу сразу видно по полету. Мост хочет

захватить. Посмотрим, посмотрим. Кондрашин и Волобуев останутся здесь,— сказал он коноводам. Затем критически осмотрел собравшихся и сокрушенно почесал затылок:—Шесть против двадцати с лишним... Но, увидев обиженные лица ребят, добавил:— Восемь, восемь, то есть. Трудно придется нам, братцы, но запомните: мы не должны допустить их до своих!..

До моста отсюда было километров десять. И маленький отряд Ольшанского тотчас же пустился в погоню.

Сенькину группу догнали примерно на полпути. Первым увидел ее Борька, который, как разведчик, все время бежал впереди. А Алешка всю дорогу находился рядом с Ольшанским: тот запретил ему быть вместе с Борькой, так как Сенька случайно мог узнать Алешку.

—Они около пруда отдыхают,— подбегая к Ольшанскому, сказал Борька.

— Превосходно,— перебросив с руки на руку автомат, ответил Ольшанский.— Теперь надо решить, где мы можем их встретить.— Он с минуту подумал и сказал:— Засаду сделаем у той кривой балки, что тянется к реке. Дадим спуститься в овраг, а там им и некуда деться.

Сделав большой крюк в обход пруда, коноводы вышли к кривой балке.

— Теперь, ребятки, можем и отдохнуть,— тяжело дыша, сказал Ольшанский.— Ложитесь и ждите. Моя автоматная очередь будет сигналом. Да, еще замечу... Он лег на землю, положив впереди себя автомат.— Смотрите, осторожней, чтобы Соколова не убить.

—Так он же предатель!— воскликнул Алешка.

—Ошибаешься, друг мой, Соколов, спасая нас от расстрела, согласился их вести. Я знаю, что он скорее погибнет, чем даст им прорваться к мосту.

Среди кустов промелькнул Борька.

—Идут!— падая на землю рядом с Алешкой, выпалил он.

Ольшанский поднял голову и вполголоса скомандовал:

—Приготовиться.

...В этот момент у Сеньки Корня было приподнятое настроение. Разработанная им операция проходит как никогда удачно. Без потерь и даже без особого шума захватил он в плен советских солдат. Вообще, на такие дела он был мастер. Сколько раз с группой предателей проникал в партизанские отряды, а потом подводил их под удар немцев. Но особенно он любил выполнять задания по разжиганию вражды между партизанами и мирным населением, под видом партизан грабил и жег деревни. Однако в последнее время он стал постоянно чувствовать страх. И появился этот страх, пожалуй, с той поры, когда фашисты стали отступать. Вначале Сенька верил в выравнивание фронта, но потом понял, что Гитлер проигрывает войну. Все это делало его злым и раздраженным.

На сегодняшнюю операцию его благословил сам господин полковник. В случае удачи он обещал Корню железный рыцарский крест. И хотя задание было не из легких, Сенька поверил в свой успех. Он отверг предложение немецкого командования под видом партизан с боем прорваться в распоряжение обороняющих мост советских войск. Сенька попросил выделить в его распоряжение восемнадцать немецких солдат, взял еще шесть своих полицейев и заверил командование, что задание будет выполнено.

В душе Сенька питал неприязнь к немцам, хотя никогда ее не выказывал. Ему не нравилось их высокомерное чванство. Все они больно кичатся умением воевать, а на самом деле бьют их как Сидоровых коз. «Все-то у них прямолинейно,— думал Корень.— А ведь надо и хитрить, и с умом подходить к делу. Взять хотя бы эту операцию. Послушал бы он немцев и, конечно, правили бы все. Ведь у него в отряде только шестеро русских, остальные — немцы. Не настолько дураки советские солдаты, чтобы сразу с распростертыми объятиями встречать неизвестно откуда взявшихся людей. Они сразу бы разоблачили эту авантюру. Другое дело он сам разработал операцию. Были найдены коноводы,— взяты в плен, а затем их же солдат ведет «партизан» из леса для подкрепления. Тут уж исключается всякое подозрение...

Идущий впереди высокий, сухой, как жердь, полицей неожиданно остановился.

—Овраг. И совсем голый. Может, обойдем?— предложил он Корню.

—А чего бояться,— прощупывая глазами кусты на противоположном склоне оврага, откликнулся Корень.— Казаки с бухты-барахты не будут стрелять по нас, ведь мы же «партизаны», А немцы предупреждены.— и, подтолкнув маузером в спину Соколова, скомандовал:— Быстрее, быстрее иди!

Гуськом, шагая друг за другом, они торопливо стали спускаться в овраг. Когда вся эта длинная цепь людей очутилась внизу оврага, навстречу неожиданно хлестнула автоматная очередь. Шедший впереди Соколова высокий полицей неуклюже взмахнул руками и рухнул на землю. Сенька не успел еще сообразить, что происходит, как проводник-коновод нанес ему сильный удар по скуле. Падая, Корень все же успел в него выстрелить и залег за большой кочкой, растерянно оглядываясь по сторонам. Его подчиненные в панике метались по дну оврага, а кинжальный огонь автоматов укладывал их на землю.

—Ложись! — во всю мочь заорал Сенька.

Но его никто уже не слушал. Оставшиеся в живых фашисты и полицей бросились назад. И тут Корень увидел, как с противоположного склона из кустов выскочила группа казаков и, на ходу поливая огнем убегающих, с криком «ура!» ринулась вниз.

Сенька понял, что бой проигран. И тут его охватил животный страх. Он приподнялся на колени и, почти не целясь, два раза подряд выстрелил в бегущего по склону казака. Затем, низко пригибаясь и петляя, как заяц, стремительно помчался по дну оврага к видневшимся вдали кустам.

Алешка все это время не спускал глаз с Корня. Он видел, как тот выстрелил в Ольшанского и побежал к кустам. Не раздумывая, бросился по гребню оврага наперерез Сеньке. Там, где овраг делал крутой изгиб, он встал за ствол большой и корявой березы. Хватаясь за ветви кустов, Корень подвигался прямо на него.

—Стой!— властно крикнул Алешка, когда до Сеньки осталось не больше пяти метров.

Корень замер. Но в тот момент, когда Алешка высунулся из-за ствола березы, раздался выстрел. Сенька не зря считался отличным стрелком. Ему даже завидовали немецкие офицеры. И вот сейчас он выстрелил не только не целясь, а даже не поднимая маузера.

Как горячий нож, пуля обожгла Алешкину левую руку. На одно мгновение в глазах запрыгали желтые искры. Он мотнул головой, как бы освобождаясь от них, и нажал на спусковой крючок. Ломая кусты, с диким ревом Сенька повалился на землю...

После разгрома вражеского отряда коноводы и мальчишки двинулись к мосту. Проскочив у самой реки передовые позиции, они пробрались в штабную землянку. Здесь творился страшный хаос. Убитые немцы и наши бойцы лежали не только вокруг землянки, но и внутри.

Савчук, как призрак, появился перед коноводами. Не успел он перевязать Алешкину руку, в землянку вошел капитан. Молча выслушав коноводов, распорядился:

—Ладно, давайте наверх. Соберите все гранаты и бутылки, сейчас танки пойдут. А я свяжусь с «первым».

Бирюков подошел к ящику, рядом с которым, привалившись к стене, лежал убитый связист. Крутнул ручку аппарата и сразу понял, что связи с тем берегом нет.

—Что же делать?— он устало облокотился на стол.—Этими силами не отобьемся.

—Может, добраться в штаб?—Алешка шагнул вперед, держа на весу раненую руку.

—Эх, мальчишки, мальчишки! Позарез нужно и а тот берег. Но вы же глупенькие, не знаете, что сейчас по мосту даже мышь не проскочит.

—Переплыву речку. Я еще шире переплывал,— горячо заговорил Борька.

—Вплавь?—капитан на секунду задумался.— А ты, пожалуй, прав... Но только плыть под мостом. Немцы простреливают всю речку. Найдешь на том берегу майора Кобзева и скажешь ему, что фрицы готовят на нас танковую атаку. Пускай вышлет взвод противотанковых ружей. Но подкрепление высылать не через мост, а вброд, что вправо, у густого кустарника. Пускай переправляются, а мы их встретим.

—Так точно, товарищ капитан!—и Борька двинулся к двери.

Бирюков с Алешкой пошли за ним. Перепрыгивая через трупы, они свернули в узкую боковую траншею.

—Вот, смотри,— комэска приподнял Борьку над бруствером.— Поползешь по этому ручью до самой воды. А там держись все время у моста.

Борька кивнул головой и пополз, быстро перебирая коленями и локтями. Алешка видел, как Борька скрылся в траве, густо росшей у самого ручья. «Форму-то ему так и не успели сшить,— подумал Алешка.— Наверно, там, в тылу, где остались обозы, теперь уже лежат его брюки с алыми лампасами и темно-синий китель...»

Сзади тяжело ухнуло. С шелестом и воем пронесся над головами снаряд. Над речкой вырос огромный столб брызг.

—Неужели задумали разбить мост? — сказал Бирюков, рассматривая в бинокль противоположный берег.

—Тогда и по Борьке могут попасть,— ответил Алешка.

Второй снаряд разорвался невдалеке, метрах в тридцати от землянки.

—Пристрелочная вилка,— заметил откуда-то появившийся старшина Чуков.— Третий будет здесь,— он знаком предложил всем спрятаться.

—И сразу дрогнула земля. Алешке показалось, что траншея сдвинулась с места. Тучи песка и мелкого камня, как водопад, хлынули на них. Он лег на дно траншеи, закрывая здоровой рукой лицо. Земля под ним гудела и стонала так, что начинало тошнить и кружилось в голове.

—Гады, мост расколот!— услышал он над собой голос Чукова.

Алешка выглянул кз траншеи. Совсем рядом, покрытый толстым слоем пыли, лежал горбатый мост — пока целехонек. И тут он услышал быстрый нарастающий гул.

—Танки!— донеслось сзади.

На зеленой возвышенности, где находился центр обороны, один за другим стали подниматься фонтаны разрывов. Отсюда танков еще не было видно, но нарастающий гул моторов говорил о том, что они уже близко.

—Чуков, давай!— крикнул капитан.

Семеро бойцов во главе со старшиной кинулись к дороге. Как долго тянутся секунды! Кажется, целая вечность проходит...

Но вот на бугре появился первый танк. Он выскочил, казалось, только затем, чтобы моментально вспыхнуть.

—Молодцы, бронбойцы!—капитан одной рукой придерживал бинокль, а другой вытирал

бегущие по лицу капельки крови: в схватке у сарая пуля обожгла ему щеку.

По бугру поползли клубы дыма. Уже трудно было разобрать, что там происходит. Иногда в просветах между ними появлялись и сразу же исчезали силуэты танков. Вскоре бой затих.

Послав Савчука во взводы, на которые шли танки, Бирюков подсел к Алешке.

— Ну как, прошел твой друг на тот берег? — спросил он, набивая трубку.

И хотя Алешка с того момента, как пошли танки, не глядел на речку, он был уверен, что Борька доплыл,

— Это хорошо, — капитан достал зажигалку, чиркнул пальцем по колесу и поднес ее к трубке.

Вскоре появился Савчук.

— Пять танков подбили.

— А наши потери?

— Три расчета.

— Да, тяжеловато будет, если они снова полезут. А

полезть они обязательно должны, — капитан взял бинокль и снова стал рассматривать бугор.

Тут Алешка невольно вспомнил Кардашова. Никак не мог смириться с мыслью, что его нет. Что никогда уже не услышит он тихого, приглушенного голоса этого богатыря. Перед глазами выплыла фотокарточка той, что с длинными косами. Надя тоже вряд ли поверит, что его уже нет. Как жестока и несправедлива судьба! Вот так сразу — и нет человека. Да такого доброго, сильного. Кажется, без Кардашова ничто не сможет устоять против надвигающейся лавины фашистов...

Вот уже снова застал бугор, покрываясь густой сеткой разрывов. Огромные бронированные черепахи, выплывая из хоботов яркие фонтаны, снова понеслись на наши позиции. Отсюда хорошо было видно, как несколько танков ворвались на бугор и начали утюжить наши окопы. Но главный танковый удар пришелся на участок дороги. Враг, как видно, рассчитывал одним махом смять наших пэтээровцев и прорваться к мосту.

Комэска достал со дна траншеи тяжелую противотанковую гранату и, положив ее перед собой, сказал Алешке:

— Спрячься в землянке.

Алешка знал, что спорить с капитаном в этот час бесполезно, хотя ему очень хотелось быть рядом с ним. А тут еще рука. Как деревянная. Он поднимает ее и смотрит на посиневшие пальцы. Даже боли не чувствуется, когда Алешка сжимает зубами большой палец... Потом направляется к землянке. Прямо перед ним поперек траншеи лежит мертвый фашист. Лицо закрыто каской, только виден один подбородок, на котором запеклись две струйки крови. А пальцы правой руки впились в стену траншеи. Другой лежит в больших, с железными подковами ботинках, широко открытыми глазами смотрит в безоблачное небо. А рядом — наш, раскинув руки, приложив ухо к земле, как бы прислушиваясь к шуму боя. Как мгновенно настигает тут, на поле боя, смерть...

Алешка наклоняется над убитым, вынимает из брезентовой сумки две «лимонки». Гранаты нужны. Затем поворачивается назад туда, где лежат комэска и Савчук.

Ветер дохнул в лицо едкой гарью. В самом конце траншеи Алешка увидел Савчука. Его сторбленная фигура вдруг на мгновение выпрямилась, и в несущийся по дороге танк полетела зажигательная бутылка.

По броне промчалось яркое пламя, и сразу густой: черный дым окутал танк. Он волчком крутнулся на месте и замер. Алешка выглянул из траншеи, на мгновение зажмурил глаза. Сверху по дороге, подняв тучи серой пыли, мчались к мосту танки. Их так много, что; трудно сосчитать. Сзади захлопали выстрелы противотанковых ружей. Мимо Алешки по траншее пробежал лейтенант. Он где-то его видел. Ага, вспомнил: в первом эскадроне. Значит Борька привел подкрепление. Бирюков, черный от земли и гари, сверкая белками глаз, бросился навстречу лейтенанту.

— Давай быстрее разворачивай взвод.

— Мы с ходу развернулись, — крикнул в ответ лейтенант.

В пылу боя никто не видел, как прямо над ними на бреющем полете в атаку пошли краснозвездные «Илы». Все увидели их только тогда, когда десятки бомб и реактивных снарядов обрушились на стальные корпуса фашистских танков.

Обстановка боя резко изменилась. Только минуту назад прорвавшиеся танки на всей скорости мчались к мосту, и уже казалось, ничто не остановит их. И вот они, как затравленные волки, попавшие в облаву, заматались по берегу.

Следом за «Илами» к месту боя подоспели советские танки.

...Невдалеке от дороги, по которой нескончаемым потоком шли на запад советские войска, несколько казаков во главе с Савчуком рыли братскую могилу. Жирная земля, как крупинки паюсной икры, скатывалась по высокой насыпи. Алешка смотрел на них, и страшная тоска наполняла его грудь. Он боялся взглянуть туда, где на траве шеренгой, как солдаты в строю, лежали убитые. Все знакомые, все до боли родные. Первым лежит Ольшанский, балагур и любимец эскадрона...

Алешке вдруг стало противно за себя, за свои поступки и мысли. Как он мог думать, что эти

люди всегда, чего-то побаивались, что они не могли совершить героического подвига, который мог бы совершить он. Почему считал их слишком осторожными? Как он мог даже в мыслях обвинить Кардашова, за которого сейчас отдал бы пять жизней, если б они у него были? И Борька— тоже настоящий герой. Переплыл речку, привел подкрепление. И как жаль, что уже на этом берегу шальная пуля угодила ему прямо в сердце...

Алешка поворачивает голову к шеренге лежащих на земле, и сразу его взгляд находит среди зеленых брюк и красных лампас Борькины серые штаны. Слезы, непрошенные слезы заливают глаза. Он чувствует, как чья-то теплая шершавая ладошь ложится ему на голову.

— Плачь, Алешка, плачь,— говорит старшина Чуков.— И не стыдись своих слез. Сегодня они у тебя святы.

НОВЫЙ ДОМ САВЧУКА

— Мой Каменск.— Савчук широким жестом показывает вперед и улыбается.

Разведчики, приподнявшись на стременах и приложив руки к козырькам фуражек, вглядываются в легкую голубую даль. Впереди под уклоном идут черные, как вороново крыло, поля, давно истосковавшиеся по рукам хлеборобов.

— Щас вы побачите Днестр,— возбужденно продолжал Савчук.— Батеньки мий, як давно я не бачив его!

— Сколько же?— спросил ехавший впереди комэска.

— Только ты больше на русские слова нажимай,— заметил Чуков.— А то, как вступили на украинскую землю, так для тебя хоть переводчика держи.

— Цэ можно,— воскликнул Савчук.— Осенью в сороковом був дома, а сейчас сорок четвертый. Вот сколько я не бачив свое маты!

— А кроме нее, у тебя никого в Каменске не осталось?— спросил Чуков.

— Сестренка маленька,— задумчиво ответил Савчук. Но тут же добавил:— А ведь Марийка вже не маленька. Пятнадцать лет. Вот така, як Алешка.

— Скачи в село,— повернулся к Савчуку командир эскадрона.— Повидаешься с родными, а то, наверно, мы здесь долго не задержимся.

Выскочив из строя, Савчук, обгоняя идущие впереди эскадроны, помчался по обочине дороги к родному селу.

Бирюков долго, задумчиво смотрел ему вслед, а потом, повернувшись к ехавшим сзади разведчикам, поманил пальцем Алешку. И когда тот поравнялся с ним, спросил:

— Ну, как твой новый конь?

— Норовистый,— похлопывая по шее Орлика, ответил Алешка.

Несколько дней назад под Первомайском разведчики неожиданно напоролись на засаду. Запомнился лишь треск выстрелов, разорвавший тишину. А затем резкий скачок вперед, и Алешка кубарем покатился по траве. Не успел он опомниться и вскочить на ноги, как сильная рука Чукова подняла его с земли и бросила на холку своего коня. Так Алешка и не знал, что случилось с Бельчиком. Скорее всего, пуля уложила его наповал. Жалко было Бельчика, очень жалко. Умница был: крикнешь, а он тут как тут. Притом спокойный, как ласковый теленок. А этот часто фыркает, испуганно шарахается в сторону...

«А мальчишка здорово изменился после случая с мной,— думал Бирюков, глядя на Алешку.— Если судить по последним боям, он понял свои ошибки». После боя на мосту он решительно хотел отправить его в детдом. Однако мальчишка больно жалостно просил оставить его в части. Да и разведчики не давали капитану прохода, наперебой уговаривали его оставить мальчишку в отделении. И чего греха таить, ему тоже жаль было расставаться с Алешкой. Ведь с ним было связано очень многое. Всю войну он прошел рядом, и Бирюкову иногда казалось, что этот мальчишка является каким-то талисманом для его эскадрона. Во всяком случае его подразделение всегда сопутствовал успех даже в самых жестоких переделках. Конечно, все это пустяки, суеверия. Но все же не хотелось отпускать его от себя, расписываться в своем бессилии: вот, мол, не сумел воспитать. У Макаренко вон какие обормоты были, и то из них выходили хорошие люди.

— А Котовск далеко отсюда?— перебил его мысли Алешка.

— Южнее,— отозвался Бирюков.— А что, хотелось бы посмотреть на свой детдом?

— Конечно,— вздохнул Алешка.— Ребята, наверно, все разбрелись, никого не найдешь.

— После войны соберутся, увидишь,— задумчиво проговорил Бирюков.— Я вот тоже в тридцать восьмом бывал в своем, под Ленинградом.

— И вы в детдоме жили?— встрепенулся Алешка, никогда раньше не слышав об этом.

Комэска кивнул головой.

— А как же вы попали в армию?

— Вырос, подался на завод слесарем работать. Оттуда и в армию пошел...

Эскадрон между тем медленно втянулся в Каменск и, свернув с большака, остановился на привал. Утопающее в зелени село пестрело черными, зловещими пятнами — следами пожарищ. Как видно, здесь орудовали фашистские поджигатели, которым наши войска не дали закончить свое гнусное дело.

Чуков с Алешкой, оставив на попечение разведчиков своих коней, двинулись разыскивать дом Савчука. Найти его не должно было составить большого труда, потому что раньше они наслушались о нем рассказов от Савчука.

— Вон тот переулочек с большим дубом на углу,— сказал Чуков, останавливаясь посреди улицы.

У самого основания дуб был не менее двух метров в обхвате. Его могучие, в толщину человеческого тела, ветви разметались во все стороны, прикрыв собой близрастущие вишневые деревца. Алешке вдруг захотелось забраться на этот дуб, который возродил в его памяти детдомовский лес. Там немало было таких же великанов, и на них играли в пятнашки. Но, пожалуй, он уже разучился с такой легкостью лазить по деревьям, как тогда, в детдоме.

В этом переулке, невдалеке от дуба, должен стоять запрятанный в саду дом Савчука. Они прошли несколько метров и остановились недоуменно оглядываясь по сторонам. Па месте белой

хаты, которая сохранилась в их памяти по рассказам Савчука, торчала только почерневшая печная труба. А сад, пушистый и густой, о котором лучше любого поэта говорил Савчук, сейчас был похож на черные щупальца осьминога. Холодные, безжизненные стволы печально поскрипывали на ветру, роняя на землю пепел обгоревшей коры.

Савчук стоял посреди этого пепелища и задумчиво смотрел в землю. Тут же, на куче битого кирпича, сидела высокая, худая с бронзовым лицом женщина. Несомненно, это была мать Савчука. А рядом с ней, конечно, Марийка. У нее черные как смоль волосы, лицо круглое, с маленькими ямочками на щеках. Глаза коричневые, печальные. Она бросила свой взгляд на Алешку, и ему показалось, что таких красивых девчонок он еще не видел. Может, только на картинках или фотокарточках.

—Ты уж не отчаивайся,— подойдя к Савчуку и положив ему руку на плечо, сказал Чуков.— Вернешься с войны — и дом построишь. Главное, свои живы.

—В хати ли дило? — Савчук опустил на землю и, обхватив руками голову, стал покачивать ею, как от зубной боли.

—Галинку угнали в неметчину,— сказала Марийка, глянув в лицо Чукову.

Высоко в небе четким строем, звонко оглашая воздух, тянулись на север журавли. И, глядя им вслед, Алешка бессмысленно повторял вдруг пришедшие ему на память строки из фронтовой песни: «Над гордой и светлой любовью моей фашистские псы надругались...» Ему было жаль Савчука — этого большого и смелого разведчика. Жаль потому, что таким растерянным, таким убитым он никогда его не видел...

В переулке заокакали подковы, к месту пожарища подъехал комэска. Он легко спрыгнул с лошади и твердым шагом подошел к матери Савчука.

—Здравствуйте, Екатерина Ивановна,— капитан протянул ей руку.

Она быстро поднялась, удивленно посмотрела на него, потом на свою ладонь, потерла ее о фартук и вдруг решительно хлопнула по ладони капитана.

—Вы, я бачу, командир, а командиры знают все.

—Все мы, конечно, не знаем. А что вы мать Савчука — любой угадает, кто воевал с вашим сыном. Хороший он у вас, Екатерина Ивановна.

—Гарный, весь в батьку,— сказала она, вытирая фартуком выступившие на глаза радостные слезы.— Да ще ж мы стоим здесь! — вдруг спохватилась она.— Пойдемте до хаты, мы тут у сусидив живем. Поисты надо с дорози.

—Спасибо, мать, большое спасибо. Нам некогда, через пятнадцать минут выступаем,— сказал капитан, посмотрев на часы.

—Ах, лишеньке мое! — всполошилась она.— Як же мий Ваню, я ж его ще и не бачила.— И, обхватив сына за плечи, залилась слезами.

Бирюков задумчиво прошелся по обгорелому саду и вдруг решительно повернулся к Чукову:

—Поедем в штаб полка. Попрошу майора оставить тебя с разведчиками здесь на три дня. Надо построить новый дом Савчуку. Бревен много валяется у переправы. Думаю, что времени у вас хватит.— Комэска подошел к лошади и, вставив ногу в стремя, добавил:— Мы будем двигаться по направлению Гладян. Догонишь.

Такое задание для разведчиков было необычным. Алешка с удивлением заметил, как эти солдаты, которые, казалось, умеют только стрелять, рыть окопы и преодолевать расстояния, вдруг стали совсем другими. Какая-то новая, доселе неизвестная черта открылась в них. Они с радостным смехом таскали бревна, расчищали площадку.

И Алешка, не помня себя, поддался этому азарту. Вместе с Марийкой он без усталости пилил бревна.

Но больше всех, пожалуй, был возбужден старый ездовой Любезнов. Житель Калининской области, он срубил за свою долгую жизнь множество изб.

—Мы ее, голубушку, без единого гвоздика поставим,— говорил он, ловко орудуя топором.

Любезнов вырубал глубокие пазы на концах бревен, чтобы потом плотнее пригнать их друг к другу. Белые квадратные щепки со звоном летели из-под его топора. А Чуков длинной палкой вместо метра обмерял бревна, делал на них топором заметки.

—Марийка! — крикнул Савчук, подходя к ведру с водой.— Разве це водица? Ну-ка, принеси с родника.

—А у вас что, и родники есть? — вытирая пот со лба, спросил Любезнов.

— Ще яки! — обрадовался Савчук.— Полцибарки нашей ключевой замене пол-литра горилки.

—Раз так,— Чуков воткнул топор в бревно,— давай с тобой пилить, а молодежь пусть сбегает за водой. Вдвоем они принесут побольше.

Марийка, звеня ведром, побежала впереди. Ее крепкие загорелые ноги и яркий сарафан, похожий на крылья бабочки, так и мелькали среди кустов. Алешка еле поспевал за ней. Он даже пожалел о том, что не снял своих тяжелых сапог. И хотя еще ранняя весна, он с большим удовольствием понесся бы босиком по этой мягкой, дышащей паром земле...

Родник был в глубокой впадине недалеко от реки. Кругом него плотной стеной стояли кустарники, которые! разрезала узкая и извилистая тропинка. Когда Алешка подошел к роднику, Марийка уже сидела на траве, глядя в прозрачную воду.

— А ты думаешь, что я не знаю украинского языка? — спросил он. И, поставив ведро на землю, громко прочитал:

Чи чуєш, ми и маленький сыну,
В цей день тревожный и сумный?

— Ага, и не так, и не так, — залилась звонким смехом Марийка. — Не маненыш, а маленький.

— Ладно, пусть будет «маленький», — переминаясь с ноги на ногу, сказал Алешка.

— Я тоже знаю этот стих. Он про Ленина, — просто добавила Марийка. — Я читала его наизусть, когда нас в пионеры принимали около памятника Ленину.

— А памятник куда делся? — спросил Алешка.

— Фашисты кинули в омут, — сказала она, глядя в прозрачную воду родника. — Они сперва столкнули его, а дядька Микола ночью поставил на место.

— Как это — на место? — Алешка присел напротив Марийки.

— Пришли фашисты и сразу сбросили памятник. А дядька Микола взял да и поставил его. Тогда они привязали к памятнику дядьку Миколу и бросили в омут...

Быстро отнеся воду, они сразу же помчались к Днестру. Омут, в который был сброшен памятник, большим полукругом врезался в берег. Коричневая глинистая вода здесь делала огромные круги, оставляя на поверхности мыльную пену.

Алешка, не раздумывая и не обращая внимания на протесты Марийки, быстро разделся и прыгнул с кручи «солдатиком». Он рассчитывал проверить дно в том месте, где, по словам Марийки, лежит памятник. Но обжигающая холодная вода, будто сильной рукой, швырнула его на середину омута и понесла по кругу.

Когда на крик Марийки разведчики примчались на берег, то увидели, как Алешка уже карабкался по круче вверх.

— Ты что, сдурел, что ли? — закричал Чуков. — Нашел время купаться!

— Я и не купался, — стуча зубами от холода, сказал Алешка. — Я памятник искал.

Узнав об этом, старшина приказал принести веревки, а сам с Савчуком и Любезновым разделся и полез в воду. Но достать памятник было не так-то просто. Только после многих неудачных попыток они все же подняли его на крутой берег и понесли к пьедесталу.

Весь Каменск высыпал на площадь к памятнику. Люди смотрели на отполированную водой бронзовую фигуру вождя, и по их исстрадавшимся за годы оккупации лицам текли слезы радости.

Алешка тоже почувствовал в себе какой-то огромный прилив. Вместе со всеми он смеялся и, подбрасывая вверх фуражку, кричал «ура»...

На третьи сутки пребывания разведчиков в Каменске дом был почти готов. Бревенчатый пятистенник казался странным среди белых каменных мазанок.

— Здесь бы еще верандочку пристроить, — мечтательно говорил Любезнов, обходя дом. —

А вечером, когда зайдет солнце, вынести туда самовар,

— И с медом бы чаю попить, — вставил Савчук.

— Настоящий чай и без меда хорош, — бросил Любезнов.

— Шабаш, ребята! — махнул рукой Чуков, — Через час выступаем.

Прямо на земле около дома был накрыт стол. Даже трудно представить, где мать Савчука добыла муки, творога, чтобы наделать столько вареников. Круглые, белые, они плавали в сметане и сами просились в рот.

— Як у Гоголя, — широко расставив руки над миской, сказал Савчук. — Пацюк открыл рот, а вареник, покатавшись в сметане, сам прыгнул ему на язык.

— А ты посиди так с открытым ртом, а мы поедим, — под общий смех сказал Чуков, доставая ложкой вареники.

После обеда, попрощавшись с семьей Савчука, разведчики двинулись в путь догонять свой полк. Двое суток они гнали своих лошадей и настигли эскадрон почти у самой границы. Явились в двенадцать часов ночи и почти сразу же, вместе со всеми, были подняты по тревоге.

Под утро эскадрон подошел к переправе, где уже скопилось немало войск. Было решено переправляться на ту сторону вброд. Эскадрон свернул с дороги и мелкой рысью пошел по давно не езданной дороге. Справа, внизу, тусклой кривой саблей сверкнула река.

— Прут, прут! — пронеслось по рядам эскадрона.

Сырая прохлада реки и быстрая езда сняла с Алешки дремоту. Он уже не клевал носом, а в такт хода коня поднимался на стременах и с любопытством рассматривал окрестности. Восточный горизонт быстро наливался красным светом. Дувший до этого ветерок вдруг утих.

— Сейчас бы удочку подлиннее — и на брод, — мечтательно сказал Чуков. — А что, судаки и щуки здесь есть? — спросил он ехавшего рядом Савчука.

— Угу, — прогудел Савчук, думая о чем-то своем.

— Эх, у нас на Дону! — вздохнул старшина. — Вот в такую пору выйдешь к броду и

нахлыстом, на пескаря. Во какие идут! — он бросил повод и развел руки в стороны. Ехавший впереди комэска осадил коня. Эскадрон остановился.

— Товарищи!—Бирюков поднялся на стременах, чтобы его могли видеть в задних рядах.— Через несколько минут мы пересечем государственную границу СССР. Впереди — Румыния,— и он протянул руку в ту сторону, где за рекой в первых лучах солнца появились контуры Карпатских гор.— Мы выполнили долг перед своей многострадальной землей. Теперь такого же избавления ждут земли многих государств Европы. Наша миссия священна, и поэтому мы на время покидаем свою Родину.

Капитан спрыгнул с коня, взял в руки горсть земли, поцеловал ее, а затем, завязав в носовой платок, положил в карман.

Четким строем эскадрон вошел в прохладные воды Прута.

БОЙ НА ВЫСОТЕ 610

Колкие иглы хвои медленно оседали на землю. Их было так много, что всякий раз, как только фашисты откатывались на вершину высоты, Алешка выгребал их из своей ямы. Его окоп, как и у всех, был похож на барсучью нору.

Вот уже второй день эскадрон, окопавшись на склоне высоты 610, сдерживал противника. После долгого отступления враг сумел подтянуть в предгорье Карпат Резервы и затем перешел в контратаку на далеко прорвавшиеся части второго Украинского фронта. Казаньскому корпусу, находившемуся в авангарде, пришлось перейти к обороне.

Алешка никак не мог привыкнуть к горному бою. Вот стоит тишина, только поскрипывают деревья на ветру да шуршат падающие ветки, И вдруг Карпаты оживают.

Обычно все начинается с правой высоты, что стоит немного сзади. Треск выстрелов, разрывы мин сливаются в одно гудящее эхо. Оно быстро приближается, перекачиваясь с высоты на высоту, и вот уж их, 610-я, наполняется сплошным гулом. И тогда трудно распознать, откуда стреляют. Все время кажется — мины рвутся над тобой.

Пожалуй, один старшина Чуков умеет разбираться в этом сплошном хаосе разрывов. Его окоп рядом с Алешкиным. Когда начинается стрельба, он так же, как и Алешка, прячется в углубление. Но потом, в разгар боя, вылезает оттуда и ползет вверх, где метрах в двадцати от них лежит в обороне второй взвод.

—И осколки на вас не падают? — спрашивает Алешка.

—Какие могут быть осколки! — улыбается Чуков.— Ведь я же знаю, когда хлопают мины, а когда —пули разрывные. Мины с сухим треском и намного громче, чем пули.

—Но кругом же сплошной гул!

—Гул-то гул,— Чуков поправляет на фуражке зеленые ветки ели, засунутые за ремешок для маскировки,— а ты не обращай на него внимания.

—Хлопец каже правду,— вмешивается в их разговор Савчук.— Тут сам чертяка не разбирает, видкиля стреляют.

—Тоже мне еще!—Чуков с усмешкой смотрит на Савчука.—Мину от пули не отличит...

После гибели Кардашова Алешка привязался к Савчуку. Ходили они всегда вместе и поэтому в эскадроне шутили, называя их «Пат и Паташонок». Савчук, кроме боксерских приемов, учил Алешку необходимой для разведчика борьбе джиу-джитсу.

Кроме того, Алешка сильно полюбил командира третьего взвода лейтенанта Язычкова, который всегда разговаривал с ним, как равный с равным. Он подружился с ним еще в Корсунь-Шевченковской операции, когда тот прибыл в эскадрон на место убитого лейтенанта Савельева.

Язычков был невысокого роста, белокур, с чистыми синими глазами. Кто-то сказал, что он похож на поэта Есенина. Может, это и так, ведь Язычков, действительно, писал стихи. Как у него здорово про Корсунь-Шевченковскую группировку!

Сжималось все туже кольцо окруженья,
Метался, как в клетке, растерянный враг.
Предчувствуя гибель, хотел хоть на время
Отсрочить ее, засевши в домах...

Этот стих Алешка выучил наизусть и часто читал для всего эскадрона. Вообще, Язычков был особенным человеком. Он знал очень много про Котовского, Чапаева, Кочубея, Фрунзе, Ворошилова, Александра Невского. О них он рассказывал такие удивительные истории, что не только Алешка, но и все слушали его с интересом.

Взвод Язычкова находился на левом фланге. Туда добираться трудно — на пути большой овраг. Но Алешка сам выбрал третий взвод, хотя старшина Чуков настаивал, чтобы он был связным с первым взводом: ведь туда добираться гораздо ближе и безопаснее.

— Я же не через овраг,— успокаивал Алешка старшину.

От командного пункта он спускался вниз к дороге, которая опоясывала высоту, по ней обходил овраг, а уж потом поднимался снова вверх, к взводу Язычкова. По этой же дороге Алешка часто, подхватив котелок и фляги, спускался к подножию высоты — туда, где в густом кустарнике находился чистый родник. Вода в нем была такая прозрачная, что, будто в увеличительном стекле, отражались на дне все до единого камешка.

Внизу Алешке казалось, что он находится в глубоком колодце. Сплошная стена деревьев резко уходила вверх. Только над самой головой виднелось небольшое голубое окошко. А эхо как звучало! Басистое, перекастистое — сам Чуков тут наверняка бы не понял, с какой высоты доносится звук. Начинается где-то высоко в небе, потом падает вниз и рассыпается на множество подголосков. «У-у... бу-у...», — несется вокруг.

Тут намного страшнее, чем там, наверху. Кругом плотная стена кустарников. Как веревки, они переплелись между собой, выбрасывая вверх густые ветви.

Внизу, около родника, в большой каменной пещере располагался четвертый взвод лейтенанта Горячих, находившийся в резерве.

— Передай комэска,— сказал лейтенант, когда Алешка однажды спустился за водой,— что наш взвод усердно изучает сталактиты. И еще,— лейтенант показал огромного рогатого жука,— изучаем пищеварение вот этого представителя Карпат.

Алешка знал: Горячих говорит так потому, что надоело сидеть в резерве. А кто в этом виноват? Ведь должен же кто-то быть в резерве!..

Третья ночь в обороне прошла спокойно. Казалось, немцы ушли с высоты. Но в семь утра, когда весенние солнечные лучи, пробивая густоту хвои, веселыми зайчиками запрыгали по земле, они снова пошли в атаку. Алешка только что вернулся от родника и, не успев раздать фляги, юркнул в свою нору. Сложив фляги себе под голову, он свернулся калачиком.

— Эй, барсук,— услышал он сверху голос Чукова,— давай фляги!

Алешка вылез из норы. Кругом по-прежнему гудело. Пули чавкали по стволам и веткам деревьев, пронзительно визжали.

— А мины уже не рвутся? — спросил он, подавая старшине две фляги.

— Кончили! — крикнул Чуков.

Он взял фляги и быстро пополз вверх. Алешка видел только его ноги, мелькавшие между стволами деревьев.

А вот и Савчук ящерицей вынырнул из своего окопа и, разбросав длинные ноги, пополз вправо, в первый взвод. Значит, пора и Алешке. Он берет флягу комэска и ползет к его окопу.

— Ты что здесь шляешься под пулями? — сердито кричит на него Бирюков.

— Як Язычкову пойду,— подавая флягу, говорит Алешка.

Капитан отпивает несколько глотков воды из алюминиевой фляги и утвердительно кивает головой. Алешка ложится на живот и, отталкиваясь обеими руками, сползает вниз, к дороге. Она давно неезженная, заросла бурьяном и мелким кустарником. Там, где овраг упирался в дорогу, росла огромная ель. Крепко вцепившись Коричневыми корнями в землю, она, как шлагбаум, наклонилась над дорогой. За этой елью Алешка поворачивает вверх. Пистолет он держит в правой руке, а левой хватается за кусты. Так до большого, общипанного пулями куста, а потом опять по-пластунски, ужом вползает в широкий окоп лейтенанта Язычкова.

— Сегодня, Лешенька, ты успел,— встречает его лейтенант,— Сейчас насмотришься на фрицевскую тактику.

О новой тактике фашистов Алешка слышал от Язычкова уже не раз, но являлся сюда, как говорил лейтенант, к шапочному разбору. Нынче же успел прийти пораньше.

Из-за кучи веток, набросанных впереди окопа, он хорошо различал голые стволы деревьев. Под ними ни кустика, ни травинки, земля покрыта коричневой хвоей и серовато-бурыми шишками. Не видно ни одного фашиста. Но Алешка знает, что они стоят за деревьями. Вот стволы их стали быстро раздваиваться, и зеленые тени ринулись вниз. И сразу все затрещало вокруг, сливаясь в сплошной гул.

Алешка вскинул свой парабеллум, прицелившись, выстрелил два раза в сгорбленную фигуру бегущего на него фашиста. Тот скрылся за стволом толстой сосны. Мгновение солдата не было видно, а потом из-за ствола мелькнула его рука, и вот он упал. Алешка тут же понял, что фашист убит. Он бросил взгляд по сторонам и увидел, что другие опять попрятались за стволами деревьев.

— Ну, сатанинское племя! — Язычков поворачивает свое разгоряченное лицо к Алешке. — Мы его сейчас и там достанем. Сережка, Соловьев! — кричит он.

Из соседнего окопа появляется весь увешанный зелеными кустами Соловьев — первый номер противотанкового ружья.

— Вон смотри: сосна рядом с общипанной. Присмотришься хорошенько: за ней — офицер. Я за ним давно охочусь, да он слишком ушлый.

Общипанную сосну Алешка видел давно. Ее ствол был так изрешечен пулями, что казалось, она служила специальной пристрелочной мишенью. А рядом почти нетронутая. И ничего, пожалуй, за ней нет. Во всяком случае, не видно.

Но вот у самого ствола на мгновение что-то колыхнулось. Справа глухо ударило противотанковое ружье. Алешка увидел, как вздрогнул могучий ствол сосны, и брызги коры

полетели в разные стороны, обнажив белое тело дерева.

— Хорош, Сережа! — крикнул лейтенант. — Видел, как бьют наши ребята?

После того, как был убит офицер, гитлеровцы поспешно стали отходить назад.

— Не зевай, Алешка! — Язычков бросился к автомату. — Это же лучше, чем по консервным банкам.

«Еще бы!» — подумал мальчишка. Он чувствовал, как горят его щеки, спешил и уже не целился, как прежде. За какое-то мгновение пистолет оказался пустым. Он сунул руку в кобуру, чтобы достать вторую обойму, но тут же увидел — Язычков оторвался от автомата.

— Хватит с них, — сказал он, спускаясь на мягкую постель из хвои. — Патроны попусту тратить не стоит.

Потом подвинулся, приглашая Алешку прилечь рядом с собой. Быстро сунул руку в кучу веток, достал банку консервированной американской колбасы, кирпич хлеба и флягу. Открывая банку, виновато признался:

— Дикая привычка у меня. После каждой такой карусели есть хочу чертовски! Хоть бы ты подействовал на комэска, чтобы он пошевелил там старшину. А то возит нам жратву из одного сала.

— А у нас Савчук, когда приносят кашу с мясом, наоборот, просит пожирнее.

— Так он — украинец, вот и любит сало с салом. Язычков запрокинул голову, подставляя к губам горлышко фляги, Глядя на него, и Алешка вытащил из банки кусок ярко-красной колбасы, потянулся за хлебом.

— На, попробуй, — лейтенант протянул ему флягу.

— Да ну его, ром, — отмахнулся Алешка. — Вы дали раз попробовать — аж брызги из глаз.

Язычков закатился от смеха, розовые щеки его стали красными, как помидоры. В первый день обороны кто-то из его бойцов достал флягу с ромом, и он угостил Алешку. Тот хлебнул и чуть не задохнулся.

— Да что ты, — замахал Язычков руками, — мой коновод прислал вино. Кисленькое такое.

На этот раз вино, действительно, было терпко-кислым, будто из терна. Отпив несколько глотков прохладной жидкости, Алешка вернул флягу лейтенанту и поднялся.

— Ну, я пошел, а то комэска будет ругаться. Он всегда больше всех беспокоится за ваш взвод.

— А что за нас беспокоиться? — сказал лейтенант. — Не первый день воюем. Лучше сам будь осторожен. А то здесь вчера один чужак с кинокамерой влип. Я ему говорю, давай ползком, а он одно твердит: «Тихо тут у вас, можно и так». Ну, и щелкнули его в плечо. Сейчас небось в госпитале лежит, проклиная себя, что не послушался.

Эту историю с кинооператором Алешка уже слышал. . Говорят, для кино хотел снимать, и вот не повезло ему. Да тут, в этих горах, и не узнаешь, откуда пулю получишь.

Он дополз до ближнего куста и, быстро поднявшись, скользнул вниз. Затем со всего размаху вылетел на дорогу и сразу всем телом подался назад: слева, из оврага, на дорогу выходили немцы. Одетые в маскировочные халаты, шли они цепочкой, держа в руках автоматы.

Алешка прижался к стволу дерева, соображая, что же делать. «Немедленно поднять тревогу! Ведь они сейчас ударят по нашим из тыла. Идут как раз на КП эскадрона», Он выбросил вверх пистолет, но тут же опустил его: разве поймут по одному выстрелу, что это тревога?

Стрелой бросившись наверх, он быстро добежал до окопа Языčkова и упал в него камнем.

— Фашисты!

— Где? — Язычков инстинктивно схватил автомат.

— Прошли оврагом, уже на дороге.

— Постой, постой, дай сообразить, — Язычков поднялся. — Там же пулеметный расчет Лежечкина... Да, все может быть. Знаешь, что? — он схватил Алешку за рукав. — Все будет зависеть от твоей быстроты. Надо немедленно опуститься вниз к роднику, поднять четвертый взвод. Скажи лейтенанту Горячих, пусть ударит снизу. — Подталкивая Алешку из окопа, добавил: — Затем быстро обежишь с другой стороны немцев — и комэска. А я закрою овраг и ударю по ним с фланга.

Алешка помчался вниз, не обращая внимания на ветки, которые больно хлестали его по лицу и рукам. Опомился только тогда, когда в нескольких метрах навстречу ему из-за куста шагнул автоматчик четвертого взвода.

— Что ты, как угорелый, носишься?

— Лейтенанта быстрее! — крикнул Алешка.

Горячих сидел на большом плоском камне у входа в пещеру и сосредоточенно вырезал перочинным ножом из толстого сука какие-то фигуры. Увидев Алешку, он вскочил на ноги.

— Что там?

— Фашисты, товарищ лейтенант!

— Где? Говори толком! — Лейтенант повернулся и крикнул в пещеру: — В ружье!

—Они прорвались по оврагу, между вторым и третьим взводами. Идут на КП эскадрона. Язычков сказал, чтобы вы ударили по ним снизу.

—Это мы уж сообразим, как ударить.— Горячих посмотрел на выстроившийся взвод.— Развернутым строем по отделениям — за мной! Затем он взмахнул пистолетом и во главе взвода побежал вверх.

Несколько секунд Алешка смотрел, как взвод, растянувшись цепочкой, поднимался на высоту. Потом, сорвавшись с места, помчался вдоль горы. Обогнув цепь, свернул к дороге. Вот и просвет. Алешка остановился, прижимая ладонь к сильно бьющемуся сердцу. Держа наготове парабеллум, выглянул из-за колючей лапы мохнатой ели. На дороге никого не было. Он быстро перебежал ее и помчался по направлению КП.

Первым, кого он увидел, был старшина Чуков.

— Я вот тебе побегаю!— закричал тот, высовываясь из окопа.

Свалившись возле окопа и тяжело дыша, Алешка выпалил:

—Фашисты сзади! Идут сюда.

Из соседнего окопа высунулся капитан Бирюков. Выслушав Алешку, он поднял всех разведчиков и повел их к дороге навстречу врагу. Алешка достал из окопа автомат, который обычно не брал с собой, когда ходил во взвод, и двинулся за ними.

Скоро внизу у дороги затрещали выстрелы.

— Это Горячих,— подползая к капитану, сказал Алешка.

Бирюков ничего не ответил. Он быстро поднялся и, перебегая от дерева к дереву, побежал вниз. А вскоре снова опустился на землю и махнул рукой. Это был знак, чтобы все залегли. Когда Алешка снова подполз к комэска, то совсем рядом увидел дорогу. Прямо на ней в ряд лежали гитлеровцы. Так близко, что на сапогах хорошо были видны железные подковы, прибитые блестящими гвоздями.

Атакующие снизу, фашисты вынуждены были залечь на дороге и отбиваться от наседающего на них взвода Горячих. Дружный залп сзади смешал их стройную цепь, на дороге заматались пятнистые халаты. Алешка ловил эти мечущиеся фигуры на прицел автомата и давал короткие очереди.

Неся большие потери от двухстороннего огня, гитлеровцы бросились к оврагу, по которому прошли в глубину нашей обороны. Но у входа в овраг, у большой сосны их встретил ливнем свинца станковый пулемет, предусмотрительно установленный командиром третьего взвода.

Попав в западню, фашисты вконец растерялись. Страх гнал их в овраг, другого пути спасения они не знали. Однако, наткнувшись на пулемет, бросились вверх. И тут опять их встретил Язычков со своей группой...

Когда разведчики и взвод лейтенанта Горячих высыпали из кустов на дорогу, появился Язычков. Сзади него, подняв руки вверх, шли немцы, окруженные нашими автоматчиками.

—Гитлер капут,— весело сказал лейтенант, подходя к комэска.— Вот эти господа считают, что они для меня сделали величайшее открытие по поводу Гитлера. А я ведь раньше их знал об этом,

—Сколько их? — спросил Бирюков.

—Двенадцать,— крикнул замыкающий шестые автоматчик.

—Что ж, операция проведена удачно.— Комэска достал трубку, готовясь закурить.— Придется кого-то представить к награде.— Посмотрел на Язычкова и спросил:— Твоя работа, Василий Петрович?

От славы категорически отказываюсь,— сняв фуражку и встряхнув потемневшими от пота волосами, ответил лейтенант.— Она по праву принадлежит Алешке. Он и заслуживает награды.

ИПИК

—Кто там дурит?— весь красный как рак на пороге бани появился старшина Чуков. И, увидев прячущегося за железной бочкой Алешку, добавил:— Это ты все водой тут цвыркаешь? А ну, раздевайся! Тебе что, особое приглашение?

—А меня в штаб вызывали,— высовываясь из-за бочки, сказал Алешка.

—Что там?— Чуков зачерпнул из бочки пригоршню холодной воды и плеснул себе в лицо.

—Корреспондент приехал из Москвы. Вот мы и разговаривали с ним. Он мне даже пистолет подарил.

Алешка опустил маленький вороненый пистолет в бочку, медленно отпуская курок, набрал в него воды. Потом прицелился и тонкая струйка ударила в Савчука.

—О це дило, холоденька!— и Савчук подставил грудь струе.

—Быстрее раздевайся,— бросил старшина, уходя в землянку,— а то скоро взводы начнут мыться.

Баня-землянка была построена с большим вкусом. Над ней трудились всем эскадронам под руководством ездового Любезнова, который утверждал, что в мире нет лучших бань, чем те,

которые строят в Калининской области. В огромной землянке сложили печь, вмазали котел, сделанный из железной бочки. Рядом положили несколько булыжников.

—Поддай-ка, Алешка, для приветствия!—крикнул Любезнов с самой верхней полки.

В бане были три полки. Верхнюю обычно занимал сам Любезнов. Правда, туда частенько вторгался и Чуков, но не надолго. Махая венником и фыркая, как морж, он быстро скатывался па вторую, а затем на самую нижнюю, где сидели остальные разведчики.

Алешка взял брезентовое ведро, зачерпнул из бочки воды и плеснул на гладкие раскаленные булыжники. Вода зашипела на них, как масло на сковородке. На полках стало еще жарче.

Но сегодня долго расслаживаться в бане не пришлось. Даже за обедом никто не подтрунивал над эскадронным поваром. Все лихорадочно готовились к вручению корпусу гвардейского знамени. Это событие ожидали целых два месяца, пока стояли на отдыхе в предгорье Карпат.

Алешка вывел из строя лошадей, стоявших у самодельной коновязи, своего Орлика и набросил на него седло. Орлик потянулся к нему губами.

— А сахару тебе не следовало бы давать,— вынимая из кармана белый кусок рафинада, сказал Алешка.— Опозорил ты меня.

Вчера была генеральная репетиция сводного полка, который готовился к конноспортивному состязанию в честь праздника. В этот сводный полк от эскадрона капитана Бирюкова входили шесть человек, в том числе Алешка и Чуков. Алешка репетировал взятие препятствий и рубку лозы. Орлик хорошо перемахнул через все барьеры и пошел на последний, так называемый «конверт». Обычно это препятствие он брал легко, и поэтому Алешка, ослабив поводья, потянулся к эфесу клинка, ведь сразу после взятия «конверта» нужно скакать в аллею лоз. И что взбрело в голову Орлику? Вместо того, чтобы прыгнуть через скрещение жердей, он вдруг юркнул между ними, и Алешка грудью сбил жерди.

— Не стоишь ты Бельчика,— надевая уздечку на коня, упрекнул Алешка.

Орлик вертел головой и все старался ухватить губами фуражку своего хозяина.

— Ишь, нашел чего! — отстранился от коня Алешка.— Видишь, что я в парадной форме?

И с этими словами он повернулся перед Орликом, как перед зеркалом. На нем были голубые брюки с широкими красными лампасами, темно-синий китель, на котором сверкали две медали «За отвагу», и хромовые сапоги с блестящими шпорами.

Алешка стоял на самом конце левого фланга сводного полка. Кругом было широкое гладкое поле. Только впереди, где виднелись специально выстроенные трибуны, торчали верхушки деревьев. Трибуны были забиты до отказа красными околышами казачьих фуражек.

—Равня-я-йсь!— пронеслась команда.

Вдоль строя на огромной вороной лошади скакал командир корпуса генерал Горшков. Немного сзади на белом, как лебедь, коне ехал его заместитель по строевой части генерал Малеев. За ними плотным строем — командиры дивизий, полков и отдельных соединений. Тысячи солнечных зайчиков играли на их орденах. Генералы и офицеры выстроились впереди сводного полка. Вдали показался открытый «виллис».

—Малиновский, Буденный,— пронесся шепот по рядам.

Алешка вытянулся в седле, стараясь получше разглядеть сидевших в машине. Конечно, вон тот, с черными усами — Буденный.

—Смир-р-но-о-о! — разнесся напевный голос командира корпуса.— Равнение на середину-у-у!

Громко ударила медь оркестра, и под его аккомпанемент Горшков поскакал навстречу «виллису». Алешка не слышал рапорта. Он только видел, как Буденный и Малиновский поднялись с сиденья «виллиса» и приложили руки к козырькам фуражек. Затем машина поравнялась со строем.

—Здравствуйте, донцы!

— Здра-а-вия жел-а-а-е-ем!—понеслось по полю.

Конно-спортивный ипик открыли джигиты. Впереди на полном галопе скакали две лошади. На них, встав друг на друга, группа казаков изобразила пятиконечную звезду. Следом за ними, ныряя под лошадей и через миг снова появляясь в седлах, мчались другие казаки.

Алешка страшно волновался, когда первые конники пошли на препятствия и рубку лозы. Сможет ли он вот так чисто пройти все барьеры и срубить все до одной лозы, как это делает старшина Чуков? Конечно, с ним тягаться нельзя: Чуков — природный донской казак.

Но, когда Алешка подъехал к стартовой линии и стоявший около нее казак махнул красным флажком, волнение моментально исчезло. Он подобрал покороче поводья и тихо тронул Орлика шпорами, который фыркнул и с места взял в галоп. Может, Орлик сегодня явно был в ударе. Он с такой легкостью перемахивал через препятствия, что по трибунам прокатывалась буря аплодисментов.

А вот и «конверт». Подскочив к нему вплотную, Алешка дернул повод. Орлик взвился на дыбы и, подобно кенгуру, перемахнул через крестовину жердей.

Теперь крутой поворот вправо — и клинок. Только надо сильнее натягивать поводья, чтобы сдерживать Орлика, а то на сильном скаку можно оставить несрубленную лозу.

Для Алешки всегда было большой трудностью перенос клинка справа налево. Если правую лозу он научился рубить сравнительно быстро, то левую или не успевал, или наносил тупой удар, который был самым позорным ударом у казаков. Чуков, глядя на Алешкину «работу», предлагал на правой стороне при рубке применять «баклановский» удар. Нанося удар снизу

вверх, клинок можно сразу переводить в левую сторону. Но этот прием был слишком труден. Сколько Алешка ни пробовал рубить лозу снизу, та все время ломалась и летела вверх. Он предпочитал простую рубку: удар по правой, тут же полный поворот руки — и клинок опускается на левую лозу. В таком варианте он добился сравнительно хороших результатов, хотя и в замедленном темпе...

Прямо на него мчатся трибуны. Лица мелькают и рябят в глазах. Носками сапог Алешка упирается в стремяна, выбрасывает тело вперед и со свистом опускает сверкающий клинок на первую лозу.

Гулко бьет о землю копытами Орлик, дергает поводья, стремясь прибавить скорость. Но Алешка тянет их к себе. Наконец, найден правильный ритм. Взмах вправо. Раз! Два! Взмах влево. Раз! Два!..

Теперь осталось снять кольцо. Оно висит на высоком столбе. Алешка выбрасывает руку с клинком вперед, нацеливаясь в его середину. Привычным движением он опускает немного вниз клинок, на котором крутится деревянное кольцо, а затем резким броском швыряет его через себя. Так в детдоме ребята швыряли, насаживая на тонкие прутья, оставшиеся в поле клубни картофеля,

—Хорошо прошел!— Чуков поймал за повод Орлика и похлопал его рукой по темной от пота шее.

—Оказывается, не хуже Бельчика берет препятствия,— с радостью заметил Алешка.

—Он и должен брать хорошо.— Чуков сделал шаг назад, как бы еще раз оценивая коня, и добавил:—У него все данные к этому.

Алешка подвел Орлика к коноводам, отдал одному из них повод. А сам поспешил назад, где еще продолжались конно-спортивные состязания. Ему хотелось посмотреть бой «красных» и «синих».

Вот на поле выехали две группы казаков. В каждой из них по семь человек. Одни одеты во все красное, другие — в синее. У каждого на голове остроконечные шлемы, на верхушках которых торчат маленькие флажки. В руках у всадников деревянные клинки, ими надо сбивать флажки со шлемов «противников».

Раздался свисток судьи, и всадники бросились друг на друга. Вот один «синий» выбыл из боя. Затем теряют флажки сразу два «красных», потом — «синий». И под конец остаются два «синих» и один «красный».

Победа «синих» уже не вызывала ни у кого сомнений. «Красный» на высоком буланом коне, поднявшись на стремянах, еле отбивался от наседавших на него с двух сторон «противников». Но вот он сделал резкий выпад к «синему», который наступал справа, а затем резко повернулся и нанес удар левому. Свисток судьи — и теперь борьба один на один. «Синий» нервничает, все время дергает своего гнедого и рвется вперед. А «красный» удивительно спокоен. Он стоит на одном месте и только подставляет клинок под удары «синего». Так длилось минуты две. И вдруг конь «красного» сделал мощный прыжок вперед, сверкнул клинок, и последний синий флажок полетел на вытопанную конскими копытами траву.

Так окончилось это интересное «сражение»...

По дороге в свой эскадрон Алешка догнал лейтенанта Язычкова. Тот шел обычной развалистой походкой, задумчиво разглядывая синее вдали Карпаты.

—Красота-то какая!—остановился он и протянул руку к розовым облакам, которые парили у самых вершин гор.— Я и не знаю, как это люди могут проходить мимо такого. И вообще, как они могут жить без прекрасного?— Лейтенант повернулся к Алешке горячо продолжал:—А ведь, скажу тебе, живут! Я встречал людей, как я их называю, с брюшной философией. Они утверждают, что им побольше бы хлеба, колбасы, сала, а кругом пусть будет хоть сплошная пустота.— Он вдохнул всей грудью, и легкая усмешка тронула его губы.—«Жить на утесе голом, писать простое сонеты. И брать от людей из дола хлеб, вино и котлеты...» Разве это жизнь?

Язычков лег на траву, подложил под голову руки и мечтательно стал смотреть в бездонную голубизну, по которой медленно плыли редкие облачка.

Опускаясь рядом с ним, Алешка спросил:

—А почему, если все время смотреть на облака, кажется, что не они плывут по небу, а мы двигаемся вместе с землей?

—Да потому, что смотрим вверх и не видим земли. Ну, это чепуха. Давай к другому переходить, в математике у тебя сдвиги неплохие. А вот с грамматикой швах. Начнем писать диктант.

Алешка достал из кармана тетрадь и карандаш. С этими письменными принадлежностями он расставался уже более полугодом. При любой свободной минуте Язычков заставлял его решать задачи, писать диктанты.

—Готов?— лейтенант сдул с носа букашку и начал диктовать:— «Пурпурные облака, как крылья лебедей, проплывали над перекошенными горами». Написал?

— Да .

— Ну-ка покажи, я ведь чувствую, что ты здесь что-нибудь да напорол,— он посмотрел в тетрадь и всплеснул руками:

—Где у тебя два «н»?

И тут снизу, из густого леса донесся звук горна.

—Общий сбор, ордена вручать будут!— поднялся Язычков.

—Буденный будет вручать? — спросил Алешка, пряча тетрадь в карман.

—Нет, он, пожалуй, в шестьдесят третьей дивизии. А у нас полковник Привалов, заместитель командира корпуса по политчасти.

Полк выстроился на плацу у штаба. Ровные, посыпанные желтым песком дорожки, как аллеи, разбегались в разные стороны. Напротив строя — стол, накрытый красным сукном, на котором разложено множество маленьких картонных коробочек.

Голос полковника, мягкий и немного приглушенный, легкой волной перекатывается по строю, выхватывая из него награжденных. И вот уже пошли знакомые фамилии: Бирюков, Чуков, Савчук, Язычков...

Алешка смотрит, как лейтенант, четко отбивая шаг, проходит мимо строя. По всем правилам он делает крутой поворот на дорожке и поворачивается к столу. И Куда только делась его развалистая походка? Вишь, как рубит, не зря окончил офицерское училище. Алешка протягивает руку к идущему мимо строя Язычкову, чтобы поздравить его с наградой, но тут до него доносятся слова полковника Привалова:

— За мужество и отвагу, проявленные при уничтожении прорвавшейся группы немцев на высоте 610, наградить орденом Славы третьей степени казака Паршина Алексея Васильевича...

Совсем непривычно идти строевым шагом перед всем полком. Все глядят на тебя, и лица расплываются в улыбке. Даже полковник, разгладив на лбу густые бороздки морщин, широко улыбается. Он выходит из-за стола, плотный, кряжистый и обнимает его. Алешка чувствует на своих щеках прикосновение его теплых губ. Он впервые видит полковника так близко. Мягкую коричневую портупею с блестящей пряжкой. Два ордена Красного Знамени. Один из них светлый — наверное, получен давно, может, за Халхин-Гол или за финскую.

Полковник отрывается от Алешки, но, продолжая держать его за плечи, бросает стоящему рядом командиру полка Кобзеву:

— Видишь, какие орлы у тебя?

— Он у нас настоящий герой, — отвечает тот. — С самого начала воюет.

— Что ж, это похвально, — и Привалов протягивает Алешке руку. — Поздравляю, еще раз поздравляю. Но вот воевать тебе, пожалуй, и хватит. — Он поворачивается к столу и коротко распоряжается: — Надо оформить на него документы и отправить в военное училище.

— Товарищ полковник! — Алешка бросается к нему. — Разрешите остаться до конца войны, а потом я сам пойду в училище.

Пепельные брови полковника подскочили вверх, он улыбнулся:

— Ты что же думаешь, без тебя и фашистов не добьем?

— Да нет, я хочу остаться в своей части, — упрямо мотнул головой Алешка.

Смешанные чувства охватили полковника. Перед ним стоял солдат, который не имел права перечить своему командиру. Но солдат-то необычный — мальчишка.

Полковнику уже рассказывали, как Алешка, переодевшись в гражданскую одежду, ходил в разведку и добывал ценные сведения. «А ведь парнишка очень здорово похож на моего Сережку, — подумал Привалов. — Такой же упрямый, как и мой. Ишь, как насупил брови! Нет, дорогой товарищ, злись, не злись, а ехать тебе учиться придется».

— И никаких «останусь», — с лица полковника, как ветром, сдуло улыбку.

Уже не с той приподнятостью шагал назад мимо строя Алешка. Ну что они, как малые дети, смеются и тянут к нему руки? Не знают, что больше его не будет с ними? Все так быстро решено, что даже не верится. Скоро полк снова вступит в бой, а он будет сидеть где-то за партией...

— Ты уж и в панику бросился! — хлопая его по плечу, говорил Язычков. — Для тебя училище — это мечта.

— Ага, все будут воевать, а я! — воскликнул Алешка.

— Мальчишечьи замашки от тебя никак не отлетают, — вмешался в разговор Чуков. — Нужно глядеть подальше вперед. Война кончится, начнется мирная жизнь, а ведь границы охранять кому-то надо. Понял меня?

— Да, боат, учиться тебе нужно, — добавил Язычков. — И очень много. Я вот тоже после войны поеду заканчивать свой литфак. Полтора курса недоучился.

— Так ты после войны поедешь.

— Чудак человек! — воскликнул Язычков. — Пять дней назад тебя принимали в комсомол, и Бирюков красноречиво описывал твою выдержку и дисциплинированность. Как видно, ошибся. Ну пойми ты, кто может обсуждать приказ заместителя командира корпуса? Да еще такой приказ. Я бы на твоем месте сейчас же запел от радости...

Незаметно подкрались сумерки. Вначале они просочились между деревьями, сглаживая очертания деревянных коновязей, затемняя строй брезентовых палаток. А потом потянулись сюда, на поляну. Тихий вечер заглянул в предгорье Карпат...

Черная непроницаемая мгла. Кажется, что нет ни неба, ни земли, а есть одна густая, смешанная с холодным и злым дождем, темнота. Из-под козырька глубоко надвинутой фуражки Алешка видит лишь опущенную гриву Орлика. За эти долгие дни и ночи рейда Орлик сильно изменился. Куда только девалась его постоянная суетливость. Сейчас он мирно ступает вперед, уткнувшись головой в круп вороного, на котором сидит комэска.

Холодная вода проникает за рубашку, струйками ползет по спине. Воротник шинели стал жестким, как скребница для чистки лошадей. Алешка чувствует, как все больше и больше начинает гореть у него шея от прикосновения к этому костяному воротнику.

Когда выбрались из этого ущелья смерти, и войска веером рассыпались по долине, воевать стало гораздо легче. И наступление пошло быстрее. Вот только этот проклятый холодный дождь...

В двадцатых числах октября 1944 года конно-механизированная группа, руководимая командиром Пятого Донского корпуса Горшковым, повела решительное наступление с тем, чтобы содействовать быстрейшему выходу войск Четвертого Украинского фронта на Ведрогскую равнину. В авангарде этого мощного кулака Второго Украинского фронта двигался эскадрон капитана Бирюкова.

Рядом, задевая Алешкину ногу стремями, едет Савчук. Он сидит в седле неподвижно, как мумия. Видно, ему тоже чертовски надоел дождь. «Угорщи-на... — вспоминает спор с Савчуком Алешка.— Почему-то Венгрию он называет именно так. И всегда спорит, что это название правильное. Наверно, потому, что мадьяры живут у гор».

Алешке все-таки повезло, хотя все твердят, что это везение никчемное. Буквально на другой день после вручения наград их дивизион бросили в прорыв. Где-то позади остались штабы и обозы. На время был забыт приказ полковника Привалова об отправке Алешки в военное училище. Правда, комэска сказал, что, как только они хоть на несколько дней выйдут из боя, тот будет срочно отправлен в Москву. Вот это и пугало Алешку...

Светало. Темная пелена медленно рассеивалась. Уже видны посадки из промокших акаций, побуревшие копны соломы, поля с густой щеткой стерни. А над всем этим быстро бежали косматые тучи.

На развилке дорог связной, оставленный Язычковым, ждал, когда подойдет эскадрон. Он доложил Бирюкову, что в километре отсюда находится имение, где лучше всего сделать привал.

Через несколько минут эскадрон въехал во двор большого мрачного замка. Окна его были прикрыты массивными бархатными шторами. В их щели тусклыми струями проникал рассвет.

В полутемном просторном зале было гулко, прохладно.

—Я уже все прощупал впереди,— сказал Язычков, стараясь отодвинуть тяжелые шторы.— И чувствую, что фашисты дадут здесь бой.

—Пора им прийти в себя.— Бирюков уселся в глубокое кресло.

Савчук принялся растапливать камин.

— А что, это все помещики?—заинтересовался Алешка, с удивлением разглядывая стены, на которых висело множество портретов.

На него из огромных массивных рамок глядели усатые, седые и совсем юные люди, одетые в яркие расшитые камзолы, перетянутые желтыми португезами. Все они смотрели воинственно, положив правые руки на вычурные эфесы сабель.

—Вся родословная,— заметил комэска.— А вот и сам Хорти,— он указал на гипсовый бюст.

—Но Венгрия — это не только Хорти и другие фашисты.— Язычков медленно двинулся по залу, подошел к блестящему черному роялю и откинул крышку.—«Венгрия — это, в первую очередь, Кальман. Вот послушайте, какая есть еще Венгрия.

Легкая и плавная музыка поплыла под сводами высокого зала. Ее первые аккорды еще не говорили ни о чем, в них не было ничего удивительного. Пожалуй, музыка напоминала многое, уже слышанное не раз Алешкой. Но вдруг полилось что-то бодрое, жизнерадостное. И все. вокруг заискрилось, закружилось. Казалось, что в этот холодный и мрачный зал ворвался горячий свет. Музыка безраздельно завладела всеми чувствами, заставила подчиниться своему такту и понесла, понесла, понесла...

Все, казалось, застыли. Капитан полулежал в огромном кресле, склонив голову набок и закрыв глаза. Савчук стоял рядом, держа в вытянутой руке полено, и широко открытыми глазами изумленно смотрел на Язычкова, У широкого окна затихли в немой позе лейтенанты Горячих и Анисимов.

А музыка рвалась из зала. Как водопад, она обрушивалась на паркетный пол и звонким резонансом рассыпалась вокруг, И тут же руки Язычкова на мгновение замерли в воздухе, а затем резко упали на клавиши...

Первым из оцепенения вышел комэска. Он приподнялся в кресле и со вздохом сказал:

—Хороша музыка!— Потом взял из рук Савчука полено и бросил его в жаркий камин.— Не знаю, как это называется, но мне, кажется, что я ее слышал.

—Чардаш. Знаменитый венгерский чардаш,— пояснил Язычков, закрывая рояль.

—Вася, подожди!— к нему бросивший лейтенант Горячих.— Давай споем ту, какую, помнишь, слышали в Румынии на концерте?

Язычков согласно кивнул головой и первым запел. Голос у него тихий, задумчивый, и казалось,

песня доносится откуда-то издалека.

Я иду по не нашей земле,
Занимается синее утро,
Вспоминаешь ли ты обо мне,
Дорогая моя, златокудрая?

К мягкому баритону Язычкова присоединился сильный, звенящий голос Горячих.

Я тоскую по Родине,
По родной стороне моей,
И в далеких походах сейчас,
В незнакомой стране.
Я тоскую по русским полям,
Мою боль не унять мне без них.
И по серым любимым глазам,
Как мне грустно без них.

Забравшись с ногами в глубокое кресло, Алешка смотрел, как языки пламени пляшут по стенкам камина.

Он с наслаждением чувствовал, как тепло охватывает его разутые ноги, как подкрадывается к голове сладостная дремота. Песня, звучавшая совсем рядом, вдруг стала удаляться и, наконец, оборвалась...

Алешка почувствовал прикосновение руки комэска к своему плечу, даже услышал его голос, но никак не мог вырваться из тисков сна. Слишком тепло и уютно было в этом мягком кресле. Наконец, он поднял голову и открыл глаза.

— Спишь сладко, и будить тебя не хотелось,— сказал капитан.— Но нужно срочно добраться до штаба полка. А кроме меня и тебя, никто там из нашего эскадрона не был.

Алешке казалось, что спал он всего несколько минут. Но, как видно по всему, прошло уже много времени. Ведь вернулись разведчики, которые уточняли силы противника. Да и совещание уже закончилось: командиров взводов в комнате нет.

— Значит, в штаб полка? — натягивая сапоги, переспросил Алешка.

— Отвезешь записку командиру полка, а на словах передашь, что эскадрон встретился с большими силами противника. Пускай там быстрее решат, вступать нам с ними в бой или отходить к основным силам.

— Ехать той же дорогой? — спросил он, пряча записку в карман.

— Да, все время по ней. До самой асфальтовой. А дальше ты знаешь, с тобой мы были в штабе.

— Пусть хоть поест немного, — вмешался в разговор Савчук.

— Только побыстрее, — бросил комэска. — Кони уже готовы, а поедет с тобой казак второго взвода.

Дождь почти прекратился, лишь изредка сильные порывы ветра бросали на землю холодные пригоршни воды. Рваные тучи неслись так быстро, что, казалось, земля плыла вместе с ними. Тонкие акации, стоявшие в посадке строгими рядами, под такт ветра, как солдаты, четко повторяли заученные движения. То наклонялись, то выпрямлялись и осыпали землю пожелтевшими листьями, которые хороводом кружили в воздухе.

Страшно клонит ко сну. Глаза сами закрываются, все вокруг заволакивает туманом. «Ехать надо быстрее и тогда не заснешь», — подумал Алешка. Он все старался поднять голову, но та наливалась чугушной тяжестью.

Плавно приближается грива Орлика. Алешка вздрагивает и откидывается назад. Слышно, как похрапывает конь сопровождавшего его казака. И вдруг Орлик шарахается в сторону.

Алешка успел схватиться за луку седла. Воздух заколыхался от струй автоматных очередей. Орлик сделал еще прыжок в сторону, а затем взвился на дыбы и рухнул на землю. Алешка успел вытащить ноги из стремян и через голову коня полетел на землю. Из посадки прямо к нему бежали немцы. Они были так близко, что Алешка хорошо видел их сероватые лица под тяжелыми касками.

Первое, что пришло ему на ум — бежать! Он вскочил и, низко пригибаясь, помчался назад.

Алешка ждал, что вот сейчас засвищут пули и какая-нибудь вопьется в спину. Эта мысль заставила его бежать зигзагами. Он на мгновение обернулся и увидел неподвижно лежащих казака и его коня. Но почему же немцы не стреляют? Ага, впереди в посадке колыхнулись две зеленые тени. Фрицы хотят взять его в плен... Он выхватил из кармана пистолет и, не целясь, выстрелил по ним раз за разом...

Путь к посадке отрезан. План немцев был ясен: они рассчитывали выгнать его в чистое поле и там поймать. Но нет уж, не удастся. Алешка бежит что есть духу вдоль посадки. Справа наперерез ему несется здоровенный фашист, в руке — автомат. Еще мгновение — и

ткнет ему в бок вороненым стволом. Алешка выбрасывает навстречу руку и нажимает курок. Фашист, как бы споткнувшись, плашмя летит на землю. А теперь можно и в посадку.

Он влетел в кусты акации, фуражку будто ветром снесло. И сразу же острые колочки со всех сторон вцепились в него, как ножи, резали лицо и руки, рвали шинель. На правой реснице повисла красная капля. Он провел рукой по лбу и почувствовал щемящую боль. На мгновение остановился и услышал позади густую автоматную стрельбу.

Выскочив из посадки, Алешка увидел своих. Он сразу узнал их по красным лампасам. К нему на коне подскакал незнакомый лейтенант.

— Это они за тобой гнались?

— Мы ехали в штаб и наткнулись, — ответил Алешка, пряча пистолет в карман.

— В штаб корпуса? — переспросил лейтенант.

— Да, наш штаб полка вместе со штабом корпуса стоит.

— Так бы и говорил сразу. Ведь ты из полка Козбева? Что у тебя?

— Донесение.

Лейтенант несколько секунд в раздумье смотрел на Алешку, потом бросил стоявшему позади казаку:

— Кочетков, доставь мальчишку в штаб и скорей догоняй нас.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Кого-кого, а полковника Привалова Алешка совсем не думал встретить в штабе полка. Как не хотелось попадаться ему на глаза! Ведь тот опять поведет разговор о Суворовском училище. Но раз Привалов здесь, то, видно, не обойдешь его.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться к командиру полка, — остановившись у дверей, выпалил Алешка.

Полковник грузно повернулся на стуле.

— Обращайтесь, — сказал он, легким движением сняв очки.

Алешка шагнул к стоявшему возле стола командиру полка Кобзеву и отрапортовал:

— Товарищ подполковник, я был послан капитаном с донесением к вам. На дороге мы попали в засаду, сопровождавший казак убит, а пакет командира эскадрона вот, — и Алешка протянул донесение.

— Далеко от асфальтовой дороги они вас встретили? — читая донесение, спросил Кобзев.

— Нет. Километрах в двух.

— Вот видите, — обратился Кобзев к полковнику, — и на участке Бирюкова фашисты стянули силы.

— А где находится ваш Бирюков?

Привалов наклонился над картой. И после того, как Кобзев показал ему, поднялся, заложив руки за спину, зашагал по комнате. Остановился возле Алешки.

— Кажется, мы договорились отправить мальчишку в Суворовское?

— Документы готовы, товарищ полковник, — ответил Кобзев. — Вот ждем удобного случая для его отправки.

— Удобного случая... — полковник покачал головой. — Да его, пожалуй, скоро не будет. Вы вот что... Держите его пока при себе, а как подтянутся тылы — сразу же отправляйте.

... Алешка спал, когда в восемь часов вечера полк поднялся по тревоге.

— Едем на подкрепление твоему эскадрону, тормозил его за плечо пожилой адъютант Кобзева Федор Иванович. — Вот возьми шапку, ты же потерял свою фуражку.

— Хороша! Точь-в-точь по-мне, — воскликнул Алешка. — Где вы ее достали?

— Достал, — Федор Иванович весело рассмеялся.

— Раз вы такой всемогущий, то может, и коня мне дадите?

— А вот коня-то и не будет.

Подполковник приказал ехать тебе в фэнтоне.

— Вон куда дело зашло! Значит, я буду штабная крыса?

— Ишь ты какой! — Федор Иванович недовольно насупил брови. — Наслушался всяких небылиц в своем-то эскадроне.

— Ладно, — согласился Алешка. — Я готов ехать хоть на корове, лишь бы в свой эскадрон.

Всю ночь пришлось болтаться в фэнтоне. Эта старая помещичья карета оказалась очень удобной в дороге. На улице ветер и дождь, а здесь тепло и сухо. Рядом мирно посапывает Федор Иванович. Иногда он бурчит во сне. Но Алешке не спится. Он все хочет представить себе, что будет там, в Суворовском училище. Но это ему не удастся. Вот если бы Толик был, тот мог бы целую ночь рассказывать об этом училище, хотя там никогда и не был. Где они сейчас, его детдомовские друзья? Алешке стыдно, что он редко вспоминал их. Вот бы сейчас встретиться, поехать к ним на Орлике...

Алешка вздохнул и открыл дверцу фэнтона.

— Холоду не напускай, — слышит он сзади хриплый голос Федора Ивановича.

Фэнтон плавно покачивается с боку на бок. Ни голоса, ни огонька, лишь медленно плывет мимо черная масса деревьев вместе с глыбами туч. Хрустят под колесами ветки. «Наверное,

пересекаем посадку», — подумал Алешка, прильнув к маленькому окошку в дверце кареты...

Штаб полка расположился в том самом помещицьем замке, откуда еще вчера выезжал с донесением Алешка. А его третий эскадрон уже занимал оборону на левом фланге в двух километрах отсюда. Алешка знал, (что теперь его так просто не отпустят к своим, ведь там идет бой.

Все утро он придумывал всякие уловки, чтобы попасть в эскадрон. Просил Кобзева, чтобы тот послал его связным, но подполковник отмахнулся, сказал, что связной туда уже послан. Алешка тогда бросился к начальнику штаба. И от него узнал горькую правду: ему категорически запрещено выходить из замка.

Спасаясь от безделья, он забрался на второй этаж и попал в небольшую комнату, которая вся была уставлена и увешана оружием. В пирамидах стояли длинные пики и старые кремневые ружья, кругом на столах лежали сабли, палаши, кинжалы. Алешка снял со стены железную сетчатую кольчугу, натянул на себя. Затем подобрал по своей голове шлем с забралом, взял щит и кривую турецкую саблю.

Первым делом он решил в таком наряде появиться перед черненькой санинструкторшей, которую много раз видел в штабе полка. Ему ведь так и так нужно было идти к ней на перевязку. Болели глубокие царапины от колючек — следы поездки в штаб полка.

—Мадам, вам придется сдаваться,— сказал он, входя в комнату санинструкторши и усаживаясь в кресло.

Увидев его в странном одеянии, девушка прыснула от смеха.

— Не позволит ли рыцарь печального образа показать свои раны? — ответила она такой же шуткой.

Затем подошла к нему, быстрым движением сбросила шлем и ловко стала разматывать бинт на левой его руке.

Алешка почувствовал легкое прикосновение тонких пальцев, в ноздри ударил головокружащий запах духов. Голова санинструкторши находилась у самых его глаз, пыльные волосы щекотали подбородок и губы. Они не такие уж черные, как представлял он раньше, а больше, пожалуй, коричневые. А глаза, когда она запрокидывала голову и смотрела на него, казались черносливками...

Он вдруг поймал себя на том, что хотел показаться перед нею смелым, да вот растерялся. И все из-за этих волос. Они такие мягкие и нежные, что становится приятно, когда касаются его лица...

Алешка медленно опустил руку на ее волосы. Сан-ийструкторша вздрогнула и, откинув голову в сторону, посмотрела на него изумленными глазами. Он почувствовал, как горячий жар полыхнул по его щекам.

—Я просто так,— сказал он, запрокидывая голову на спинку кресла, чтобы не смотреть в ее глаза.

—Все бы ты баловался,— доставая из сумки свежий бинт, упрекнула девушка.— Совсем как мальчишка.

—Сама еще девчонка,— обиделся Алешка.

—А что же ты дспехи на себя натянул?

—Да так просто,— бросил он, переводя свой взгляд на картину в золоченой раме.

Он почувствовал, что та скованность, которая владела им еще минуту назад, прошла. Почему-то раньше он не видел перед собой этой картины на стене. А ведь она такая, что не оторвешь глаза. Откуда они — эти гривастые львы с красными пастями, всадники со щитами и пиками? И у всадников такое же оружие, какое он видел в соседней комнате...

—А вот бровь-то ты сильно разодрал,— перебила его мысли санинструкторша.

—Пустяки, сейчас уже не больно.

—Знаешь что? — вдруг сменила она разговор.—Давай с тобой устроим свою художественную самодеятельность. Делать все равно нечего. Раненых пока нет, да и ты, как мне известно, ничем не занят.

—Да, хоть пой,— криво усмехнулся Алешка.

—Нет, ты лучше расскажи о Коле Тиховарове,— попросила девушка, усаживаясь в кресло напротив него.—Я ведь долго жила на Дальнем Востоке, так что слышала об этом маленьком партизане.

—В городе жила? — спросил Алешка.

—Нет, на самом Амуре. Отец у меня командовал заставой.

—А сейчас где он?

—Воюет, как и мы с тобой. Наша семья вся на фронте. Мать тоже работает в госпитале.

«Вот она какая! — подумал Алешка.— Надо же — с Дальнего Востока приехала сюда, чтобы воевать с фашистами...» А на вид маленькая, хрупкая. Вообще, все люди удивительные. Встретишь человека — вроде, ничего в нем особенного. А поговоришь — и сразу он становится героем. Наверное, такими были бы детдомовские ребята. Ну взять хотя бы Толика. Интересно, кем бы он стал, если бы остался жив? Ведь так рассказывать или быстро, на ходу, выдумывать вряд ли кто, кроме Толика, умеет. Вот бы его сейчас сюда, он бы прочитал стихотворение...

— А откуда тебе известно, что я знаю стихи о Коле Тиховарове? — обратился Алешка

к санинструкторше.

— Вот тебе и на! — всплеснула та руками.— А помнишь, в Румынии читал? Я и то тогда пела «Огонек».

И Алешка сразу вспомнил. Просто странно, как это он мог забыть такое. Их полк стоял тогда на отдыхе. Ждали приезда корпусного казачьего ансамбля песни и пляски, а тот где-то застрял. И тогда Язычков сам на скорую руку организовал самодеятельность. Получилось удачно. Собравшийся на концерт полк аплодировал своим артистам, пожалуй, не хуже, чем приедем. На том концерте Алешка и читал про Колю Тиховарова.

— Кажется, мы здорово тогда выступали,— улыбнулась девушка.— Давай-ка повторим. Начинай первый, а я потом спою.

Алешка поудобней уселся в кресло, сбросил на пол рыцарские доспехи и как тогда, на импровизированной сцене, начал читать, чеканя каждое слово.

Где Амур спокойно катит волны,
От Хабаровска недалеке,
Где леса стеной зеленой, черной
Круто опускаются к реке,
Где ночами стелются туманы,
Где валежник затаил беду,—
В дебрях тех скрывались партизаны
В грозном девятнадцатом году.
Шли бои в кольце лесных пожаров.
Люди отходили на восток.
Был в отряде Коля Тиховаров
Маленький смысленный паренек.

— А ты знаешь,— перебила его санинструкторша,—я ведь видела мемориальную доску с надписью о Коле Тиховарове. Кажется, в Хабаровске или в Уссурийске. Точно не помню. Да ладно, читай дальше.

Он несколько секунд рассматривал узорчатый потолок комнаты и одновременно быстро про себя повторял прочитанные куплеты. Это он всегда так делал, когда начинал читать какое-нибудь стихотворение от середины. Затем опять стал чеканить громко:

Вот послали мальчика с пакетом
В красный штаб, в одну из деревень.
Должен фронт он перейти с рассветом
И назад вернуться в тот же день.
Темной ночью он оставил лагерь.
Труден путь — все тропы надо знать,
Перелески, горки и овраги,
Топь, болота, узенькая гать...
Знает Коля тайные лазейки.
Все прошел, но вдруг на полпути
Прямо на разъезд белогвардейский
Он наткнулся, некуда идти.

В это время по лестнице промчался Федор Иванович.

—Скорей санинструктора!— кричал он.— Командира полка...

Все бросились вниз. Прямо на полу, на разостланной плащ-палатке лежал Кобзев.

—Я говорил ему,— опускаясь на колени рядом с санинструкторшей, заплакал Федор Иванович,— простреливается поле, а он свое — «поехали быстрой». Вот и... Эх, лучше бы меня хлобыстнуло!

Алешка не стал смотреть, как перевязывают командира полка. Он вообще не любил смотреть на чужие раны. Легче свою переносить. При виде крови его почему-то начинало мутить. Жалко подполковника: теперь он, кажется, надолго отвоёвался. Вот вам и счастливчик. В полку так называли Кобзева потому, что он прошел от самых сальских степей и не получил ни одной царапины...

После того как Кобзева увезли в госпиталь, Алешка полностью освободился от опеки, которую установил над ним командир полка. А начальнику штаба было теперь не до мальчишки, так как на него ввалили ответственность за все эскадроны. Алешка хотел сразу же идти к своим, да жаль, не знал точного их расположения.

В третий эскадрон он попал только к вечеру, когда возвращался назад связной, прибывшим от капитана Бирюкова.

Ночь опускалась так быстро, будто шла по земле дымовая завеса. Здесь, в посадке, где проходила наша оборона, были уже сумерки. Только западный горизонт все еще горел кровавым закатом.

—Витер буде завтра,— заправляя новую ленту в станковый пулемет, предсказал Савчук.

—Лишь бы не дождь.— Алешка стоял рядом с ним и вглядывался в лежащее впереди поле.

—А може и его пригнать.— Савчук немного помолчал и вдруг набросился на Алешку:— Ты ж просився до меня вторым номером, а ленту не хочешь заправлять.

—Сейчас заправлю,—отмахнулся Алешка.— Дай хоть рассмотреть, что там впереди.

—А що там може быть? Тьма да и все.

—О, на вас и танки лезли!—увидев черную громадину на поле, воскликнул Алешка.

—Все було, хлопец, все. Ты вот лучше спать ложись.

—А немцы еще полезут?

—Нет, они в потемках не воюют.

На землю опустилась мертвая тишина. Даже трудно было поверить, что здесь полчаса назад рвались снаряды, свистели пули, скрежетали гусеницами танки и что в сотне метров отсюда, в такой же посадке, засел враг. Он мог в любую минуту обрушить на них ливень свинца, мог и броситься в атаку, прячась за броню танков.

Все это было для Алешки не ново. Он хорошо знал обстановку на передовой. Да вот и разведчики расставлены по-другому. Обычно они находились на КП эскадрона, который располагался сзади передовой. А сейчас сам комэска лежит в одной цепи с обороняющимися. И Савчук тоже заделался пулеметчиком. Как всегда, у него идеальный порядок в окопе. На дне постлана солома, рядком уложены связки гранат, стоят зеленые банки с пулеметными лентами. Вспомнив, как холодно встретил его появление Бирюков, Алешка спросил Савчука:

—Почему капитан такой злющий, как будто его семь мух укусили?

—Укусят, коли пушек нема. Они колошматят нас и минами, и снарядами, а у нас тильки дви пушечки.

—А я-то здесь при чем?— вырвалось у Алешки.

—Эх, хлопец, хлопец!— Савчук положил на дно окопа плащ-палатку и опустился на нее.—

Ложись и знай, ще ты для него обуза.

—Я-а?—Алешка от удивления даже присвистнул.

—Ну, який же ты недогадливый! Ненароком убьют тебя, а вин отвечай. Его тоди полковник Привалов со свиту сживе.

—А меня не убьют, я в рубашке родился,— ложась рядом с Савчуком, ответил Алешка.

—И рубаха не поможе,— Савчук скрутил папиросу и достал кресало.

Привычным движением он ударил куском напильника по плоскому камню, на котором лежал тряпичный жгут. Искры веером полетели по окопу. Подув на конец жгута, прикурил.

—Я не боюсь смерти и о ней николи не думал, а вот сегодня у меня шесь круте внутри.

И не то, ще б страх, а просто яке-то предчувствие погане. И все вид того, що скоро закінчиться война. Чувствуешь це и помирать не охота.

Его лицо было совсем рядом. Бледный свет, падающий от самокрутки, освещал давно не бритые щеки и подбородок.

—Ох, як хочеться дожить до победы! Я соби зараз представляю, який буде цей день.

Сонца буде море, а кругом цвितы. А салют — по всему миру.

—Для такого салюта нужно много ракет,— вставил Алешка.

—Мы будем салютовать изо всех видов оружия, а винтовки и пулеметы больше нам будут не нужны. Мы все это после салюта сбросим в глубоку яму, шо б нико-лы не доставать ее виттиля...

Ночь была холодная. Проснувшись утром, Алешка увидел, как белое покрывало инея затянуло тонкой пленкой пожелтевшие листья и поля. Справа поднималось солнце. Оно бросало косые лучи на серебристый иней, и те ярким пламенем побежали по верхушкам деревьев.

Утреннюю тишину вдруг разорвал глубокий, как вздох, удар. Он донесся из глубины обороны противника. В лесопосадке с воем и треском стали рваться снаряды. Алешка лежал на дне окопа, ждал конца артподготовки. И знал, что, когда она кончится, фашисты пойдут в наступление.

Находясь почти двое суток в штабе полка, он хорошо изучил обстановку. Ему стало известно, что противник создал мощный кулак и сейчас, когда наши еще не подтянули свои силы, намеревался с ходу разбить авангард наступающих советских частей. Поэтому перед полком поставили задачу: во что бы то ни стало продержаться до подхода основных частей ударной группы...

Первая утренняя атака была отбита сравнительно легко. Потеряв три танка, противник откатился к своей посадке. Но это было лишь началом того, что ожидало полк впереди.

Примерно через час фашисты снова бросились в атаку. Теперь они наступали по всему фронту полка, шли нагло, во весь рост.

Прямо на окоп, где сидели Савчук и Алешка, шел танк. Позади него, низко пригибаясь, бежали автоматчики.

—Отсекаем пехоту!— крикнул Савчук, берясь за ручки пулемета.

Алешка держал в руках ленту, которая судорожно вздрагивала и ползла в пулеметный затвор. Он видел, как длинной очередью Савчук прижал к земле автоматчиков.

Слева и справа от их окопа находились пэтээрвцы. Иногда в шуме боя можно было слышать их хлесткие выстрелы. Но почему же они не стреляют в тот танк, который идет на Алешкин окоп, а бьют по другим? Да вон их сколько лезет.

А танк уже почти рядом. Савчук отпрыгнул от пулемета и схватил связку гранат. Хотел встретить танк на подходе к окопу, но опоздал. Черная громадина со страшным ревом врезалась в посадку и, обвалив край их окопа, ломая, как спички, акации, двинулась дальше.

Когда танк налетел, Савчук упал на дно окопа, прижав к земле Алешку. Но тут же вскочил и с силой швырнул вслед уходящему танку гранаты.

— Бисовы диты!—закричал он, увидев, как танк, скрежеща гусеницами, завертелся на месте.

Затем бросился снова к пулемету. И тут Алешку поразило странное выражение его лица. Губы сжались в тонкую полоску, широко открытые глаза глядели на него неподвижно. Алешка испуганно вскочил, кинулся к нему.

— Вот и все,— выдавил из себя Савчук, сползая на дно окопа.

— Нет, кет, Савчук!— не помня себя, закричал Алешка.

Но тот в ответ не произнес ни слова. Голова его тяжело упала на грудь.

На мгновение ужас овладел Алешкой. Он схватился за ствол поваленного дерева и выпрыгнул из окопа. Хотел бежать подальше от этого ужасного места, но тут же и замер: по полю прямо на него во весь рост бежали гитлеровские автоматчики. Они уже совсем близко.

Алешка оттолкнулся от дерева и прыгнул к пулемету. Его ручки были еще теплыми от ладоней Савчука. Прицельная рамка прыгала перед глазами. Им овладела ярость. Он не замечал никого вокруг себя, видел только, как мечутся по полю фашисты. Одни падают, другие бегут назад. А пулемет бил и бил.

Но вдруг все озарилось ярким светом, тугой горячий воздух с силой оторвал его от пулемета и бросил на дно окопа..

ВСТРЕЧА

Маленький австрийский городок Фюрстенфельд утопал в зелени. Дома были так густо окутаны листвою, что казалось, впереди лежит не город, а огромный цветущий сад. Но не это поражало ехавшего в машине Алешку. Его удивлял (нескончаемый треск выстрелов, несущийся со всех сторон. И одновременно со всех улиц неслись знакомые мелодии песен: «Кличут трубы молодого казака, пыль седая стала облаком вдали...», «А за нею казаченько виде конив напувать...»). «Раз, два, три, калина, чернявая дивчина...»

На перекрестке двух улиц Алешка слез с машины и подошел к регулировщице. Странно, она совсем не похожа на тех регулировщиц, которые стояли на фронтовых дорогах. Те всегда были суровые, озабоченные, говорили отрывисто и совершенно не реагировали на реплики проходящих мимо солдат. А эта, задрав голову вверх, ловила звуки вальса, которые неслись из открытого окна соседнего дома, и покачивалась в такт музыке. Глаза у нее полузакрыты. Лицо расплылось в улыбке, как будто ей только сейчас вручил орден сам командующий фронтом.

— Где штаб корпуса? — Алешка поднял руку к козырьку фуражки.

Она окинула его быстрым взглядом и, не прекращая покачиваться, показала рукой вправо.

—А полк Кобзева?

— Немного подальше,— крикнула она и вдруг закружилась по мостовой.— Надя, Надя, ты эту пластинку еще раз поставь!

—Что это творится в городе? — подождав, когда регулировщица кончит кружиться, спросил Алешка.

—Ты что, с луны свалился? — она с изумлением посмотрела на молоденького солдата.

— Не с луны, а из госпиталя,— отпарировал Алешка.

Регулировщица вдруг бросилась к нему и, обхватив его за плечи, стала целовать в губы, в щеки, в нос.

—Победа, победа! — закричала она, и радостные слезы потекли по ее щекам.

—По-бе-да-а!—повторил Алешка. Вырвался из ее рук и побежал по улице.

Он давно ждал этого дня. Ждал, когда был еще в госпитале, когда объявили, что взяты уже Берлин и Вена. И все же произошло это неожиданно. И так просто. Победа — и все. И больше не будут стрелять друг в друга. Даже не верится. Трудно представить себе всех этих людей, не идущих в атаку, не роющих окопы. А как они мечтали о родной деревне или городе! Вот сейчас отпусти их домой, и эти люди будут еще красивей. Они так и вращут в свое мирное дело, и всем им покажется, что они рождены только для того, чтобы пахать, сеять, строить...

Алешка бегом поднялся на высокое крыльцо небольшого двухэтажного дома. Часовой у калитки сказал, что в штабе собрались все офицеры полка. У Алешки радостно застучало сердце. Ему хотелось побыстрее увидеть обоих. Посмотреть на их сияющие лица и вместе с ними еще раз прочувствовать это удивительное слово: Победа.

Он отворил двери и очутился в небольшой комнате. Прямо перед ним стоял Федор Иванович — ножом открывал консервную банку.

—Батеньки!— воскликнул он радостно.— Смотрите, кто |прибыл-то! А тебя только сейчас вспоминал майор.

—Какой майор?

—Кобзев еще в госпитале. Бирюкову присвоили майора и назначили командиром полка.

И с этими словами Федор Иванович шмыгнул в полуоткрытую дверь другой комнаты. Оттуда доносился звон посуды. Алешка услышал знакомый голос комэска.

—Давай его сюда!

Федор Иванович распахнул двери, и Алешка увидел длинный стол, за которым сидели офицеры.

— Ну-ка покажись, как они тебя там заштопали? —

Бирюков поднялся из-за стола и пошел ему навстречу.

—Товарищ майор, гвардии казак...

—Вольно, вольно, Алешка,— Бирюков сгреб его в охапку.

Из его объятий он попал к Язычкову, а затем к Анисимову. Офицеры, выскочив из-за стола, окружили его плотным кольцом.

— Тебя ранило в тот день, когда и Кобзева? — спросил Бирюков.

— Нет, на другой,— ответил Алешка.

—Да, на другой день... — И Бирюков потемнел лицом.— А в тот день мы потеряли многих. Алешка сразу же, как только вошел в эту комнату, заметил, что среди офицеров кого-то нет. Теперь все ясно: погиб и начальник штаба. Он почувствовал щемящую боль в сердце. Всего несколько минут назад, забыв о войне, он был безмерно рад этому яркому дню. Первому дню мира на земле. Казалось, начисто перечеркивается все, что осталось позади. По нет. Хотя и замолкли пушки, хотя уже не воют пикирующие бомбардировщики, а следы боев долго еще будут видны...

Алешка заметил, как моментально изменились лица стоявших вокруг него офицеров. Опустились их головы, и каждый, наверное, вспоминал тех, кто так и не дошел до этого праздничного стола...

— А Савчук? — глотая слезы, спросил Алешка у Бирюкова.

Бирюков не ответил, только еще ниже склонил голову, и пальцы его сжались в тугий кулак.

— Я предлагаю за них, товарищи,— нарушая гнетущую тишину, сказал он.

Офицеры молча разошлись по своим местам. Так же молча были налиты и подняты стаканы.

— Мы никогда, никогда не должны забывать их,—голос Бирюкова стал глухим.— Мы, живые, должны построить для них памятник такой, чтобы его было видно всему миру. А на памятнике огромными золотыми буквами высечь горьковские слова: «Пушкай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером»...

* * *

На другой день, 10 мая, Алешку вызвали в штаб корпуса.

Полковник Привалов вручил ему орден Красной Звезды и приказал немедленно собираться в дорогу. На сборы он дал всего два часа.

Побыв у Бирюкова, Алешка бросился разыскивать Чукова. Он, может быть, только сейчас, когда пришла минута расставания, понял, как дорог ему этот немного суховатый старшина. Раньше, когда были живы Кардашов и Савчук, Алешка порой сторонился Чукова. Ему тогда казалось, что тот слишком жесткий. Но все это только казалось. А потом Алешка узнал: когда его ранило у пулемета, именно Чуков на себе вытащил его из боя.

—Значит, уже едешь? — встретил его старшина.

—Да, на «виллисе».

—Поезжай, поезжай, учиться тебе надо.— Чуков достал из повозки набитый вещею мешок и протянул его Алешке:—Мы тут в дорогу тебе собрали. Ехать-то далеко.

—Что вы, мне же дали аттестат!—воскликнул Алешка.

—Аттестат аттестатом, а это не помешает. Да, Вот еще что... —Старшина достал листок бумаги.— Здесь все мои адреса, где я могу находиться после демобилизации. Что бы с тобой ни случилось, приезжай, будешь моим сыном.— Он быстро обнял его и так же быстро оттолкнул от себя.— А теперь иди.

«Виллис» помчался дорогой, которой Алешка всего день -назад въезжал в этот нерусский город. Он устроился на заднем сидении и, обернувшись, смотрел назад. Его душили слезы. Казалось, что-то близкое, родное уплывало от него, скрывалось в сизой дымке...

На одной из румынских железнодорожных станций Алешку посадили в вагон поезда, битком набитый отъезжающими на Родину нашими солдатами.

* * *

Через несколько суток приехали в Москву. Алешка никогда раньше не был в столице. Он шел по залитым солнцем улицам и радостно разглядывал высокие дома, большие витрины магазинов, кудрявые подстриженные деревья, прозрачной тенью закрывавшие тротуары.

До Сокольников оказалось далеко, и Алешка сел в автобус. Возле огромного парка он вышел и направился к пересыльному пункту.

Комендант общежития, высокий сухой старик, долго изучал его документы.

—Что, много приехало поступать в Суворовское? — спросил Алешка.

—Много,—комендант двинулся по коридору.— Одних вас, воспитанников с фронта, семнадцать прибыло. Кстати, ты уже второй Паршин.

— А первый откуда? — воскликнул Алешка.

—Кажется, со второго Украинского. Да, вот все его данные.— Комендант открыл журнал,

который держал в руках, и ткнул в графу пальцем.— Паршин Виктор Васильевич, воспитанник 18-й танковой дивизии.

—Где он?—взволнованно спросил Алешка.

—Небось гуляет в сквере.

Алешка выскочил на улицу и побежал по скверу. Навстречу ему шли люди. Вот лейтенант ведет под руку молоденькую девушку. Следом два майора — летчика. За ними... У Алешки захватило дыхание: по аллее навстречу ему шли двое мальчишек в военной форме. Один был сухощавый, с петлицами артиллериста, а рядом с ним...

— Витька, Витька!—закричал Алешка и бросился к нему.

Невысокого роста мальчишка, на котором был черный китель танкиста, быстро повернулся и в упор посмотрел на Алешку, Густые ресницы его захлопали, как у птицы крылья.

— Але-ешка!—выдавил он.

Они стояли, ухватившись за руки, и с любопытством разглядывали друг друга. А вокруг сгущалась толпа.

— Братя, братя встретились!—неслось отовсюду.— Смотрите, как две капли похожи!

Они выбрались из сквера и побрели по широкой улице. Жаркое солнце упало за крыши домов, но разогретый асфальт продолжал поддерживать духоту.

—Что же ты молчишь? — дернул Алешка Витьку за руку.— Как ты попал в армию?

Говори же, рассказывай!

—Не торопись,— замотал головой Витька,— дай прийти в себя. Сам ты не рассказываешь, а меня гонишь.

—Мне долго, я потом все тебе расскажу.

— Это и правда, тебе долго.— Витька остановился и провел по Алешкиной груди рукой.—

Вон сколько по-нацеплено. А я чем могу перед тобой похвастаться?

—Но ведь орден же Красной Звезды ты получил за что-то!

—Это тогда, когда мы в саду с тобой были. Помнишь?

—Еще бы.

—Ну вот. В то утро в село пришли немцы. Я остался у деда с бабкой. У тех, которые нас молоком поили. Помнишь?

Алешка мотнул головой. Кажется, это было совсем недавно. Ночной сад, копна душистого сена, бабка с кринкой молока, суровый дед с колочими глазами. И стройная женщина, которая в первый раз тогда появилась во сне. Вот она сидит в придорожной канаве над убитым ребенком. Во взгляде ее столько отчаяния, что, вспомнив эти глаза, он сигов а почувствовал, как холодный озноб пробежал по телу...

—Жил я у них... А в начале сорок четвертого к селу подошел фронт. Немцы в садах установили уйму пушек. Я все выведал, ночью пробрался к своим и все рассказал. А под утро провел девять танков в обход по балке. Эх, если бы ты видел, какого чесу им дали тогда! Они ждут наших спереди, а мы к ним с тыла. В один момент разогнали всех фашистов и пушки их подавили.

— И тебе за это — Красную Звезду?

— Ага. И полковник Симаквн взял меня с собой. Только на передовую уже не пускал.

Мягкие вечерние сумерки спускались на дома, на деревья и тротуары. Вокруг вспыхнули гирлянды фонарей. Держась за руки, мальчишки медленно шли по многолюдным улицам Москвы...

